

ВЗРЫВ

Над широкой равниной повисло черное облако дыма и дыма. Истерзанная земля судорожно дергалась, дыбила огненными смерчами. «Дзинь-дзинь», — поют над головой пули. «Бах-бабах! Бум!» — содрогается воздух от оружейных залпов.

Витька видит прямо перед собой немецкий пулемет. Фашист спрятался за бугорком и ведет огонь. Витька сжимает пересохшие губы, бросает в него гранату, но она почему-то не взрывается.

— Убью! — орет гитлеровец и пускает длинную очередь.

Витька падает. В правой ноге он чувствует острую боль. «Ранен», — догадывается Витька и пытается приподняться, а ноги страшно отяжелели и не двигаются, руки тоже как будто одеревенели.

— Вот, вот где он! — вдруг доносятся громкие голоса. «Это за мной!» — радуется Витька и видит рядом с

собой отца. Он в военной форме, подтянутый и стройный, с автоматом на груди. И еще у отца сбоку кобура, а в ней, конечно, наган. — Папа, папа! — кричит Витька, но голоса своего не

слышит. Витька прильнул к шершавой щеке отца. — Па па, папочка, мы будем вместе воевать. Я скоро поправлюсь...

Слышится все нарастающий вой фашистских самолетов. Они летят низко, над самой головой, видны зловещие черные кресты. От переднего самолета отрывается огромная темная капля.

— Трах! — Оглушительный взрыв сотряс воздух.

— А-а-а! — закричал в ужасе Витька.

— Ну что с тобой?

Витька открыл глаза. Над ним склонилась мать.

— Мам, ты?

Витька приподнял голову над подушкой. В ушах ещё стоял звон от страшного взрыва. «Значит, это было] во сне?»

— Мам!

— Тише ты!

Витька удивился: мать почему-то ушла от него к окну и осторожно выглядывала на улицу. «И что она там увидела? Даже не хочет выслушать меня». Витька сбросил с себя одеяло и снова заговорил:

— Да ты послушай. Как будто я на фронт попал...

— Замолчи ты! — раздраженно бросила мать, даже не обернувшись.

Витька затих. Уж не случилось ли чего? Он наскоро оделся и, ступив босыми ногами на холодный пол, по-ежился.

— Видишь, кто там? — прошептала мать, когда Витька подошел к окну.

— Кто?

— Немцы!

— Как немцы? — растерялся Витька. — Откуда?

— А я знаю, откуда? — дрогнувшим голосом отозвалась мать и отошла от окна.

На противоположной стороне улицы, возле школы, стояло несколько длинных грузовиков, покрытых запыленным брезентом. Около них сновали солдаты в темно-зеленых шинелях. На крыльце, широко расставив ноги, стоял толстый немец, без шинели, в высокой фуражке и покрикивал на солдат.

«Наверно, командир», — подумал Витька.

— Хватит тебе там смотреть! — прикрикнула мать.

Но Витька плохо слушал, что говорила мать. Он думал как же это могло такое случиться? Вчера только наши войска проходили через деревню, а сегодня утром появились фашисты. С улицы доносились чужой, лающий говор, натужный рев машин.

Витька потихоньку выскользнул в темные сени, но выйти на улицу не решился. Немного приоткрыв дверь, стал наблюдать за немцами. Они по-хозяйски расположились в школе, таскали ящики, чемоданы, мешки, весело переговаривались между собой.

Витька уловил несколько знакомых немецких слов: шуле, шнель, хаус...

Жители деревни не появлялись на улице. Только куры, ничего не подозревая, смело вышли на дорогу. Петух, как настоящий предводитель куриного войска, шел впереди, выпятив грудь, и подбадривал своих нерешительных подруг.

Немцы, заметив кур, оживились, забормотали. Низкорослый фашист с черными усиками не спеша вытащил из кобуры пистолет и стал целиться в беззаботных хохлаток. Выстрел прозвучал, словно удар пастушьего кнута. Белая курица вдруг споткнулась, затрепыхала крыльями. Куры с кудахтаньем кинулись врассыпную. Немец подошел к убитой курице, приподнял ее за крыло, как бы взвешивая.

— Гут, гут, — довольно захохотал фашист и потащил добычу в школу.

Услышав выстрел, встревоженная мать выскочила в сени.

— Ты зачем вышел? Убьют еще.

Витька хотел вернуться в избу, но тут его внимание привлекла странная процессия.

К школе приближались трое мужчин. Впереди шел сутулясь угрюмый Ефим Казаков. Под мышкой он держал что-то завернутое в белую тряпку. За ним следовал подпрыгивающей походкой Самохин, учитель. У него на лице застыла какая-то пугливая гримаса. Самохин все старался не отстать от Казакова, семеня ногами и косился в сторону немцев. Третьим в этой компании был длинный, нескладный мужик, с костылем в руке, известный в селе больше по прозвищу Ворона.

«Куда они идут?» — подумал Витька.

Группа остановилась перед самым крыльцом школы. — Mam! Иди-ка сюда. Посмотри.

— Что там еще?

— Глянь-ка... вон туда... — вполголоса сказал Витька, с любопытством наблюдая за Казаковым. А тот между тем достал из-под мышки сверток, развернул тряпку, оказавшуюся полотенцем, и вынул из нее ковригу хлеба.

Немцы тоже с интересом наблюдали за тремя русскими. Казаков поправил на голове фуражку. Самохин суетился рядом; он положил на руки Казакову вышитый рушник, а сверху — ковригу.

— Что это они?

— Не видишь? — отозвалась мать. — Хлеб-соль вздумали немцам преподнести. Это все Ефима Казакова затея... Эх, глаза б не смотрели.

— И Самохин с ними?

— Стало быть, с ними.

Казаков оглянулся на своих компаньонов и с торжественной медлительностью стал подниматься по ступенькам крыльца. За ним двинулись Самохин и Ворона. Солдат, стоявший у двери, взмахом руки остановил делегацию. Он о чем-то спросил Казакова, тот ему ответил. Немец ухмыльнулся и пропустил мужиков в школу.

— Ну, хватит смотреть, пойдем завтракать, — сказала сердитым голосом мать. — Насмотрелись...

Мать собрала на стол. Есть Витьке не хотелось. Он отодвинул кружку с молоком.

— Mam, а зачем этот хлеб-соль немцам? Есть?

— Обычай это такой. Гостям хлеб-соль преподносят. Из уважения.

— Да-а, — протянул Витька. — А они немцам тоже как гостям. Вон что... И Самохин туда же.

— Ясно, решили к немцам подлизаться.

— Mam, а как же со школой? — спохватился Витька. — Ведь завтра занятия.

— Не до школы теперь, — отмахнулась мать. — Живым бы остаться. — Ее доброе красивое лицо сморщилось, стало жалким и беспомощным. Она закрыла лицо передником.

Витька не любил, когда плачут. Он стал успокаивать мать:

— Не надо... Наши скоро вернутся. Вот увидишь, И отец придет домой, и я обязательно поступлю в морское училище_ Что ты понимаешь, несмышленыш, — вздохнула мать, вытирая слезы.

Нет, с этим Витька был не согласен. Какой же он несмышлёныш? Ну, пришли немцы. Так не навечно же. Прогонят их. И потом отец не зря, уходя на фронт, сказал ему: «Смотри, сынок, ты остаешься за хозяина. Маму береги», — и потрепал по худенькому плечу.

Витька казался старше своих тринадцати лет. Высокий, голубоглазый, немного курносый.

Лицо густо усеяно веснушками, рыжеватые кудри не поддаются расческе.

За окном по-прежнему раздавались крики немцев, гудели машины. Кто-то заиграл на губной гармошке. Веселый мотив разозлил Витьку. Он сжал кулаки: эх, достать бы автомат да резануть очередь...

Нет, надо немедленно повидаться с Петькой. Витька вышел на улицу и, пригибаясь за плетнем, стал пробираться к Петькиной избе. Шел осторожно, боясь привлечь внимание немцев.

Витька тихо постучал в дверь со двора. Ответа не было. Постучал немного сильнее. Опять тишина. Витька разозлился: «Вот как начну бухать кулаком...». Но стучать громче все-таки не решился. «Эх, Петька, наверно, залез от страха на печку, как таракан». Витька выглянул из-за плетня на улицу и, убедившись, что немцы не смотрят в его сторону, перемахнул через изгородь. Дверь с улицы тоже оказалась запертой. За окном мелькнуло Петькино лицо.

Витька услышал, как в сенях звякнула щеколда.

— Ты что, не слышал, как я стучал? — недовольно спросил Витька, входя в избу.

— Слышал, — ответил Петька, — только я думал, что это немцы.

— Эх, ты! — укоризненно посмотрел Витька на приятеля. — Так и будешь теперь все время в избе сидеть?

— Подумаешь, смельчак, — возразил Петька. — Бабушка моя волнуется. Вот я ее успокаивал, — схитрил он, не желая выглядеть трусом.

Витька взглянул на расстроенное лицо друга и примирительным тоном сказал:

— Все женщины такие. И моя мать тоже немцев боится.

— Зато Казаков и Самохин не боятся, — с иронией произнес Петька.

— А ты видел, как они в школу ходили? — Видел.

— Хлеб-соль фашистам носили, — возмущенно сказал Витька. — Вот гады. А?

— Кто-то плачет. Слышишь? — Петька приблизился к окну..

Витька стал рядом.

По улице два здоровенных немца вели корову. Один тянул ее за веревку, а другой шел сзади и подгонял корову прикладом. Следом, голося, как по покойнику, брел спотыкаясь тетка Наталья. Двое детишек ревели, уцепившись за юбку матери. Немец с автоматом остановился и начал ругать женщину. Наталья, прижимая руки груди, слезно умоляла не забирать корову. Она указывала на своих ребятишек, но немец ничего не хотел слушать! Он молча снял с плеча автомат и навел на женщину.

— Ой! — вскрикнул Петька. — Убьет!

Наталья попятилась назад, прикрывая собой детей. Фашист громко закричал, грозя автоматом. Мать и дет, замолчали и со страхом смотрели на немца. Тот круто повернулся и стал догонять своего сообщника по грабежу!

ТАЙНА

На третий день немецкие автомашины, стоявшие возле школы, уехали. Остался только один приземистый черный лимузин. В школе поселился фашистский офицер. Говорили, что это комендант. Каждое утро Витька видел из окна, как немецкий солдат с котелком ходил на кухню, которая находилась во дворе пекарни сельпо

— Сегодня, — сказал Витька, — немцы приходили к директору на квартиру.

— Зачем? — встрепенулся Петька.

— Хотели арестовать. Коммунистов разыскивали.

— Ну?!

— Ушли ни с чем. Николая Сергеевича не нашли.

— А где же он?

— Говорят, ушел в партизаны. И председатель тоже с ним. Много наших в лес ушло... Петька от удивления раскрыл рот. Вот оно что! А как же они теперь? Почему их тоже не взяли в лес? Все еще считают маленькими. На фронт нельзя, в партизаны Ребята наблюдали за тем, что делается в школе. Окно, выходящее в сад, было открыто.

Витька кулаком толкнул
приятеля в бок:

— Давай посмотрим, что там.

— Ты очумел? — испугался Петька. — Да они нас убьют.

— Эх, ты, — с досадой проговорил Витька. — А еще на фронт собирался.

Петьку это задело за живое. Сам он, по натуре фантазер и выдумщик, любил всякие приключения.

— А ты думаешь, я испугался? Надо только сначала разведать...

— Я уже кое-что разведал. Офицер с утра уходит. А денщик то на кухню, то по дворам яйца и молоко собирает.

Петька взглянул на школу. Раскидистые яблони свешивали ветви с потемневшего забора. На листьях тополя осень уже зажигала бледный румянец.

— Сейчас немного подождем, — продолжал Витька. — А как уйдет этот Долговязый, мы и залезем в школу. Из сада.

— Там дыра в заборе есть, — добавил Петька. Он не сказал, что летом не раз пользовался этим лазом, чтобы полакомиться школьными яблоками. — Только одному надо смотреть, а то немец вдруг вернется — и попадемся.

— Вот ты и постоишь на карауле. В случае чего, мне сигнал подашь. Вот так, — и Витька, заложив два пальца в рот, оглушительно свистнул.

Петька зажал ему рот.

— Ты что? Обалдел?

Наблюдательный пункт они избрали на крыльце Витькиной избы. Денщик еще был в школе. Он поминутно выбегал на крыльцо: чистил сапоги, выбивал пыль из шинели своего начальства. Время близилось к обеду, а немец все еще возился в школе.

— Что-то он сегодня не торопится, — озабоченно проговорил Витька. — Мне уже самому есть захотелось.

Петька посмотрел вдоль улицы. Когда начинался обед, возле сельповской пекарни толпились фашистские солдаты. Сейчас там было безлюдно. Минуты ожидания тянулись страшно медленно.

— А если Долговязый не уйдет? — начал сомневаться Петька.

— Уйдет, — уверенно сказал Витька. — Бел обеда он жить не может.

И тут, как бы в подтверждение его слов, на пороге школы появился немец. Он постоял на крыльце, покрутил головой и снова скрылся в доме.

— Наверно, нажрался яичницы и про обед забыл, гад проклятый, — начал злиться Витька. Однако немец тут же вновь вышел на крыльцо с алюминиевым котелком в руке. Напевая какую-то песенку, он побрел не спеша по улице.

Витька спустился с крыльца.

— Обожди, — дернул его за рукав Петька, — пусть подальше отойдет.

— Далеко уже.

— А почему я должен быть наблюдателем? — вдруг запротестовал Петька. — Я тоже пойду с тобой.

Витька рассердился.

— Мы же договорились. И ты согласился...

— Нет, нет, — упрямо твердил Петька. — Я тоже пойду.

Витька понял, что уговаривать его бесполезно.

— Ладно, пошли. Нечего время терять.

Они пролезли в сад через дыру в заборе. Под ногами шуршали опавшие листья. Ребята крались осторожно прячась за густые кусты акации. Подобрались к самым окнам. Крайнее от угла — это учительская. Витька заглянул туда и мгновенно отдернул назад голову.

— Чшш,— шикнул он на Петьку, часто задышав.— Там собака! Спит. Давай в пионерскую комнату.

Они поползли вдоль стены. Петька чуть было не вскрикнул — по босым ногам его жгуче хлестнула крапива.

Окно оказалось затворенным. Витька осторожно по тянул за створки рамы, и они раскрылись. Ребята затаились и не двигаясь с места, стали осматривать комнату. Оттуда потянуло противным кислым запахом. На полу валялись пустые банки из-под консервов, цветные бумажки. В углу навалом лежали какие-то зеленые ребристые жестяные коробки и сумки. Портреты и картины были сорваны со стен, рамки поломаны, Витька влез на подоконник и спустился на пол. За ним последовал Петька.

Петька присел на корточки и стал рассматривать вещи, сваленные в углу. Витька подошел к столу. Здесь лежали газеты, какие-то бумаги. Из-под стопки книг виднелся уголок красного материала. Что это такое? Витька сдвинул в сторону книги и увидел кумачовый сверток с золотой бахромой.

— Знамя! — вскрикнул Витька. — Знамя нашей дружины!

От волнения у него выступил на лбу пот.

— Тихо,— прошептал Петька. — Услышат. — Он в этот момент вытащил из свалки горн и сосредоточено рассматривал его, будто видел впервые.

— Знамя надо спрятать. Айда отсюда — скомандовал Витька.— И горн бери.

Они спустились на землю и на четвереньках поползли в кусты акации. Здесь Витька засунул знамя под рубашку

— А окно-то я забыл закрыть,— вдруг спохватился Петька. — Догадается этот Долговязый.

— Вот тебе на,— помрачнел Витька.

— Обожди. Я побегу закрою, — и Петька нырнул, в кусты.

Витька стал наблюдать за дорогой. Если бы показался немец, Витька сразу бы подал другу сигнал. Но фашист, к счастью, еще не появлялся. Наконец возвратило Петька. Он тяжело дышал, но глаза его радостно сияли

— Куда теперь? — спросил он. — Может, домой?

— Нет, домой нельзя. Вдруг с обыском придут. -Витька на минуту задумался. И вдруг заметил в рука Петьки кожаную сумку.— Это что у тебя?

— На стене висела. Горн в нее положил.

Ну что с ним будешь делать? Витька хотел его отру гать, но счел момент для этого неподходящим.

— Давай скорее отсюда сматывать удочки. Бежим!

— Куда?

— Сейчас увидишь.

Во весь дух припустили ребята по крутому косогору к пеке и через минуту скрылись в густых зарослях лозняка

Витька шел впереди, раздвигая ветки. Под ногами звучно хлюпала вода. Он вдруг остановился и вынул знамя из-под рубашки. - Они наверное, хотели его в Германию увезти,— заговорил он прерывающимся голосом. — Ну нет уж, вот вам. Видали? — и Витька показал кукиш в сторону деревни. Надо только его хорошо запрятать,—сказал Петька и ласково погладил мягкий шелк.

— В карьере спрячем. Понял? — Витька снова бережно спрятал знамя под рубашку. — Пошли!

Разработка карьера началась еще до революции. Местный помещик вздумал нажить большие деньги, добывая здесь известняк. Но тут грянула революция, и разработка карьера прекратилась. Накануне войны снова было развернулось добыча камня для строительства

шоссе. В карьере часто гремели взрывы, и ребяташки с горы восхищенно наблюдали, как взлетали ввысь крупные комья глины, песок, обломки камня. Выработки в карьере соединялись с естественными пещерами. Они служили деревенским мальчишкам хорошим местом для игр в прятки.

Карьер был на противоположном берегу. Ребятам пришлось перебираться через реку вброд, по колено в студеной воде. Внезапно потемнело. Витька взглянул на небо. Солнце исчезло. Серые стада туч тяжело плыли по небосводу. Над деревней уже опустилась темная завеса дождя.

Витька шел впереди, временами спотыкаясь о камни. Вот и карьер. Витька свернул в боковой штрек. Мрак и жуткая тишина встретили ребят. Постепенно привыкая к темноте, они медленно пробирались в глубь пещеры.

— Здесь спрячем, — сказал Витька. Он каким-то чудом разглядел во мраке углубление в каменной стене. — Смотри, удобное место.

Петька таращил глаза и ничего не видел.

— Да вот же, вот, — Витька повернул друга за плечо. — Сюда смотри.

— А-а, теперь вижу, — Петька еле различал смутные очертания изломов известняка.

Витька ощупал уступ.

— Тут настоящая каменная полка...

— Вить, а вот у меня сумка. И знамя и горн в нее положим. — Пригодилась. — согласился Витька. — Давай ее

сюда. — Сейчас. Тут в ней какие-то бумаги.

— Да брось ты их.

— Нет. А может, это какие секретные.

Петька быстро рассовал содержимое сумки по Карманам.

Поверх сумки они навалили груды камней.

— Только, чур, об этом молчать, — предупредил Витька. — Тайна. Понял?

— Никому ни слова, — согласился Петька. — Во честное пионерское!..

— Смотри!

— А знаешь, Вить, — таинственно заговорил Петька будто опасаясь, что кто-нибудь подслушает. — Достать бы нам оружие. И тут бы у нас крепость была. Мы бы как партизаны, отсюда на немцев нападали.

Они вышли из карьера. Дождь все еще шел.

— Придется переждать, — сказал Витька. Они при сели на большой камень у входа в пещеру. Петька про долгал обдумывать свой проект превращения каменного ломи в военную крепость. «Этот вход, — размышлял он, — можно завалить камнями, сделать бойницы. Попру буй сюда сунься. Тут никакая бомба не страшна. А в пещерах, в случае чего, можно скрыться. Вот только раздобыть автоматы или хотя бы на худой конец винтовки..»

А Витьку занимали иные мысли. Он думал о том, что в ближайшие дни надо сделать ящик для знамени, что его нужно сберечь до прихода наших войск. И еще Витька вспомнил сейчас, как под этим знаменем перед строем своих сверстников он давал торжественное обещание. Это была первая в его жизни клятва, клятва перед лицом товарищей.

Со стороны деревни донесся рев моторов. Витька медлил, прислушался.

— Идем что ли, — нетерпеливо сказал Петька.

— Обожди. Слышишь? Кажется, собака лает. Петька подошел к кустарнику, раздвинул мокрые ветки и тут же отпрянул назад. Побелевшие губы вздрагивали.

— Они... идут сюда... с собакой, — заикаясь проговорил он.

Витька выглянул из-за куста и убедился, что Петька прав. От школьного сада по косоугору к реке бежал солдат с овчаркой. Собака лаяла, тыкалась носом в землю, то тянула немца вперед, то металась из стороны в сторону неужели влипли? Что же делать?»

-Уходить надо, - подал голос Петька. Витька промолчал. Куда уходить? Вон уже хорошо видно, как по деревне мчатся мотоциклы с солдатами. Немцы переполошились. Дело ясное: они обнаружили пропажу...

— Гав, гав, гав! — Все злее становился лай овчарки. Вот она уже почти у самой реки.
— Бежим, бежим, — скулил Петька. — Пока не поздно, в пещере спрячемся.
— К реке подходят, — глухо отозвался Витька. У него все похолодело внутри, но он не подавал вида, держался. — Если собака придет сюда, то надо бежать вниз по реке в камышовые заросли...

Он приподнялся, раздвинул кусты и обрадованно выдохнул:

— Теперь все!..

— Что «все»?

— Не пошла собака через речку.

И точно, собака бегала по берегу, кружилась на месте, потом повернула назад, к школе.

— Неужели пронесло? — Витька вытер со лба холодный пот.

— Ну и дурак же я! — воскликнул Петька. — Совсем память отшибло. Ты знаешь, я в книжке читал, что после дождя собаке трудно отыскать след. А через реку тем более. Вот мой Пират...

— Пират, Пират, — передразнил его Витька. — А чего же ты тогда сробел?

— А ты не сдрейфил?

— Ну я что, — Витька насмешливо посмотрел на друга. — Я не знал про дождь. А ты все-таки дрессировщик...

Петька почувствовал в словах приятеля иронию, но проглотил пилюлю. Все-таки струхнул он чуток. Ну, да ладно. Чего с кем не бывает. Вот как бы теперь домой добраться. Из деревни нет-нет да и доносились выстрелы. Что там творилось?

...Только спустя два часа, когда поднятая немцами тревога улеглась, ребята рискнули пробраться домой. Оврагом они подкрались к Петькиному огороду, который спускался далеко по косогору. — Ну теперь мы дома! — обрадовался Петька, подвел Витьку к дыре в плетне. — Лезь!

Грязные и закоченевшие, усталые от пережитого, ребята присели в шалаше. Петька старательно запрятал соломе немецкие бумаги. Они договорились, что посмотрят их потом и разошлись по домам.

Переступив порог, Витька остановился в растерянности. В избе был настоящий погром: на затоптанном полу в беспорядке валялись вещи ошметки грязи. Посредине комнаты стояла заплаканная мать с веником в руках.

— Ты где шлялся? — набросилась мать на Витьку когда он стал молча раздеваться. — Вымок весь, как цик какой! Где шатался, у тебя спрашиваю?

Витька покорно выслушивал ее упреки. Он знал, что пожурился для порядка, мать начнет искать сухую одежку, накормит его и быстро обо всем позабудет.

— У Петьки сидели, — ответил Витька.

— Ты мне тень на ясный день не наводи! — повысила мать голос. — Петькина бабка ко мне только что приходила, искала его.

— А мы на огороде, в шалаше сидели.

— Сидели, — смягчилась мать. — А тут из-за тебя вся душа изболела. Немчуги по дворам шастали.

Витька заметил, что за эти дни лицо у матери осунулось и постарело.

— Мы, мам, осторожно, — сказал он, чувствуя свою вину перед матерью. Он забрался с ногами на диван, сделанный отцом. Здесь было тепло и уютно.

— Ты по улице не больно-то бегай, Вот сегодня немец у Гороховых чуть парнишку не застрелил. Тот слово какое-то ляпнул, когда фашист гусей ловил. Немец-то на го с пистолетом и бросился...

— Вот гады. Я бы их...

— Ты слушай, что тебе говорят, — рассердилась мать Витька насупился.

— Ненавижу я их, как лютых собак. Мне папка говорил...

— Эх, ты, глупый, — мать устало опустилась на диван рядом с ним. И они, словно сговорившись, посмотрели стену, где в рамке блестела фотография. Там на снимке их было

трое. Отец, мать и Витька. Фотографировал их за месяц до начала войны Витькин старший брат Олег, приезжавший в отпуск. Он работал на уральском заводе. У отца чуть прищуренные глаза, в уголках губ затаилась усмешка. Витька стоит посередине, вытянув шею. На нем настоящая матроска бескозырка с золотой надписью «Моряк». Это подарок брата и Витькина гордость. Рядом с Витькой улыбается мать. Выглядит она совсем молодо. А за спиной виднеются цветущие яблони — фотографировались в саду, в солнечный майский день. Жаль, что снимки пришли с запозданием, когда отец уже ушел на фронт.

— Мам, тебе страшно было, когда немцы пришли?

— Сначала прямо ноги подкашивались, а когда начали они везде шастать, меня зло разобрало. Один тут длинный, как жердь, нос горбатый, глаза злые, на меня зверем смотрел. Швыряет вещи, во все закоулки лезет, а сам по-своему бормочет. И на чердак лазили, и чуланчик вверх дном перевернули. А как увидел этот злой корзинку с яйцами, обрадовался: «Яйки! Гут!». По всей деревне рыскали, часовых расставили, что-то у них из школы пропало. Я уже думала — конец нам теперь. Да на этот раз, слава богу, пронесло. Чтобы их иродов гроза спалила!..

Варвара Степановна тяжело вздохнула и погладила жесткие Витькины вихры.

— Не лезь на рожон, сыночек. Прошу тебя, — она всхлипнула.

Витька котенком прижался к матери, затих.

ПЕТЬКА ВОЗМУЩАЕТСЯ

Голос у Катьки звонкий, как колокольчик:

— Вить, обожди, ну одну минуточку обожди! — Идем, идем, — заторопил Петька. — Будет сейчас докапываться, что да как.

А Катька уже бежала за ними, перепрыгнула через канаву и вмиг очутилась рядом.

Возмущенный Петька сердито засопел, быстро пошёл вперёд. Катька погасила улыбку и озабоченно, материнским тоном спросила:

— Ты где вчера пропадал?

— А что? — Витька всегда почему-то робел пере Катькой. Он смущенно прокашлялся, мучительно подыскивая ответ, не вызывающий подозрений, но ничего толкового на ум не приходило.

— Как «что»? — Катька уставилась на него своим карими глазами.

Витька не выдержал ее взгляда, опустил голову.

— Ходили с Петькой на рыбалку...

— Ври больше! На рыбалку... — Катька чуть не задохнулась от возмущения. — Кто теперь рыбу ловит? Го вори правду, — наступала она, сверля Витьку буравчика ми своих беспощадных глаз.

«Вот влип, — тоскливо подумал Витька. - Привязалась, как сыщик. Все ей хочется знать».

Но он решил не сплешать. Хоть и хитра Катька, а Витька тоже не лыка шит.

— Вот не веришь, а зря, — не поднимая головы убеждал ее Витька. — Мы поставили верши...

Катька сдвинула тонкие черные брови. Ответ походи на правду, но какое-то внутреннее чувство подсказал ей: Витька увильивает от прямого ответа.

— По глазам вижу, что врешь. Ну, признайся Вить...—В Катькиных глазах прыгали сердитые точки но Витька твердил свое:

— Зачем мне врать? Спроси у Петьки. Он тебе то ж самое скажет.

— Ладно, — Катька поджала губы, отвернулась. Витька переминался с ноги на ногу. Петька скрылся

за поворотом улицы. Вот ему бы поговорить с Катькой он мастер на всякие выдумки и, наверное, сумел бы её убедить. А дружок даже не обернулся, не подождал. Зна чит, тоже осерчал.

— Ну, что стоишь? — сердито бросила Катька. -Иди, догоняй.

В ее голосе Витька уловил обиду. I

— Кать, — он виновато улыбнулся и шагнул к ней. — Ты не сердись.

Катя молчала. Ей было приятно, что Витька ища примирения, но и сдавать свои позиции она не хотела. Её возмущало, что мальчишки, с которыми она всю жизнь ведет борьбу за право быть во всем с ними наравне, не хотят с ней считаться. Вдруг Катя сорвалась с места и стремглав понеслась к своему дому. Витька не успел опомниться, как ее белый платочек молнией мелькнул на крыльце, хлопнула дверь и Катя исчезла.

Ошеломлённый Витька стоял, не зная, что предпринять. Засунув руки в карманы штанов, он медленно по-брёл по тропинке, петлявшей рядом с дорогой. Витька чувствовал угрызения совести, ему было не по себе, будто он совершил нехороший поступок. Катя водилась с мальчишками, никогда не давала себя в обиду и умела держать слово. Но не мог он поделиться с пей тайной.

Петя ожидал товарища. Он стоял, прислонившись спиной к развесистой ракете и, прищурился левый глаз, поглядывал на приближавшегося Витьку.

— Допрашивала? — спросил Петя.

— Ага. Где были, говорит.

— А ты?

— Сказал, что верши ставили.

— Эх, конспиратор! (Он любил иногда щегольнуть мудреным словом).— В темных Петькиных глазах мелькнула насмешка. — Растерялся перед девчонкой...

— Хватит! — отрезал Витька. Он уловил в словах товарища, который всегда стремился подчеркнуть свое презрительное отношение к девчонкам, издевку. — Ты брось свои насмешки, а то знаешь!..

Петя сразу замолчал. В их дружбе установились такие отношения, что последнее слово всегда оставалось за Витькой. Но Петя, более горячий и вспыльчивый, признавая авторитет друга, все же нередко увлекался и переступал установленные границы. И это приводило к ссорам. Правда, Петя обычно первым шел на примирение, а Витька не мог долго злиться. Лишь один раз они крепко поссорились, целый месяц не разговаривали, сторонились друг друга. Это заметил драчун и забияка Пашка Копылов. Пока у ребят были хорошие отношения, он не трогал их. так как знал: это ему даром не пройдет. Когда между приятелями начался разлад, Пашка осмелел, начал придирается к Петке. Пашка был старше, он два года просидел в одном классе, справиться с Петкой ему не представляло большого труда. Однажды они возвращались из

Школы. Витька, шедший сзади, видел, что Пашка лезет драку. Вот он толкнул Петку в снег. Но этого мало Пашка продолжал над ним нахально издеваться, не давая возможности выбраться на дорогу.

У Витьки все закипело от возмущения. Старая дружба взяла верх. Как коршун, налетел он на оторопевшего Пашку, свалил его в снег. Петя пришел на помощь, отдубасили драчуна и возвращались домой, будто размолвки между ними никогда не бывало. Так закончился этот затянувшийся конфликт. С тех пор Петя проникся к приятелю глубоким уважением и не рисковал идти обострение отношений, но это не исключало легких стычек.

Сейчас Петя понял, что слишком задел самолюбие товарища и поэтому попытался свести дело к шутке:

— Верши, так верши. А то сказал бы, что раков ловили.

— Пошли что ли,— отозвался Витька.— Показывай свои секреты.

И они направились в шалаш, где были спрятаны бумаги из сумки фашиста.

— Пират! Будь на страже, — предупредил Петя своего пса. — Понял?

Ребята залезли в шалаш. Здесь было тесновато, уютно. Петя оборудовал свое жилище на славу. Земля была застлана толстым слоем соломы. В уголке стояли какие-то банки и пузырьки. Оттуда долетал временами шорох. Петя любил собирать всяких жуков и бабочек

Петя раскопал солому и вытащил два свертка, туго перетянутых резинкой.

Он снял резинку, затем развернул обертку из плотной бумаги и на солому веером

посыпались фотокарточки. Ребята начали их рассматривать.

Петьке попала цветная открытка. Высокие горы, по росшие почти до самой вершины дремучим лесом. Среди зелени, прилепленный к скале, красовался замок с зубчатыми башнями. К замку вела дорога, которая петляла среди холмов.

Витька держал в руках снимок молодой улыбающейся женщины. На оборотной стороне фотокарточки было написано несколько строк на немецком языке. «Наверно, жена фашиста», — подумал Витька.

Вдруг в шалаше потемнело, и на фотокарточку упал. Витька поднял голову. Перед входом в шалаш стояла Катька. Она с независимым видом встретила Витькин взгляд. Лишь правая рука ее теребила конец пояса. Он растерянно вертел в руках снимок с веселой немкой.

Первым опомнился Петька. Страшно рассерженный, он выскочил из шалаша. При этом он стукнулся лбом о крышу и еще больше рассвирепел.

— Как ты, — Петька не находил от возмущения слов, — как ты посмела?..

— Так и посмела, — Катька отвела руки за спину и дерзко посмотрела на раскрасневшегося Петьку. — А что вы тут секретничаете?

Витька взял за руку рассердившегося не на шутку товарища. Он сообразил, что Катька, увидев фотокарточки, теперь не отстанет.

— Петь, успокойся.

— Успокойся, успокойся, — забормотал Петька. — Что я маленький? Видишь, какая она ловкая. Раз в компанию ее не берут, так она подсматривать. Лезет не в свое дело. За такое, знаешь, что бывает?

— Хоть сколько ты хорохорься, а я теперь знаю все, — съехидничала Катька и обвела ребят торжествующим взглядом.

— А что? Что знаешь? — сбитый с толку этим замечанием пробубнил Петька и замахнулся на Пирата, который сочувственно смотрел на попавшего в незавидное положение хозяина.

- Пошли, пошли в шалаш, — скомандовал Витька. Он чувствовал, что перепалка между Катькой и Петькой может затянуться и привлечь ненужных свидетелей. — Там поговорим. Петька с большой неохотой подчинился приказу. Он лез в шалаш и что-то бурчал себе под нос. Катька оста-ась снаружи.

- А ты чего стоишь? Залезай сюда, — пригласил ее Витька.

«Больно нужно было», — чуть не сорвалось у Петьки с языка.

Катька неловко опустила на колени у входа. — Лезь сюда. Тут места много. Мы подвинемся — сказал Витька.

Петька, недовольно посапывая, пересел в глубь шалаша. Витька подал Катьке первый попавшийся снимок.

— Ой! — воскликнула Катька. Фотокарточка в ее руке дрогнула.

— Ты чего? — вскинул рыжеволосую голову Витька

— Посмотри!

Витька наклонился к ней. На снимке он увидел толпу изможденных полураздетых людей. Сбоку мрачно чернела виселица. Два человека уже были казнены фашистами. Кто они, эти пленники, которые даже в этот трагический час не склонили головы перед ненавистным врагом

Все трое смотрели на снимок и молчали. Вот что такое фашисты, вот как они расправляются с советскими людьми!

— Я не могу больше смотреть, — сказала Катька и выпустила карточку из рук.

— Палачи, — сквозь зубы проговорил Витька.

— Самохину бы эту карточку показать, — отозвался Петька.

Витька взял еще один снимок. Город в дыму пожарищ. По улице несутся немецкие мотоциклисты. «Орша» — прочитал он надпись на обороте.

Карточку за карточкой ребята перебрали всю коллекцию. На всех снимках было одно и то же: взорванные мосты, разрушенные дома, плачущие женщины, склонившиеся в

безутешном горе над убитыми, колонны измученных пленных, подгоняемых улыбающимися конвоирами...

Житомир, Смоленск, Могилев, Гомель — гласили надписи на снимках.

— А это вот, гляньте, он сам, — Петька показал хохочущего солдата.

Ребята узнали в нем того Долговязого, что жил школе.

— Доволен, что жрет наше добро. Ну погоди, подавится, — сердито проговорил Витька.

В другой пачке оказались письма. От них пахло духами. Видно, эти письма солдат получил от веселой нема из Германии.

— Куда их? — раздумывая вслух, произнес Витька

— Сжечь и баста, — сказал Петька.

— А может, пригодятся? — Катька села поудобнее вытянула ноги.

— Правда, — согласился Витька, завертывая все снова в плотную бумагу. — Спрячь их куда понадежнее. — Он протянул письма и фотографии Петьке.

Петька взял сверток и снова закопал его в солому. Делал он это молча, с недовольным видом поглядывая на Катьку.

— А знамя? Где же знамя? — спросила она. Петька так и вскипел: ишь, все ей надо знать.

Все выпытывает. Он выразительно посмотрел на Витьку.

— Знамя в другом месте, — ответил Витька. — Но ты, Катя, об этом никому ни слова.

Она ответила тихо:

— Я понимаю, Витя. Я никому никогда, не скажу.

— Не проболтайся. Это такая тайна, — сказал Петька. — Немцы за это расстреляют.

Катька метнула презрительный взгляд в его сторону:

— Я тайны храню не хуже других. Ребята покинули шалаш и вышли на улицу.

По раскисшей дороге неуклюже ползли машины. Немцы сидели в грузовиках мрачные, надвинув на уши пилотки и уткнув головы в поднятые воротники шинелей.

МАРИЯ СТЕПАНОВНА

Витька лежал на печке. Вставать не хотелось. Он блаженно потянулся, ощущая приятное тепло кирпичей. Мать гремела чугунками и ухватами. По избе металась длинные тени.

Пламя багровыми сполохами отражалось в стеклах окон. Укрывшись старым одеялом, Витька обдумывал план действий на день. «Нынче же сделаю ящик для знамени. Больше откладывать нельзя».

Потом он слез с печки и пошел в чуланчик, где хранился отцовский инструмент.

Под крепко сколоченным верстаком курчавились стружки. На полке лежал длинный, тяжелый фуганок рядом — стамески и рубанки. На стене висели разнокалиберные ножовки, станковые пилы.

Казалось, отец и не уходил на войну. Вот войдет он сейчас, возьмет рубанок, попробует большим пальцем лезвие — не затупилось ли, поплюет па руки и начнет стругать: вжик, вжик... Сразу запахнет смолой. Отец заметил у Витьки тягу к столярному ремеслу, это ему нравилось.

— Учись, учись, сынок, — говорил он. — Наше де нелегко познается, а польза от него огромная.

Бывало, отец отложит в сторону рубанок, присядет верстак и медленно свернет сигарку.

Сделав несколько глубоких затяжек, он начинал вспоминать свою молодость.

Любил Витька слушать его захватывающие рассказы про гражданскую войну, про то, как восстанавливались разрушенные белогвардейцами шахты.

— Вызвал нас однажды комиссар, — рассказывал отец. — Таких, кто умел держать топор в руках, в полку было человек тридцать. Собрались в клубе. «Ну вот что орлы, — говорит нам комиссар, — храбро вы воевали с врагом, генерала Деникина беспощадно колотили, барона Врангеля в море сбросили. А теперь нужно разрушенное хозяйство поднимать. И это тоже фронт. В первую очередь надо шахты в ход пускать. Без топлива наши фабрики и заводы стоят...»

Витька взгрустнул: «Эх, где ты теперь, отец?» Взял рубанок, смахнул с него серую пленку пыли. Под верстаком нашел несколько коротких досок. В железном ящике обнаружил заржавленные, погнутые гвозди. Отец никогда не выбрасывал старые гвозди. Собирал их, расправлял и снова пускал в дело.

На маленькой звонкой наковальне, прикрепленной, верстаку, Витька расправил гвозди. Потом, как отец, поплевал на руки и начал строгать доску.

Стружка, извиваясь змейкой, мягко падала к ногам Шершавая грязная доска постепенно приобретала веселый вид. Витька строгал с упоением. На лбу у него выступили мелкие бисеринки пота, он смахнул их рукой и продолжал увлеченно работать, забыв обо всем на свете. Движения его были проворны и легки. Строгать он ум0 лучше всех ребят.

В прошлом году к празднику Первомай директор школы поручил ему сделать деревянную звезду. Витька три дня пыhtел над сложным заданием. Сделать правильны пятиугольник оказалось не так-то легко. На бумаге, на чертеже все получалось, а на деле не клеилось.

Витька отбрасывал испорченные планки и снова принимался за работу. Он даже похудел от переживаний. И все-таки каркас звезды был готов к сроку. Его обтянули кумачом и водрузили над школой. А потом была демонстрация. Витька нес знамя. Давно ли это было? А теперь... На крыше школы болтался фашистский флаг с черным крестом, походившим на паука.

— Вот он где!

Витька вздрогнул и обернулся. На пороге стоял Петька с корзинкой в руках.

_ фу, испугал, леший, — кладя рубанок, проговорил

Витька. — Куда собрался?

Петька опустил корзинку на пол и подошел к верстаку.

— Ящик делаешь? — Он повертел в руках оструганную доску.

— Ага, — ответил Витька. — Видишь, сколько уже приготовил досок. Вот тебе молоток.

Будешь гвозди заколачивать.

— Не-е, — Петька замахал руками. — Я не могу.

— Почему? — округлил глаза Витька. Петька смутился и, часто моргая, пробормотал:

— Я не потому... Катька, знаешь, догадливей нас оказалась. Она взяла вон да и ушла.

— Куда ушла? Что ты тянешь? — заторопил его Витька.

— К Марье Степановне.

— Зачем?

— Помогает ей картошку копать.

— Ух, — облегченно выдохнул Витька. — Ты из меня прямо все кишки вымотал. Я уже подумал... Ну, а ты куда?

— Я тоже... к Марье Степановне. — Петька поднял с пола корзину.

— Постой, сейчас вместе пойдем.

Витька начал поспешно убирать инструмент. Выструганные доски он сложил под верстак, повесил пилу на гвоздь. Убедившись, что все лежит на своем месте, запер дверь чуланчика. В темных сенях Витька отыскал старое помятое ведро потом забежал в избу одеться, и они вышли на улицу.

— Может, огородами пойдем? — предложил Петька. — Ближе.

— Там сейчас завязнешь, — возразил Витька

— Вить, глянь-ка! Ишь, награбили, - Петька показал в конец деревни, где три немецких солдата гнали гурт коров.

— Наверное, с Кукуевки, — процедил сквозь зубы Витька.

— Похоже, — согласился Петька.

— Дед Силантий вчера рассказывал, что немцы скот в Германию отправляют, — сказал Витька.

— А он откуда знает?

— Стало быть, знает, — Витька поправил сползшую набок кепку. — Люди начали скотину резать, а то фашисты все равно отберут.

— У нас с бабушкой только поросенок да две курицы остались... — вздохнул Петька.

Напротив дома учительницы они поравнялись с гуртом.

Солдаты, ожесточенно ругаясь, гонялись за животными, безжалостно хлестали их по бокам свистящими бичами. Коровы тоскливо и безнадежно мычали. Иногда раздавался ответный рев. Это подавали голос буренки, еще уцелевшие в деревне.

— Они всех подряд грабят. Видел, как у тетки Натальи корову уволокли? Мне бы винтовку достать, я бы их... — И Витька зло сплюнул.

* * *

Ученики любили Марию Степановну. Она преподавала в школе географию. Ребята совершали вместе с на экскурсии по окрестностям. Они и не подозревали, как много вокруг интересного, неизведанного. Вот тихо течёт светлая Песчанка. Ребята в жаркие дни купались в ней, ловили пузатых карасей, серебристых плотвичек, зубастых длинных щук. Но не все знали, где, далеко или близко, начинается Песчанка, в какую реку впадает.

Вот издавна знакомый луг, покрытый пестрым ковром голубоглазых колокольчиков. Над ними неумоимо жужжат пчелы, порхают нарядные бабочки- А было время, когда на месте этого луга простирался дремучи бор. В нем водились барсуки, лоси и даже бурые медведи. Много, очень много знала Мария Степановна, и ребята были готовы слушать ее без конца. Приехала Мария Степановна в школу вместе с матерью. Они поселились в аккуратном домике, построенном для учителей. Через полгода мать умерла, и Мария Степановна осталась в своей комнатке одна. Правда, она не чувствовала себя одинокой. К ней заходили учителя, родители, нередко бывали в гостях ученики. И это отвлекало от тяжелых воспоминаний.

Только ночью, наедине со своими мыслями, Марии Степановне становилось порой невмоготу. Она думала о своей жизни, о матери, об отце, которого не видела четыре года и, может быть, больше никогда не увидит. Она до сих пор не могла понять, в чем его вина. Четыре года назад Мария Степановна закончила педучилище и получила назначение в Лопухинскую семилетку.

Мать суетилась, укладывая чемоданы.

— Ты в нашем роду первая учительница, — говорил отец, расхаживая по комнате. —

Подумай только, твой дед не знал грамоты, расписываясь, ставил крестик. Я кое-как приходскую школу осилил, потом в гражданскую воевал — тут не до учебы было. А ты — учительница. Гордись!

Отец работал председателем сельсовета. Домой приходил поздно, но спать сразу никогда не ложился — он любил читать. Маша так и засыпала под шуршание газет. Правда, на этот раз традиция была нарушена, Степан Васильевич волновался: он провожал дочь в серьезный и ответственный путь.

Это было вечером. А ночью явились двое, одетые в гражданское. Они обыскали квартиру.

Что они искали, было только им известно. Мария Степановна растерянно наблюдала за тем, как эти чужие люди небрежно швыряют вещи, обстукивают стены. Только тогда, когда один из них приказал отцу одеваться, а мать беззвучно заплакала, она поняла, что с отцом случилась страшная, непоправимая беда.

Они не сомкнули глаз до утра.

Ни в тот день, ни через неделю они не дождались Степана Васильевича.

Месяца через четыре стало известно, что он осужден на десять лет. Мать с каждым днем чувствовала себя все хуже. У нее участились тяжелые сердечные приступы. Через полгода ее похоронили на тихом деревенском «запомни пароль...»

Катя встретила друзей равнодушным взглядом. Только черные дужки бровей чуточку вздрогнули. «На меня дуется», — смекнул Петька.

Мария Степановна очень обрадовалась. Ей было приятно, что ученики не забывают ее.

Учительница сноровисто действовала лопатой, а ребята подбирали картошку. Дело подвигалось споро. Петька покрикивал:

— Шевелись, шевелись!

— Не торопи, Петя,— сказала учительница.— Успеем.

Катька, молчавшая до этого, не выдержала:

— Ты, командир, сам не отставай. - Я отстаю? — захорохорился Петька. — Давай посоревнуемся, кто раньше подберет борозду. Становись рядом!..

К обеду картошку убрали. Мария Степановна поблагодарила ребят и пригласила их выпить чаю. Пока она разогревала чайник на примусе, хлопотала вокруг стола, Петька с Витькой рассматривали альбом с фотографиями.

Учительница достала из шкафа сахарницу, печенье и поставила на стол. Катька стала ей помогать — принесла блюда, чашки. Витька и Петька разговаривали полупрошепотом. Мария Степановна заметила, что ребята стесняются, и подошла к ним с толстой книгой, на обложке которой был нарисован парусник, плывущий по бурному морю.

— Вот посмотрите. Это книга о знаменитом путешественнике Миклухо-Маклае.

У Витьки загорелись глаза: про морские странствия, про путешествия. Это он любил.

И вот пузатый чайник водружен посередине стола. Мария Степановна налила ребятам чаю. Катька пила из блюда, нагибая низко голову, так что распущенные волосы почти касались стола. Петька прихлебывал из стакана, спешил, обжигался. Витька, наоборот, пил степенно, редкими глотками, откусывая маленькие кусочки сахара. Петька, раньше всех опустошив свой стакан, отставил его в сторону и, отдуваясь, проговорил:

— Аж жарко стало. Запарился.

— Чай очень полезно пить, — рассудительно сказала Катька и посмотрела на учительницу.

Мария Степановна улыбнулась.

Витька пригладил ладонью взмокшие волосы и неловко загремел стулом.

— Мария Степановна, — начал он, — я хотел спросить. — Витька вдруг оробел и посмотрел на Петьку. Тот сосредоточенно разглядывал стакан.

Ну что же? Говори, Витя,—уловив в его голосе нерешительность, сказала Мария Степановна.

Витька, окончательно разозлившись на себя, еще раз гроыхнул стулом.

— Я вот хотел спросить у вас, долго ли в нашей деревне немцы останутся? Болтают вот, что наша армия разбита...

Ребята притихли и ждали, что скажет Мария Степановна.

Нелегко было ей отвечать. Она и сама еще не могла осмыслить того, что произошло.

Когда началась война, Мария Степановна, как и тысячи других, свято веривших в скорую победу над врагом, не сразу поняла, какая тяжелая и сложная борьба предстояла советскому народу. Шли дни, месяцы, а война продолжалась, огненный смерч приближался. Мария Степановна не допускала мысли, что ее деревня, ее школа, милые и дорогие сердцу места окажутся под властью фашистов.

И все же эта страшная минута наступила. Мария Степановна узнала о приходе немцев раньше, чем остальные жители деревни. Глубокой ночью ее разбудил стук в дверь. С того дня, как арестовали отца, каждый ночной стук отзывался тревогой в ее сердце. Накинув на плечи халат, учительница подошла к двери.

— Кто там?

— Это я.

Мария Степановна узнала голос директора школы. И сердце ее заныло от тревожного предчувствия. Она впустила его в комнату и зажгла лампу. Николай Сергеевич был одет наспех, пиджак не застегнут. Вид у него был растерянный, подавленный.

— Садитесь, — пригласила Мария Степановна. Что-нибудь случилось?

Седов, как больной, опустился на стул.

— Дай, пожалуйста, попить, — прохрипел он, — Во рту пересохло.

Учительница принесла стакан воды. Он жадно пил. Она слышала, как булькала вода, дзинькало стекло зубы. Держа стакан в руке, Седов приглушенно заговорил

— Спешил я. Времени осталось мало. Мы сейчас женой уезжаем.

— Куда? Он понизил голос до шепота:

— В лес, немцы приближаются к деревне. Отвезу жену к родственникам в Гагарино. Седов поднялся. Длинная тень колыхнулась, захватила полстены. Под глазами у Седова — темные круги

— Не расстраивайся, Машенька. Ведь не навеки расстанемся. Надеюсь, что скоро увидимся. Марию Степановну накануне вызывали в райком партии. Ей предложили остаться в селе для подпольной работы. Она согласилась.

Мария Степановна не знала, что прежде чем ее кандидатура была внесена в список подпольщиков, Седову пришлось иметь неприятный разговор в райкоме партии. Были возражения: отец Ушачевой репрессирован.

Седов пошел к первому секретарю. Они вместе окончили пединститут, работали в соседних школах, ревниво следили за делами друг друга. Потом Карташова взяли в райком.

Когда Седов сказал, что он рекомендует Марию Степановну для работы в подполье, Карташов ничего не ответил и стал медленно вышагивать по кабинету, заложив руки за спину.

Седов напряженно ожидал ответа. Достал папиросу, хотел закурить, но скомкал ее и бросил в пепельницу

— Ладно, — глаза секретаря лукаво сощурились и он напомнил прежнего неугомонного Ваньку Карташова, веселого заводилу в студенческом коллективе. - Пусть остается. Мы ей верим, — сказал он твердо.

— Спасибо, Иван, — Седов горячо стиснул руку товарища. — Спасибо, дружище.

Мария Степановна знала, что фронт приближается но она не предполагала, что все произойдет столь внезапно. Она слушала Николая Сергеевича и растерянно повторяла: Да, да. Конечно. Мы встретимся.

— Слушай, Маша, внимательно, — сказал Седов.

— Слушаю, слушаю, Николай Сергеевич, — она тоже опустила на стул. Мысли торопливо бежали, путались... Неужели это правда? Неужели они будут здесь?

— Твоя задача — наблюдать за всем, что будет происходить вокруг, и сообщать нам. К тебе придет человек. Он скажет пароль: «Вам привет от дяди Федора». Ты должна ответить: «Спасибо. Как он живет?». Запомни пароль, потому что записывать ничего нельзя.

Он поговорил с ней еще минут пять и стал торопливо прощаться:

— Ну, до свиданья. Буду ждать вестей.

Мария Степановна закрыла за ним дверь. В гнетущей тишине мерно тикали ходики.

Разноголосо прокричали петухи, и снова напряженное ожидание чего-то страшного, неизвестного. Ей казалось, что все случившееся пригрезилось во сне. Иногда ей чудился гул моторов, тяжелый топот людей. Она вздрагивала, прислушивалась. Нет, все тихо, ни звука. Деревня безмятежно спала.

И вдруг хрупкая напряженная тишина оборвалась. Сразу, мгновенно. По сонной улице с бешеной скоростью промчались мотоциклы. Спустя два часа в село въехали тяжелые крытые грузовики. И теперь рядом — фашисты. Расхаживают по деревне, бесцеремонно лазают по дворам, грабят наших людей.

...О многом передумала Мария Степановна за эти дни. И вот он, вопрос Вити, прямой и откровенный. На него нужно ответить. Это будет ответ на ее собственные тревожные мысли. Она заговорила медленно, словно нащупывая ускользнувшую нить, раздумывая вслух:

— Мой отец воевал с белыми в гражданскую войну. Помню, рассказывал он мне, как под натиском белогвардейцев наша Красная Армия отступала. Деникинцы заняли Харьков, Курск, потом Орел, подбирались к Москве. Буржуазия торжествовала: теперь, мол, большевикам крышка. А Ленин не сомневался в победе революции, он глубоко верил в силы рабочих и крестьян. Отец рассказывал, что красноармейцы проявили небывалый героизм. Они верили Ленину, Советской власти и разгромили врага. А ведь русской буржуазии помогали тогда капиталисты Америки, Европы, Азии. И во всем трудовому народу победил.

— Значит, и мы победим? — оживился Витька

— Конечно, Витя, — Мария Степановна понизила голос. — Вернется наша армия. Не знаю,

скоро ли эта произойдет, но наши обязательно придут...

— Зима начнется, фашисты закочурятся, - сказал Петька. — И потом я слышал, у наших есть новые минометы. Называются как-то чудно. Женским именем

Учительница улыбнулась:

— «Катюши».

— Ну да, — согласился Петька. Он помнил название, но не хотел при Катьке произносить это слово, а то еще нос задерет: как же — оружие ее имя носит. Но Катька осталась сама собой: исподлобья зыркнула на Петьку и(показала ему кончик языка.

Давно ушли ребята. Над селом сгустились сумерки Мария Степановна взяла было книгу, но читать не хоте лось, мысли неотвязно возвращали ее к одному и тому же: что ей теперь делать?

В дверь постучали.

— Кто там?— спросила с тревогой она.

— Это мы,— Мария Степановна узнала глуховатый голос Витьки.

— Заходите, заходите. Или что случилось? Сейчас я зажгу лампу.

— Не надо, не надо,— пробормотал Витька —Мы на минутку.

Мария Степановна уловила в его голосе затаенную тревогу.

— Что-нибудь произошло?

— Нет, ничего, — заверил Петька. — Мы только хотели... Мы посоветовались и решили сказать...

— Что же вы стоите? Присаживайтесь. Ребята сели.

— Мы хотели...— Витька заскрипел стулом.— Вы помните, как немцы обыск проводили?

Мария Степановна кивнула головой.

— Это они нас искали.— Вас? — удивилась учительница.

— Мы из школы пионерское знамя утащили, — выпалил Петька и закашлялся.

— Вот смельчаки! — восхищенно воскликнула Мария Степановна. — Ну и молодцы!

— И что ты раскашлялся, как старик? — недовольно шикнул на приятеля Витька. — Всегда вот так. А если бы тогда в школе расхихикался?

— Это я простудился, — оправдывался Петька. — В школе я тихо, как мышь, ходил.

— Там у них овчарка сидит. Злющая, — вспомнил Витька.

— И вы не побоялись? — поразились Мария Степановна.

— Немножко было боязно, — признался Петька.

— А я ничего, — спокойно сказал Витька. — Только перетрухнул, когда они собаку пустили по нашим следам.

— Она след потеряла, — пояснил Петька. — Дождь тогда шел. Да и в воду овчарка не полезла.

— Молодцы, ой, какие же вы молодцы — повторяла учительница. Ей хотелось расцеловать ребят, но она сдержалась, боясь, что излишняя сентиментальность смутит мальчишек.

— Только вы, Мария Степановна, — прервал наступившую паузу рассудительный Витька, — никому об этом ни слова.

— Что вы! Не сомневайтесь. Никому! — пообещала учительница. — А Катя знает?

— Знает, — сказал Витька.

— Шпионила за нами, — возмущенно проговорил Петька.

Пришлось Витьке рассказать, каким образом тайну разузнала Катька. И еще он рассказал о снимках, обнаруженных в немецкой сумке.

— Их надо сохранить. Они еще будут нужны, — заметила учительница.

Мария Степановна проводила ребят и закрыла дверь. Как они внезапно, прямо на глазах, повзрослели. Нет, это не проказы, не то, что забраться в чужой сад, а совсем другое.

Мария Степановна вспомнила о спорах на педсоветах. «О многом мы не знали, — думалось ей. — Собрание или сбор — непременно с учителем. Как бы чего не вышло, боялись. Мол, дети — озорники, от них всего можно ожидать. Как далека от жизни эта снисходительность».

МЕСТЬ

Петька стоял в раздумье. Над рекой, над огорода ми, что сбегали к логу, белесыми холстинами висел туман. От этого унылого вида, от серого хмурого утра Петьке стало не по себе. Он поежился и глубже нахлобучил на голову кепку. Пират бросился навстречу. Прыгая вокруг Петьки, он все норовил поставить ему на грудь свои грязные лапы.

Катька явно дулась на Петьку. Ну и пусть. Поду маешь, влезла, не спросясь, в чужую тайну да еще воображает. Если бы не Витька, то он проучил бы эту задаваку.

Петька сердито толкнул калитку. Недовольно взвизг нули ржавые петли. Пират выскочил на дорогу.

Занятый своими мыслями, Петька не спеша брел по улице.

Катькина мать обмазывала избу. Она ловко, с размаху, гулками шлепками вгоняла в пазы глину. Петька остановился в нерешительности: ему не хотелось попадаться на глаза тете Любе. Она на всю деревню славилась своей строгостью, не любила, чтобы дети по улице без дела шлындали. Хотя, какой она Петьке указ. Он сам себе хозяин. Бабушка, правда, иногда поворчит, да где ей за ним усмотреть.

Возле кучи темно-желтой глины увлеченно возился Катькин брат Димка. Он, пыхтя, строил какое-то загадочное сооружение, которое смахивало на египетскую пирамиду. Пират подбежал к нему, понюхал глину и, присев на задние лапы, стал с любопытством наблюдать за Димкиной работой.

Димка поднял голову, увидел собаку и потянулся] к ней:

— Пилат, давай со мной иглать? — и ухватил Пирата за ухо.

Пес недовольно дернул головой. Однако Димка снова завладел ухом Пирата, пытаясь взобраться на спину собаки.

Тут тетя Люба повернула голову и увидела Петьку.

— Что ходишь без дела, ай заняться нечем? — сказала она сердито.

Подхватив измазанное глиной ведро, она осторожно спустилась с завалинки. Петька насупился, но не стал оговариваться. Он знал, что с тетей Любой лучше не связываться.

— Пират! — крикнул Петька, — за мной!

Вернувшись домой, Петька решил заняться обучением Пирата. Еще летом он раздобыл книжку о дрессировке животных, узнал из нее о существовании условных и безусловных рефлексов, о дрессировке по методу знаменитого Дурова, о том, как обучают собак, помогающих пограничникам ловить шпионов и диверсантов. Однако теория дрессировки, которой Петька успешно овладел за несколько дней, почему-то не действовала на Пирата. Го ли этот пес был какой-то особой породы, то ли он был в таком возрасте, что уже ничего не понимал. Единственное, что с трудом усвоил Пират, — это поднимать брошенную палку и приносить ее хозяину. В таких случаях Пират проявлял завидное усердие, бежал за палкой с радостным лаем, делал огромные прыжки, а, возвратясь к дрессировщику, недвусмысленно требовал от него награды. Петька не жалел сахара для закрепления условного рефлекса. А между тем бабушка с тревогой замечала, что расходы сахара за последнее время катастрофически возросли.

Петька надел порванную, с торчавшей во многих местах ватой телогрейку, на голову натянул старую шапку и приступил к делу. Предстояло отработать ответственный прием: задержание диверсанта. Пират с любопытством наблюдал за перевоплощением своего хозяина и, повиливая хвостом, ждал, что будет дальше. Сахара уже не было, и Петьке пришлось работать всухую. Поскольку ассистент, роль которого иногда исполнял Витька, отсутствовал, Петьке предстояло действовать одному.

Он спрятался за оранжевый куст смородины, выждал немного и медленно пополз через грядки. Но Пират и не думал задерживать «нарушителя». Он подбежал к «диверсанту» и миролюбиво пошел рядом с ним.

Эта неудача не обескуражила Петьку. Не сразу же все должно получаться. А вот отработанный прием пр верить нужно. Петька бросил на дорогу палку. Пир подбежал к ней, обнюхал, взял в зубы, а потом брось на землю. «Дрессировщик» подавал ему команды,

грозил псу страшными карами, но тот не реагировал на это и, как ни в чем не бывало, вернулся к разозленному хозяину. Петька, выведенный из терпения, дал пинка своему бестолковому ученику и опустился на лавочку

Наискосок от него виднелась черепичная крыша до Самохина. С того дня, как учитель в составе делегации преподнес немцам хлеб-соль, Петькой овладела неотвязная мысль: отомстить Самохину. Он и раньше недолюбливал этого желчного, раздражительного, всегда чем недовольного человека.

Самохин был высокий, худой, носил рыжеватые усы среди ребят он славился как придира. За глаза они звали Наждак. Жил Самохин в отдельном доме вдвоём с женой, которая в отличие от супруга была дородной излишне располневшей женщиной. Детей у них не бы жили они как-то отчужденно, и в гости к ним никто ходил. Лишь изредка, обычно летом, к Самохиным навещалась ветхая старушонка. В селе говорили, что это мать Самохина, бывшая преподавательница гимназии. Петька напряженно думал. Способов проучить Сам хина было много, но надо было найти такой, чтобы этого немецкого подхалима высмеять на всю деревню. Можно привязать невысоко от земли проволоку, и тогда Самохин наверняка споткнется. Нет, этого мало. А что, если залезть на крышу и заткнуть трубу? Заманчиво, но рискованно. Петька перебирал в уме один вариант за друг и не находил подходящего. Змею бы ему подбросить Петька припомнил, что учитель побаивался ужей, которых ребята ловили в соседнем лесу и приносили школу.

Вот будет здорово! И Петька немедля приступил осуществлению своего замысла.

В шалаше, в круглой железной банке, уже целую делю томился уж, которого он поймал для школьного «живого уголка». Петька взял банку под мышку и с винным видом зашагал по улице. Предстояло сначала выяснить, где находится Самохин со своей супругой Окно, выходящее в палисадник, открыто. Это хорошо Ну, а где хозяева? Из глубины сада доносились голосасипловатый — Самохина и грубоватый, похожий на мужской — Прасковьян. «Яблоки собирают, — прикинул в уме Петька. — Это как раз то, что надо». Петька, крадучись, прошмыгнул через калитку в палисадник к раскрытому окну. В одно мгновение он извлек из банки ужа, перегнулся через подоконник и выпустил извивающегося «змея» на лавку. Чтобы уж случайно не выполз наружу, предусмотрительный Петька затворил раму, швырнул лишнюю теперь банку за куст и, незамеченный, стреканул из палисадника.

Через несколько минут он, задыхаясь от быстрого бега, говорил Витьке:

— Ну, сейчас будет потеха. Ох, и представление будет, закачаешься.

«Опять что-нибудь отмочил», — подумал Витька.

— Да что ты, как сорока, тараторишь. Расскажи хоть толком.

Петька отдышался и сообщил приятелю о своей затее. Вдвоем друзья решили проследить, что будет дальше. Переговариваясь, вразвалочку пошли по улице. Все пока обстояло спокойно. Ребята проследовали мимо дома Самохина и метров через тридцать повернули назад. Петька нетерпеливо тормозил товарища за рукав: «Сейчас, сейчас все начнется».

С корзинкой в руках вышла из сада Прасковья и направилась в дом. Ребята замедлили шаг.

«Неужели она не заметит ужа или распознает его, и тогда вся затея провалится», — беспокоился Петька.

Но тут на порог выскочила перепуганная Прасковья и на всю улицу закричала благим матом:

— Ой, люди добрые! Ой, спаситель-батюшка! Что же это за напасть? — всплескивала она руками. — Трофим, Трофим!

Петька чуть не прыснул от удовольствия.

— Давай остановимся, посмотрим, — шепнул он Витьке.

Тот в знак согласия кивнул головой. Из сада торопливой походкой на крики супруги спешил Самохин.

— Что ты кричишь? Что случилось? — с беспокойством спросил он.

— В хате... змея,— бледная от страха ответила Прасковья. — По полу ползает. Длинная такая, шипит.— Откуда змея? Какая змея? — не поверил супруге Самохин, дернул усами и

направился в дом. С дороги хорошо было видно, как он вошел в сени, приблизился к двери, ведущей в избу, и в нерешительности остановился. Выждав минуту, осторожно открыл дверь и шагнул вперед. И в тот же миг Самохин пулей вылетел на улицу.

— Д-да! Эт-то д-действительно змея. Самохин, когда волновался, начинал заикаться.

— А я что тебе говорила? — вытирала слезы Прасковья.

Петька решил разыграть спектакль до конца. Он пошел к перепуганным супругам и полюбопытствовал:

— А какая змея? Кобра или гюрза?

— Какая еще кобра? Что вы тут шатаетесь? — подозрительно из-под косматых бровей оглядел Самохин невозмутимого Петьку,

— Это породы такие бывают, — пояснил Витька.

— Обыкновенная змея. В хату заползла, — пробурчал Самохин и отвернулся.

— Все равно опасная, — заверил серьезно Петька. От укуса змеи человек умирает через полтора часа. в книжке написано.

— Страсть какая! — ужаснулась Прасковья. — Надо бы бабку Авдотью позвать. Она, может, наговором её выгонит.

Самохин стоял в раздумье и тербил рыжий ус.

— Бабка тут не поможет, — авторитетно заявил Петька. — Надо вырубить палку с рогатуйкой на конце и прищемить змею. Так их в пустынях ловят. Я читал

Такой совет Самохину понравился. Он взял топор, что валялся возле поленицы, и стал искать в куче хвороста рогатину.

Петька и Витька тайком переглядывались и еле сдерживались от разбиравшего их смеха.

Наконец Самохин выбрал подходящую палку и медленно двинулся в избу. В руках он еще держал топор.

— Сапоги! Сапоги надень, а то укусит! — завопила Прасковья.

Самохин остановился и посмотрел на свои ноги, обутое в парусиновые тапочки.

Действительно, она права в такой обуви к змее подступаться опасно.

— Сапоги в избе, — мрачно ответил муж. — Валенки надень. В сенях стоят, — подсказала Прасковья.

Самохин сбросил тапочки, надел валенки и, оглянувшись на ребят, пошел в хату.

Петьке стало жалко, что Самохин по незнанию убьет невинного ужа, и он окликнул учителя:

— А может, это не змея? Дайте-ка я взгляну. Самохин остановился. Идти в хату уничтожать змею

у него большой решимости не было.

Петька с Витькой открыли дверь избы. Самохин выглядывал из-за них.

— Ну вот. Я так и знал, — обернулся с порога Петька. — Это обыкновенный уж. Их около семидесяти видов в нашей стране, — козырнул он знанием фауны, почерпнутым из книги Брема.

— Неужто? — недоверчиво произнес Самохин.

— А вот, обратите внимание на признаки. На голове у него желтые пятнышки. Верная примета. Значит, не ядовитый.

Петька решительным шагом подошел к ужю, бесстрашно взял его поперек изгибающегося тела и, подняв вверх, понес из хаты.

Самохин оторопело отшатнулся, а супруга его округлившимися от страха глазами смотрела, как Петька, словно индийский факир, заговаривающий змей, спускался с порошков, неся «ядовитого гада».

А у Петьки все пело в душе: месть все-таки удалась.

ДЕД СИЛАНТИЙ

Дед Силантий слыл в деревне самым старым человеком. Утверждали, что ему давно перевалило за сто. Сам дед на все вопросы о своем возрасте отвечал с хитровой усмешкой: «Паспорта у меня отродясь не было. Годам счет не веду. А умирать пока не собираюсь».

Помнил Силантий крепостное право, воевал с японцами. В годы первой мировой войны попал к немцам в плен. Пробыл в Германии около двух лет. Возвратясь домой, вместе с другими фронтовиками поднял народ на раздел помещичьих земель. Много пережил и повидал на своем долгом веку дед Силантий. На здоровье свое он не жаловался. Зубы у него были целы все до единого. Дед и понятия не имел, что такое простуда.

Предлагали Силантию работу полегче — сторожем, но он решительно отказался. Любил он плотничать и был в почете в строительной бригаде.

Авторитет Силантия был бесспорен и непререкаем. Если уж дед «заведется» на собрании, скажет «речь»; хотя это и бывало весьма редко, то после него другим ораторам делать нечего. Народ в один голос кричит: «Хватит! Силантий уже черту подбил!»

И еще имел Силантий привычку свои речи, разговоры с колхозным и приезжим начальством завершать такой фразой: «Ленин так учил. Ильич-то он ох, какой был башковитый».

Собеседник изумленно и уважительно смотрел на этого древнего старика. А Силантий, будто не замечая этого изумления, не прощаясь, шел домой

У Силантия было пять сыновей и две дочери, а внуков, не перечесать. Старуха его лет двадцать назад как умерла. Жил дед с Иваном, младшим сыном. Иван с первого дня войны ушел добровольцем, оставив на попечение. Силантия жену с двумя малыми ребятишками. С тех пор дед Силантий стал каждый день заходить в правление колхоза. Тут было радио, сюда раньше всего поступали газеты, стекались все новости. Читать Силантий не мог, глазами стал слабават, но зато внимательно слушал, когда счетовод Клевцов разъяснял сводки Информбюро. Силантий доставал из кармана прокопченную трубку, закуривал. Окутанный седоватыми клубами дыма, он сидел кряжисто и неподвижно, похожи на древнее изваяние.

Окончив чтение, Клевцов складывал газету и прятал ее в шкаф. Силантий выбивал свою трубку и, ни к ком не обращаясь, говорил: «Был у немцев Вильгельм, теперь Гитлер объявился. Только добром им это не кончится. Никому не сломить Россию. Капут будет фашистам От Силантия и услышали впервые односельчане это слово. Дед, еще помнивший некоторые немецкие слова разъяснял смысл слова так: «Капут, стало быть, по-нашему каюк». Клевцов любил подшучивать над стариком: «Ты, Силантий, прямо как переводчик шпаришь».

Немцы узнали, что Силантий понимает их язык, вызвали старика в комендатуру. Комендант, обрюзглый немец с тройным подбородком, встал из-за стола, подал деду мягкую, короткопалую руку и пригласил его сесть. Силантий сел. Потом немец через переводчика начал расспрашивать деда, где он был в плену, чем занимался при советской власти. Силантий отвечал спокойно, с достоинством. Это понравилось офицеру. Он снисходительно похлопал деда по плечу: «Гут, гут». И что-то добавил.

— Господин Клатце предлагает вам должность старосты. — разъяснил переводчик слова своего шефа.

Клатце на ломаном русском языке сказал:

— Работать русский председатель, — и захохотал, довольный своей шуткой.

— Нет, не могу, — покачал головой Силантий.

— Варум? Почему? — оторопел фашист.

— Не по мне должность, — Силантий надел шапку. — Стар я и больной. Еле хожу. Как это по-вашему? Кранк и альт. — И дед, понуриив голову, направился к двери.

— Швайн! Русский свинья! — заорал возмущенный немец.

Силантий оглянулся на красного от злости коменданта и молча прикрыл за собой дверь. Односельчане опасались, что немцы не простят Силантию его строптивости. Однако они оставили деда в покое. Спустя неделю гитлеровцы согнали народ на сходку и объявили, что старостой назначается Ефим Казаков, пятидесятилетний угрюмый мужик, освобожденный фашистами из тюрьмы, где он сидел за воровство. В селе его не любили. Казаков в колхоз вступил самым последним, за два года до войны.

Став старостой, Казаков переселился в колхозный клуб, привез из города богатую мебель. В

деревне ходил слух, что немцы подарили ему обстановку из награбленного имущества. Староста завладел снова мельницей, ее называли в деревне ветряком. Мельником он посадил своего двоюродного брата. Деревня вынуждена была идти к Казакову на поклон, а тех, кто чем-либо ему был не по нраву, староста гнал, да еще издевался:

— Проваливай, проваливай. Хватит, попользовались моим добром. Идите молотить к советской власти.

Затем он выбрал самые плодородные участки земли и объявил, что теперь это его собственность.

Витька жил по-соседству с дедом Силантием и часто

И1

заходил к нему. Тот встречал его добродушной усмешкой:

— Это ты, пострел?

— Я, дедушка.

— Ну, садись. Будем зелье готовить,— так Силантий называл табак.— Он стаскивал с печки огромную связку сухих ядовито-зеленых листьев табака и начинал их резать острым, как бритва, ножом.

Витька помогал деду, чихая от едкой табачной пыли.

Обычно во время такого занятия дед рассказывал что-нибудь интересное. Сегодня Силантий в нарушение заведенной традиции не пригласил Витьку готовить «зелье». Он расположился на лавке, дымя, как паровоз, своей трубкой. Сделав несколько глубоких затяжек дед желтым задубелым пальцем поправил табак в трубке и снова задымил вовсю. Наконец он выбил пепел из трубки, почистил ее тонкой соломинкой и сунул в карман

— Слыхал, пострел, какие новости?

— Нет, дедушка. Ничего не слыхал.

— Эх ты, разведчик! — ухмыльнулся Силантий в сивую бороду. — Теперь у нас в селе полиция, стало быть, есть. Тимошка Корягин в полицаи записался.

В избу вошла сноха Силантия Анна, высокая, худая рано состарившаяся женщина. Поставив ведра с водой на скамейку, она хрипло спросила:

— А где же Колька с Шуркой?

— На улицу побежали, — ответил дед Силантий. Анна, вздохнув, подошла к загнетке.

— Мороз нынче. Ветер так и жжет, — проговорил] она, прикладывая ладони к кирпичам.

— Ты новость-то про Корягина знаешь? — обратила Силантий к снохе.

— Знаю, — устало ответила она.

— Ему только в полициях и служить, — вставил Витька.

— Это почему же? — вскинул лохматые брови Силантий.

— А потому, что он с фронта сбежал. Люди воюют а он домой приперся. Предатель он.

— Кхм, кхм, — закашлялся Силантий. — Ты, это, не больно нынче разными словами бросайся. Знаешь, что за них может быть?

— Всыплют, а то и убьют, — простуженным голосом

просипела Анна. — В Бычанке вчера женщину застрелили Силантий, опустив голову, слушал сноху. Он вытащил трубку, набил ее табаком и снова задымил.

— Звери. Настоящие звери, — сказал дед. Сноха, охая, сморкалась в холщовый рушник.

— И за какие грехи мучения терпим, господи!

— Не надо, Анна,— пыхнул клубом дыма Силантий. — Все равно этим не поможешь.

— То-то и оно-то, — ныла сноха. — Наши далеко. Говорят, уже под Москвой. А тут что делается! Корягин в полицию записался. Теперь туда же и Манцев.

— Манцев? Сенька? — вскочил дед. — В полицаи? Он в сердцах швырнул трубку на стол.

— Правда, тетя Нюша? — не поверил Витька.

— Своими глазами сейчас видела. И на рукаве повязка с надписью.

Силантий тяжело опустился на лавку. Он долго не мог насыпать в трубку табак: старческие руки тряслись, не слушались.

Семен Манцев работал трактористом. Витька всегда с завистью наблюдал, как ловко Семен

управляется с машиной. Он действовал, как волшебник: дергал за рычаги, ногой нажимал на какие-то педали. Трактор сначала чихал, недовольно фыркал, а потом начинал гудеть ровно, спокойно. Какой радостью сиял счастливец, если Семен просил его подать гаечный ключ с таинственным названием «двенадцать на шестнадцать». А если кому-либо из ребят Семен разрешал прокатиться на тракторе, то это было самым выдающимся событием. Витьке везло больше других. Может потому, что он постоянно вертелся возле трактористов, его считали своим. Поэтому Витькины замечания по поводу того, что «свеча барахлит» или «подшипник перегрелся», принимали всерьез, без смеха.

Когда фронт приблизился, Семен распростился со своим «НАТИ». В армию Семена не призвали: он плохо видел правым глазом.

Витька встречался с Семеном несколько дней назад. Тот стоял в распахнутом пиджаке. На голове у Семена была знакомая Витьке замасленная до блеска кепка. Семен завистливо смотрел на немецкий тягач, стоящий рядом с пекарней. Заметив подошедшего Витьку, он подмигнул ему:— Хороша техника?

— А-а! — презрительно махнул рукой Витька.

— Ну это ты напрасно. Моторчик у него — дай бог— Твой «НАТИК» был лучше, — ревниво заметил Витька, сдвинув рыжеватые брови.

— Мой-то, да! — подхватил Семен. — Машина превосходная. Наверно, пушки где-нибудь таскает...

— А может, и плуг...

— Все может быть, — Семен как-то разом сник. Запахнув пиджак, сказал:

— Ну, бывай здоров, Витек. Не горюй. Еще будем мы с тобой пахать. И сеять. И хлеб убирать. Заходи как-нибудь в гости.

И вдруг такая поразительная новость: Семен подал в полицаи. Это невероятно. Витька сидел, подавленный растерянный. Он ожидал, что скажет Силантий.

— Оно, конечно, дело серьезное, — Силантий ронял слова медленно.— Манцев—малый честный. И поди ж ты Стало быть, имеется в этом деле загвоздка.

— Чего там, — Витьку прорвало. — Изменник он, вот что я скажу.

— Охолони чуток, — Силантий, кряхтя, разогнул спину.— Поживем — увидим, что к чему. Много сейчас непонятого кругом творится. Вникнуть сперва надо. Дед тяжело поднялся, подошел к загнетке и выбил пепел из трубки.

— Пристраиваются люди, чтобы выжить, — синел раздраженно Анна.— Все норвят свою выгоду найти И Манцев тоже.

— Не городи ты, Анна, — Силантий остановился посреди избы. Широкоплечий, с насупленными бровями, в рубахе навыпуск, дед был похож на Микулу Селянинавича. Слова невестки не понравились ему.

Долгими осенними вечерами под унылый шелест дождя думал он о великом горе, которое нежданно-негаданно свалилось на Россию, на землю его отцов и дедов. Вспоминал Силантий свою молодость, тяжелую солдатскую лямку в царской армии, потом революцию. Жизнь подсказала ему, где правда, какой дорогой идти. Он пошел за большевиками. Сколько было пережито, выстрадано. И все же отстояли Советскую власть.

Силантий из-под косматых бровей посмотрел на Анну потом перевел взгляд на Витьку. _ Не погибнет Россия. Народ наш, большевики не дадут ей погибнуть.

Молчал бы уж, старый. — испуганно оглянулась на дверь сноха.

__ Нечего мне молчать, — рассердился Силантий. —

Я свою жизнь прожил. Никогда не молчал. — Вдруг вспомнив что-то, встрепенулся. В глазах его блеснул молодой огонек. Дед подошел к сундуку, что стоял в углу, поднял тяжелую крышку и достал книгу в красном переплете. Кивком головы поманил к себе парнишку. — Вот, смотри!

У Витьки от волнения перехватило дыхание. Ленин! Витька посмотрел на Силантия. На лице

старика блуждала ясная, добрая улыбка. Перевернув первую страницу, Витька увидел портрет Ильича.

К ним подошла Анна. Втроем они, не говоря ни слова, с необычайным волнением вглядывались в лицо Ленина.

Силантий взял у Витьки книгу, осторожно закрыл.

— Давно я ее купил. Есть тут статья о гражданской войне. Захватили тогда деникинцы Орел, Москве угрожали. А Ленин не растерялся. Все равно, твердит, белых разгромим. Так оно в точности и получилось.

— Спрячь книгу-то, спрячь от греха, — боязливо попросила сноха.

— А как же? Обязательно спрячу, — охотно согласился Силантий и положил книгу на дно сундука.

— Дедушка, а как же все-таки Семен? — задал Витька вопрос, который не давал ему покоя.

Силантий вместо ответа спросил:

— Ты куда дел свой галстук?

— Галстук? Я его спрятал. Хорошо спрятал.

— Значит, дорожишь пионерским званием, — удовлетворенно заметил Силантий. — А Семен? Не знаю я, зачем он так сделал. Не верится мне, что он по своей охоте к немцам подался. Да ты не вешай голову, — Силантий положил свою тяжелую руку на Витькино плечо. — Ничего, парень. Все равно наша возьмет. — Он глянул в окно. — Мчись-ка домой. Вон мать, наверно, тебя высматривает.

Витька надел шапку и выбежал на улицу. «Вот это Дед! — восторженно думал он, подставляя разгоряченное лицо студеному ветру. — Книгу Ленина хранит. И не боится. А мы с Петькой? Мы тоже не из трусливых. А Ма-Мария Степановна? Она с нами заодно. Вон уже сколько нас Вот только Семен... Эх, Семен, Семен. И куда тебя понесло!»

Витька ожидал от матери взбучки, но она была настроена миролюбиво.

— Немцы из школы уехали, — сказала мать.

— Как? — обрадовался Витька. — Совсем?

— Староста сказал, поехали Москву брать, — в голосе матери Витька уловил горечь.

— Не верь, мама. Не возьмут они Москву. Вон и дед Силантий говорил...

— Тише ты, — шикнула на него мать. — Что кричишь? Мало ли о чем вы с дедом толкуете. Поменьше об этом болтай. А то вон как немцы лютуют. В Марьевке пять человек расстреляли.

Витька хотел сказать матери, что не боится фашистов, но сдержался.

— Идем-ка обедать, чай, проголодался, — ласково позвала мать.

Витька неотрывно смотрел на школу. Перед крыльцом были грудой навалены какие-то ящики, дверь полуоткрыта. Ему не терпелось разузнать, что там такое. «Ладно, — вздохнул Витька, — после обеда сбегаю к Петьке и вместе пойдем».

НЕОЖИДАННАЯ «ЧЕСТЬ»

Снежинки, кружась, медленно опускались на закаменелую землю. Пахло свежим молодым снегом. Мягкий серебряный свет разлился вокруг. Дома выглядели нарядно, как сказочные терема. Зима радовала учительницу.

Мария Степановна любила прогулки на лыжах, особенно тянуло ее в зимний лес.

«Интересно, зачем меня вызывает староста? — думала ария Степановна. — Заподозрить в связи с партизанами меня не могли. Но тогда — зачем?» Она пыталась уз-ать об этом у посыльного — пожилого крестьянина в старом дубленом полушубке. «А бес их знает, — сердито огрызнулся он. — Они — власть, им все дозволено...»

Возле сельской управы стояла подвода. Сытый, в лых яблоках жеребец нетерпеливо перебирал ногами позванивал красивой богатой сбруей. Легкие санки расписаны затейливыми узорами. Лошадь и упряжь старо подарили немцы за верную службу.

Мария Степановна видела Казакова всего один раз. Однажды она возвращалась с районного совещания учителей. День клонился к вечеру. Мария Степановна шла пешком в надежде на попутную подводку. Весна бы разгаре. Спокойно и деловито гудели над распускающимися деревьями майские жуки.

— Тпру! — раздалось сбоку. Мария Степановна дела остановившуюся подводку. В телеге сидел мужчина потрепанной фуражке, давно небритый. От лошади поднимался пар, она запаленно отфыркивалась.

— Садись, учителька, подвезу, — пригласил Седов Марию Степановну. Заметив, что она колеблется, объяснил: — В Лопахино еду. Ишь не узнаете? — Он подвинулся вперед, освобождая место. — Казаков — моя фамилия.

Учительница села в повозку.

— Эй, рысачка! — дернул Казаков вожжами. Лошадь устало затрусилась по дороге.

— Но! Околеваешь что ли! — крикнул злобно Ков и взмахнул кнутом. Некоторое время лошадь бежала резвее, потом снова перешла на дробную рысь. Казаков ругаясь, зло стегал кобыленку.

— Не надо бить, — запротестовала учительница. Ведь лошадь устала. Пожалейте ее. Казаков обернулся. Лицо его исказила слепая ярость. Тряся кнутом, он уставился на учительницу злыми щелками глаз.

— Жалеть? А кто нас жалеет? Кто? Ну, скажите! вы так...

Он оборвал на полуслове. Марии Степановне стало не по себе. Она поняла, что спорить с этим человеком бесполезно. Казаков больше не гнал лошадь. Он втянул голову в плечи и безразлично подергивал вожжи. До самого села он больше не проронил ни слова. Мария Степановна вспомнила, что ребята рассказывали ей: Казаков до коллективизации был зажиточным мужиком. Ему принадлежала ветряная мельница. Это название — Казаков мельница — так и осталось за ней. — Спасибо, что подвезли, — поблагодарила учительница, слезая у околицы.

— Не за что, — буркнул Казаков, отводя глаза в сторону.

С тех пор ей не приходилось встречаться с ним.

...Казаков, одетый в черный суконный костюм, сутуля спину, возвышался за столом, сердитый и неприступный. Он отпустил окладистую бороду и напоминал теперь купца. Тут же находился Семен Манцев. Он взглянул на вошедшую учительницу и отвернулся.

Староста заговорил с нарочитой любезностью:

— Очень приятно, что явились. Рады вас лицезреть. Садитесь, сейчас потолкуем.

Он самодовольно откинулся на стуле и выпятил грудь, как бы подчеркивая: вот, мол, теперь каков я. Хотите или не хотите, а в ноги придется кланяться. Теперь наша власть. Казаков побарабанил пальцами по столу, зевнул. Затем достал из бокового кармана зажигалку, подаренную немецким офицером, и стал ее вертеть в руках. Староста не курил, но зажигалку носил с собой, напоказ всем. Он чиркнул колесиком, вспыхнуло пламя, завоняло бензином. Казаков полюбовался огоньком и спрятал зажигалку в карман.

— Зачем вызывали? — спросила Мария Степановна.

— Да вы не спешите, успеется, — Казаков пододвинул к себе какую-то бумажку. Он уставился в нее, пошевелил толстыми губами, потом оторвался от чтения. — У нас к вам очень важный разговор.

Мария Степановна присела на краешек стула. Что ж, она готова выслушать. Манцев по-прежнему смотрел в окно, рядом с ним стояла винтовка. На рукаве у него белела повязка с надписью «полицай».

— Дело вот какое, — погладил свою купеческую бороду Казаков, — немецкая комендатура решила открыть в селе начальную школу. Правда, приятная новость? — осклабился Казаков. Теперь Мария Степановна догадалась, зачем ее вызывали. «Хотите в доверие к людям войти: дескать, вот какие немцы, о школе, о детях не забывают. Детей наших, советских детей, в духе послушания новой власти воспитывать и отравлять их сознание ядом фашистской пропаганды. Вот ваша истинная забота. Не лицемерьте, господин Казаков, — думала Мария

Степановна. — И меня намереваетесь сделать своим помощником. Напрасно надеетесь. Я не буду предателем. Никогда!»

— Я предлагаю вам место в школе. Мы берем только своих людей, — подчеркнул Казаков. Его заплывшие глаза внезапно оживились. — Мы знаем, что большевик репрессировали вашего отца. И мы вам сочувствуем стремимся помочь. Со следующей недели можно приступить к работе. Заведующим будет работать господин Самохин.

Казаков подал ей бумажку.

— Вот. Это его письменное заявление. Самохин... Этому сообщению Мария Степановна и удивилась. С тех пор, как он в компании с Казаковым преподнес немцам хлеб-соль, она словно прозрела и увидела-подлинное нутро этого человека.

— Первая ласточка, как говорится, — хихикнул Казаков.

— Мне очень лестно, что меня не забыли, — начал издали Мария Степановна. — Я, право, не заслужила такого внимания...

— Ничего, ничего, — закивал головой Казаков. Наша обязанность такая. Своих людей не забываем. И обратился к Манцеву: — Правильно говорю, Семен?

— Что? Не расслышал, Ефим Тимофеевич.

— Сидишь там, галок ловишь! — проворчал Казаков

— Но работать в школе я, к сожалению, не смогу, — спокойно продолжала учительница, хотя в душе у нее в кипело от возмущения: «К своим причислил, подлец».

— Почему? — староста побагровел, как переспевший помидор.

— В начальной школе я не работала и к тому же сейчас очень плохо себя чувствую. — Мария Степановна хорошо сознавала, что ее уловка не убедит Казакова, но оказываться напрямик тоже было опасно. И она решил выиграть время, обдумать свое положение.

Казаков встал, одернул полы пиджака.

— Бросьте свои интеллигентские фокусы-мокусы. все равно, где учить? Вот и Самохин тоже в семилетке работал, а добровольно пришел, подал заявление, потом что он власть признает, о детях заботится.

— У каждого свои способности... — Мария Степановна поднялась. — Значит, не согласны? — зловеще прохрипел Казаков.

— Не могу, поймите...

— Смотрите, не пожалейте, — староста вышел из-за стола. — Новая власть с непокорными нянчиться не будет. Имейте это в виду.

— Понимаю.

Казаков, трясая черной бородой, продолжал:

— Советую подумать над моими словами. И не забывайте об отце. Он безвинно пострадал от большевиков. Так что нам с вами не к чему ссориться.

— Подумаю, — она направилась к двери.

Мария Степановна не могла больше слушать Казакова. Его грязные намеки на отца глубоко возмущали учительницу, и Мария Степановна чувствовала, что если староста не остановится, она не сумеет смолчать.

— Обождите! — крикнул ей вдогонку староста. — Вот, — он указал на Манцева, — работает с нами. Все честь по чести. Мы довольны, и он претензий не имеет. Так, Семен?

— Совершенно точно говорите, господин Казаков, — Семен усмехнулся.

— Тот, кто с властью в ладах, живет как у бога за пазухой, — староста опять погладил бороду, — а большевики не вернуться. Скоро немцы возьмут Москву. Учтите, гражданка Ушачева, куда дело идет!

Когда за Марией Степановной закрылась дверь, Казаков грохнул по столу кулаком:

— Ничего, голубушка, сломим! Это тебе не при советской власти. Заставим плясать под нашу дудку.

Он полез в стол, где у него хранился солидный запас самогона. Вытащил бутылку, налил полный стакан и одним духом опорожнил. Отдышавшись, уставился осоловевшими глазами на Семена.

— Заметил? Притворяется сволочь. «Болею»... — передразнил он. — Что-то раньше не хворала. А тут сразу паралик хватил, — Казаков снова налил себе самогону. — Ты, Сеня, около меня держись. — Он поднял стакан. Рука его дрожала, и мутная жидкость выплескивалась на стол.

Староста выпил, повел блуждающим взглядом по избе и со злостью швырнул стакан в угол. Звякнули осколки.

— А что, если мне с ней поговорить? — Семен присел рядом со старостой. — Я с Ушачевой немного знаком. Может быть, сумею ее убедить.

— Ничего у тебя не выйдет, — раскачивался на стуле Казаков. — Впрочем, валяй. А если что, мне докладывай. Мы ее живо уму-разуму научим.

* * *

Витька и Петька соорудили ящик, припрятали его чтобы не попался кому на глаза, и, довольные собой, вшли на улицу. Огненный шар солнца повис над горизонтом. Ребята намеревались, как стемнеет, отправиться карьер. Навстречу приятелям неслась Катька.

— Слышали? — не переводя дыхания, спросила она

— Что? — почувствовал Витька недоброе. Катька пошмыгала носом, подула на посиневшие холода пальцы, потом поправила на голове коричневый клетку материнский платок. Ребята выжидательно смотрели на нее.

— Ну что? — не выдержал Витька. — Чего резину тянешь? Говори.

— Она нас покупает, — высказал догадку Петька.

— А вот и не покупаю, — Катька затянула потуже концы платка. — Немцы школу у нас открывают.

— Как открывают? — в один голос воскликнули Витька и Петька.

— А так. Самохина назначают заведующим. Буду начальные классы...

— Не может быть, — не поверил Витька. — Очень нужно им школу открывать.

— Не веришь — не надо, — прикусила Катька губу замигала пушистыми ресницами.

— А кто тебе сказал? — недоверчиво спросил Петька

— Мамка. Ей сегодня встретился Самохин и говорит «Приходи в школу работать уборщицей».

— Ах, Наждак проклятый. Ишь, фашистам как взялся служить, — Петька сплюнул с досады. Витька в раздумье почесывал переносицу. Такого он от Самохина не ожидал. Совсем продался немцам. Сначала хлеб-соль, а теперь школу эту вздумал возглавить. А чему там он будет учить? Что фашисты скажут, то Самохин и делать станет. Это же фашистская школа. И Витька сказал: — Пусть открывает. А все равно никто к ним не пойдет. Правда? — он взглянул на товарищей.

— Конечно! — горячо откликнулся Петька. — Я ему, Наждаку, и за это отомщу. Он узнает, как перед немцами на коленях елозить...

Катька покосилась на Петьку.

— Надо Марии Степановне обо всем рассказать. Петька и Витька согласились. И все трое пошли к учительнице.

Лучи заходящего солнца медленно ползли по стене. Витька глянул в окно. Дед Силантий стоял возле своей избы и всматривался из-под руки в кровавый закат. Наверно, старик гадал, какая завтра будет погода. Да какое это теперь имеет значение?

Учительница подошла к столу. На ней было темно-синее шерстяное платье с белым воротничком, светло-каштановые волосы, заплетенные в тугую косу, уложены аккуратным узлом. В голубых глазах затаенная усталость.

Перед приходом ребят она долго и мучительно раздумывала о разговоре с Казаковым. Она с отвращением вспоминала гнусные намеки старосты: «Нам с вами по дороге...» И вдруг ей пришла в голову мысль: «А стоило ли отказываться? Не лучше ли было бы согласиться и проводить свою работу под этим официальным прикрытием?» Но тут же она отбросила эту мысль. Что тогда подумают о ней Витька, Катька и Петька? Нет, они не поймут ее. Она не сможет, точнее не имеет права объяснить им свой поступок. А как на все это посмотрит

Седов? Одобрит ли он ее решение? Как же быть? Что делать? Ее охватили сомнения, мучительные и тревожные.

И только появление ребят, ее верных друзей, вывело Марию Степановну из удрученного состояния.

Взглянув на их возбужденные лица, она приняла твердое и окончательное решение.

— Мария Степановна, — заторопился Петька. — Немцы школу у нас открывают. — Она кивнула головой, дескать, об этом слышала. — А мы так порешили — ребятам туда не ходить. Пусть там Самохин с Казаковым учатся. Вот!

Мария Степановна, слушая, как тараторил Петька, еще больше утверждалась в правильности своего решения. У нее отлегло от сердца. Нет, она не обманет надежды этих неугомонных сорванцов. ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

Сарай, в котором хранились дрова, находился рядом

с домом. Директор был человеком хозяйственным: топливом учителя снабжались в достатке.

Мария Степановна, набрав охапку дров, пахнувших морозом и березовой корой, с благодарностью подумала о Седове Она нащептала смолистых лучинок и растопила грубку.

— Вызывал меня староста, принуждал идти работать в школе. Я отказалась, — сказала Мария Степановна.

— Правильно! — восторженно одобрил Витька.

— Ишь, какой ловкий, — добавил Петька.

— А вам ничего не будет? — испуганным голосом спросила Катька.

— Староста угрожал мне.

— Ух, фашистский подлиза, — возмутился Петька. Ну, дождется он...

— Вот что, друзья, — сказала Мария Степановна. — Я Мы можем сделать так, чтобы школа не была открыта Надо поговорить с ребятами. Только осторожно... Петька толкнул в бок Витьку.

— Здорово мы старосту обдурим.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, — поддела его Катька.

— Молчи уж ты, — цыкнул на нее Петька. — Боишься, наверно.

— Я боюсь? — у Катьки сверкнули обидой глаза. — Еще посмотрим.

— Ну, опять заспорили, — укоризненно посмотрел; на Петьку Мария Степановна. — Не горячитесь. Еще, чего доброго, наделаете беды.

Ребята утихли. Катька, обидчиво надув губы, демонстративно отвернулась от Петьки.

Солнце потонуло за крышами изб. Ребята стали собираться домой. Пожелав учительнице спокойной ночи, они вышли на улицу.

В небе дрожали, как в ознобе, далекие звезды, а на земле, придавленной тьмой, бесновался холодный северный ветер. Сухие поленья горели, весело потрескивая, Угольки мигали, переливались золотом. Мария Степановна, наблюдая за переплясом огоньков, думала о том, что теперь самая пора налаживать связь с партизанами. Седов предупреждал, что в деревне Красавкино живет человек, с которым она должна держать связь. Да, надо бы встретиться с Седовым, поговорить, посоветоваться, но где он теперь?

Тепло, разлившееся по комнате, навевало сладкую дремоту и успокоение. Все, что случилось днем, медленно отодвигалось, исчезало в туманной дымке.

На другой день Мария Степановна начала готовиться к походу в Красавкино. Но как незаметно покинуть село, чтобы не вызвать подозрений у старосты? Правда, до Красавкина всего семь километров, но кто знает, как сложится это путешествие. Мария Степановна принесла из чуланчика поношенное пальто, достала с чердака старые порыжевшие валенки. Весь этот наряд удачно дополняла плотная черная шаль с бахромой. Закутавшись в нее, можно сойти за пожилую женщину. Взять в руки клюку, сгорбиться — и попробуй угадай, кто бредет по дороге.

Сложив одежду под лавку, она посмотрела в окно. По улице шел твердой, уверенной походкой Семен Манцев с винтовкой за плечом. У Марии Степановны в тревожном предчувствии защемило сердце: «За мной, наверное, Казаков послал». А Манцев

остановился, поправил ремень винтовки и напрямик двинулся к ее дому. «Спрятаться? — мелькнуло в голове учительницы. — Поздно». Вот он отряхивает с сапог налипший снег. Громко звякает щеколда. Стук в дверь — стук в сердце.

— Входите, — произнесла чужим голосом Мария Степановна. Странно, к ней снова вернулось спокойствие. Это хорошо, не надо волноваться, перед врагом нельзя выказывать слабость, малодушие.

— Здравствуйте! — Семен остановился у порога, неловко снял с плеча винтовку и прислонил ее к стене.

— Здравствуйте, — ответила Мария Степановна, настороженно оглядывая полиция. Манцев снял варежки и стал не спеша засовывать в карманы, потом сорвал с рукава повязку и тоже спрятал в карман. «И что он комедию разыгрывает?—с неприязнью думала Мария Степановна.— Будто к себе в дом зашел»,— Не ждали, небось?— смущенно улыбнулся Манцев.

— Почему же? — ответила учительница. Она старалась сохранить безразличный и равнодушный тон. — заков меня предупредил. Староста аккуратно выполняет свои обещания.

Улыбка исчезла с лица Манцева. Он сделал несколько нерешительных шагов по комнате и остановился. Мария Степановна встала со стула, выжидая, что будет дальше. Довольно странно ведет себя полицай.

— Вам привет от дяди Федора... Что? Он знает пароль? Тот самый пароль, который она повторяла столько раз, чтобы не забыть. Неужели провокация?

Мария Степановна вспомнила слова Седова: «Наших здесь много останется». Она каждый день, особенно первых порах, ждала, что вот-вот нагрянет этот загадочный человек и произнесет пароль. И вдруг... Манцев... Полная неожиданность.

— Спасибо. Как он живет? — набралась она смелости высказать условный ответ пересохшими от волнения губами.

Семен широко улыбнулся, снял шапку и вытер *крупные* капли пота, катившиеся по лбу.

— Ух! Вас, конечно, мой вид ввел в заблуждение? Учительница слушала его недоверчиво. Ей все еще казалось, что Манцев не тот самый человек, который да жен прийти. Семен почувствовал это и заговорил прямо, без обиняков.

— Мария Степановна, довольно на меня смотреть с подозрением. Не будем терять драгоценное время. Товарищ Седов...

— Обождите, — прервала его Мария Степановна. -Когда вы видели Седова?

— Тогда же, когда и вы, — отшутился Манцев.

— Понятно.

Учительница мысленно посетовала на себя за этот, некстати вырвавшийся вопрос.

— Я тоже такой же начинающий подпольщик, как и вы, — признался Манцев с виноватой усмешкой. — Пришлось эту шкуру надеть для маскировки. Ничего не поделаешь — надо. Знаю, в селе меня за это презирают, даже ненавидят. Мария Степановна слушала его рассказ и поражалась спокойствию, с которым он мог говорить о своей службе. Манцев достал из внутреннего кармана небольшой сверток, туго перевязанный бечевкой.

— Это бланки немецких удостоверений, пропусков.

Образцы их печатей. Все это надо немедленно передать в партизанский отряд. — И добавил:

— Один пропуск вам. Он пригодится.

Мария Степановна взяла сверток и стала шарить глазами по комнате, куда бы его спрятать.

— Эти документы вы отнесете в Красавкино. Явку помните? Третий дом с краю, с голубыми наличниками.

— А я, признаться, уже сама собиралась сходить в Красавкино. И одежду приготовила. Не могу сложа руки сидеть. А тут еще вызов к старосте.

Манцев досадливо махнул рукой.

— С ним надо держать себя осторожно. Он не то, что я. Верой и правдой служит. На орден от Гитлера рассчитывает.

Манцеву стало жарко. Он расстегнул полушубок. Его румяное лицо с пушистыми темными бровями было грустно. На крутом лбу залегли морщины.

— Закурить можно? — спросил он.

— Пожалуйста, курите.

Семен достал кисет, ловко свернул сигарку, прикурил от зажигалки.

— Казаков себя еще покажет. Ох, как люто ненавидит он Советскую власть.

Мария Степановна поставила на стол блюдце, вместо пепельницы.

— Посоветуйте, как мне от школы избавиться.

— Вы ему сказали о болезни?

— А вы думаете, он поверил?

— Конечно, нет. Но его надо заставить поверить.

— Как?

Семен стряхнул пепел и положил окурочек на блюдце.

— Придется в городе справку вам раздобыть. Там в больнице есть у меня знакомые ребята.

Они любой документ сварганят, не подкопаешься. Ну, а старосту я постараюсь обработать. В общем, это моя забота. Да... Еще вот что: немцы прислали старосте не только циркуляр — открыть школу, но и новые программы. Знаете, как они Их изменили? Получается, что в России живут не люди, а какие-то дикари необразованные. Хотят ребятшек напичкать своими идеями.

Мария Степановна слушала Семена с огромным интересом. Так вот оно что. Да, ее предположения оказались близкими к истине.

— Каким образом нам лучше поддерживать связь? — продолжал Семен. — Частые встречи вызовут подозрение. Вот задача... — Он замолчал.

— А может быть, ребят на помощь привлечем? — предложила Мария Степановна.

— Хорошая идея! — обрадовался Семен.

— Мне кажется, для этой роли подойдет Витя Рогов. Мальчик сообразительный, серьезный.

— Мне он тоже нравится, — согласился Семен. — Я его давно знаю. Правда, сейчас он на меня злой. Но это ничего.

— Есть у него товарищи Петя Королев и Катя Дубцова.

— Давайте пока остановимся на Вите. А там видно будет.

— Ладно, с Витей я поговорю, — сказала Мария Степановна. — Когда будет нужно, вы обращайтесь к нему.

— Ну, до свидания, — Семен нахлобучил шапку, застегнул полушубок. Взяв винтовку, с болью произнес: Эх, винтовочка, винтовочка. Из тебя бы фашистов бить..

Семен ушел. Мария Степановна видела, как он пере сек улицу и скрылся за поворотом.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Все понятно? — Витька пригладил непокорные вихры, стал по-командирски строгим.

— Все, — Петька уже давно нетерпеливо поглядывал на приятеля: кончай, мол. О чем тут долго разговаривать? Надо идти.

— Ты, Петь, не спеши, — смерил его Витька сердитым взглядом. — Слышал, как Мария Степановна сказала? Надо осторожно, чтобы комар носа не подточил.

— Так ты об этом битый час толкуешь, — досадливо отмахнулся Петька и широко зевнул. Он не любил длинных нравоучений. Катька хихикнула, тряхнув косами. Наконец Витька смилостивился:

— Ладно, пошли!

Катька затащила концы старенькой шали. В коротком пальтишке, обутая в большие валенки, она была похожа на Кота-в-сапогах. Витька взглянул на нее и чуть не рассмеялся. Но, сообразив, что веселость не подходит для столь ответственного момента, нахмурился и еще раз предупредил:

— Смотрите, чтоб все, как следует.

Ребята вышли из Катькиного дома и двинулись в разные концы деревни. Они подсчитали, что каждому придется обойти в среднем по двадцать домов, где жили ученики начальных

классов.

Лопахино растянулось километра на два. Исстари его окраины носили самостоятельные названия. Когда-то на краю села высился полосатый верстовой столб. С тех давних времен эта часть деревни была наречена Столбовой. За рекой, на высоком бугре, ровной лентой вытянулась Заречная сторона. Лопахино, по имени которого называлась и вся деревня, располагалось в центре. Витьке досталась Заречная сторона, Катьке — Лопахино, Петьке — Столбовая.

На мосту Витька остановился, засунул поглубже за пазуху книгу. Он прихватил ее на всякий случай: может, придется почитать малышам.

Дубовый настил моста во многих местах прохудился, зияли огромные дыры: бревна не выдержали тяжести фашистских грузовиков.

Витька посмотрел в сторону карьера. Позавчера они с Петькой перепрятали знамя в ящик. На Заречной стороне жил полицай Корягин. Он появился в деревне через неделю после прихода немцев. Никто у него не спрашивал, почему он дома, а не на фронте. Корягин рассказывал:

— Под Смоленском попала наша часть в окружение. Комиссары и командиры все поразбежались, а нас немцы в плен взяли.

В деревне догадывались, что Корягин бессовестно врет, но связываться с ним никому не хотелось.

Вступив в полицию, Корягин перестал объяснять историю своего пленения. Ходил с немцами по домам, подсказывал, у кого из односельчан надо отобрать скот. Как-то встретил он деда Силантия.

— Ну что, комбед, смерти ждешь? — Корягин снял с плеча винтовку, сухо шелкнул затвором.

Силантий ничего не ответил куражившемуся полицая. Корягин выстрелил в воздух и зашагал прочь, роняя ругательства.

• Обледенелая тропинка круто взбегала на косогор. Витька, чтобы не поскользнуться, шел осторожно, но это не спасло его. Почти в самом конце трудного пути он упал, больно ударившись коленкой о мерзлую землю. Прихрамывая, Витька кое-как взобрался на гору. Перед ним оказалась приземистая, нахохлившаяся изба. В этом доме малышом не было. Рядом жили Сапожковы: мать и двое детей. Старший, белокурый, шустрый Колька уже ходил в третий класс, а младший, тихий застенчивый Федька должен был в этом году поступить в первый.

Витька направился к Сапожковым. Из-за угла из выскочила лохматая, вся в репьях, Мушка и яростно лаяла. Вслед за ней показался Колька. Он тащил охапку дров.

— Мушка, назад! — закричал он на осатаневшую собаку.

Однако дворняжка и не думала подчиняться приказу своего хозяина.

— Пошла прочь! — Колька замахнулся поленом. Собака с недовольным видом отбежала в сторону.

— Она у меня ученая, — прихвастнул Колька. — Немцев и полицая не выносит. Кидается на них. Недавно Корягин шел по улице, а Мушка как бросится на него. Полицай винтовку из-за плеча — Мушка еле ноги унесла. Корягин грозился: «Увижу еще раз эту собаку, застрелю на месте».

— Он не пожалеет, — подтвердил Витька. — Деда Силантия грозился тоже убить.

Они вошли в избу. Колька свалил дрова возле печки и стал потирать озябшие руки.

— А где же Федька? — спросил Витька.

— Наверно, ушел к Игнатовым. Там вся ребятня собирается.

«Это хорошо», — прикинул в уме Витька.

— Сходим туда? — предложил он,

— А зачем? — Поиграем. Я вот книжку новую принес. Очень интересная.

— Покажи.

Витька вытащил из-за пазухи тонкую голубую книжку. На обложке Колька увидел портрет

человека с лукавой доброй усмешкой. Одет в простую военную гимнастерку.

— Аркадий Гайдар, — прочитал он вслух. — Интересно?

— Мировая книжка! — восхищенно заверил Витька. — Про гражданскую войну.

— Пошли, — заторопил Колька. — Люблю читать про войну.

Дом Игнатовых был недалеко. Наталья Игнатова рано осталась вдовой. Муж ее погиб в финскую войну, на Карельском перешейке. Наталья воспитала сероглазых двойнят Клаву и Толю. Они ходили уже во второй класс.

— А тетка Наталья не прогонит? — спросил Витька, прежде чем переступить порог.

— Не-е, — успокоил Колька. — Она добрая.

Уже в темных сенях Витька услышал разноголосый крик и смех. В избе они застали многоликую галдящую ватагу.

Были тут и совсем малыши, и школьники. Но что это? В куче ребят Витька увидел рыжего горбоносого Степку, сына Корягина. Тот был в длинной синей поддевке и новеньких сапогах. Подражая отцу, Степка вел себя вызывающе нахально, даже покрикивал на своих сверстников.

Что же делать? Витька поманил к себе Кольку и прошептал ему на ухо:

— Скажи Степке, что его мать зовет.

— Что? — не понял Колька.

— Не нужен он тут.

— Ага, — смекнул Колька. — Сейчас мы его выдворим.

— Степка! — крикнул он.

— Чего? — Огненно-рыжая кудлатая голова вынырнула из-за чьей-то спины.

— Мать тебя ищет. Ругается, на чем свет стоит.

— Иди, иди, а то она тебе всыплет, — предупредил с ехидцей Витька. Упоминание о возможной экзекуции подействовало на Степку. Он метнулся к двери. В избе, разделенной досчатой перегородкой на две половины, воцарилась на некоторое время тишина.

— Ну что, орлы, — начал Витька, устраиваясь на лавке поближе к окну. — Будете слушать?

— Витька показал книжку. — «РВС».

— Что? Что? Не понятно, — посыпалось со всех сторон. Дети сгрудились у стола, напирая друга на друга.

— РВС.

— Тише! — прикрикнул на ребят Колька. — Слушайте и поймете.

Витька раскрыл книгу. Ребятишки подтащили скамейки, усаживались с перебранкой. Лишь девочки стояли

посредине комнаты. I

— А вы чего? — спросил Витька у Верки Цыганковой, самой боевой и задиристой.

Верка дерзко ответила:

— Домой пойдем.

— Садитесь. Что дома-то делать?

— А он не велит, — с неприязнью показала Верка Кольку. — Говорит, тут ребячья компания.

Колька сконфузился, покраснел, как рак.

— Ты что? — рассердился Витька.

— А что им тут делать? Пусть в куклы играют. -Мальчишки одобрительно засмеялись.

Верка отвернулась к своим подружкам, толпившимся у двери.

— Будет вам, — одернул расшумевшихся ребят Витька. — Садитесь все, и девчонки тоже.

Девочки остались. Они пошушукались и пристроились в сторонке.

Витька откашлялся и начал читать. Забыв о перепалке, ребята, затаив дыхание, слушали.

Лишь изредка кто-нибудь шепотом спрашивал: «А кто такие эти зелёные?».

Охрипшим голосом дочитал Витька последнюю страницу и закрыл книжку.

— Вот Жиган! Смелый какой, — восхищенно заговорила Верка.

— Как ты, — съязвил Колька.

— Ты на себя погляди, — не осталась в долгу Верка. Колька хотел что-то ей ответить, но его опередил

Ваня Шубин. Высокий, с тонкими чертами лица, он выделялся среди ребят своей сдержанностью. Между собой они звали его сокращенно Шуба.

— А Головень-то похож на Корягина, — Ваня так звонко и заразительно засмеялся, что вслед за ним дружно грохнули и остальные.

— Слыхали про Самохина? — спросил Витька. — Теперь заведовать школой будет.

— Немцам продан, — со злостью проговорил Колька. — Он меня встретил вчера и ласково: «Здравствуй, Сапожков! — «Здравствуйте», — говорю. — «Слышал, школа начинает работать?» — Я молчу. — «Приходи в школу». — Я ему отвечаю: мне теперь учиться некогда, работаю. Да и обуви нет. Он как зыркнет на меня, — Колька скорчил рожу. — И пошел прочь. А я ему вслед кукиш показал.

Ребята засмеялись.

— А вы как думаете? — обратился Витька к остальным.

— Пусть он Степку рыжего учит, а я не пойду! — сказал Шуба.

— И я! И я! — раздались голоса.

— Нужно мне его слушать, — сощурила зеленые глаза Верка. — Он будет немцев восхвалять, а мой отец с ними воюет. Придут наши — и будем учиться.

Витька был доволен. Замысел удался. Пусть теперь Самохин попробует открыть школу.

Ничего не выйдет. На улице Витька похвалил Кольку:

— Молодец, хорошо ответил Самохину. И, знаешь, что? Сегодня некоторых ребят не было. Надо с ними поговорить, чтобы и они не ходили в школу.

— А что ж? Поговорю.

— Только осторожно, а то Корягин узнает. За это, брат, не поздоровится.

— Сделаю аккуратно, — заверил Колька.

Витька возвращался в хорошем настроении. Он не обращал внимания на промозглый северный ветер, который насквозь пронизывал его. На бугре Витька остановился и посмотрел вдаль. Горизонт был затянут сизой мглой. Темными зубцами горбился сосновый бор. Где-то там, в его дебрях, скрываются партизаны. Недавно в селе снова прошел слух, что они взорвали на большаке мост, уничтожили несколько автомашин. Витька нащупал за пазухой книжку и подумал: «Хорошо бы сейчас, как Жиган, оседлать скакуна и махнуть к партизанам» Прихрамывая, он спустился по крутой тропе. У самого моста ему встретился Корягин. Шел он *медленно*, покачиваясь. Видно, нализался самогонки. Полицай покосился на Витьку пьяными глазами. Когда мальчишка уже прошел мимо. Корягин хриплым голосом он

окликнул его:

— Эй, ты, обожди!

— Ну что?

— Ты чего тут шатаешься? — Корягин приблизился к Витьке. — А ну, покажь, что у тебя там, — полицай заметил уголок книжки, торчавшей из-за пазухи.

— Ничего. Какое твое дело, — ответил Витька, враждебно смотря на Корягина.

— Ты еще перечить? — полицай дернул книжку. Ах, молокосос!..

— Отдай! — крикнул Витька.

Корягин тупо уставился на обложку, шевеля толстыми губами.

— На! — швырнул он книжку далеко в сторону. Ишь, грамотей. Я из вас грамоту вышибу. — Корягин самодовольно загоготал.

Витька поднял книжку и с ненавистью посмотрел вслед полицая. «Обожди, — подумал он.

— Вернут наши, за все ответишь».

Придя домой, Витька разулся и стал рассматривать коленку. Мать увидела большую ссадину, заохала.

— Где это тебя угораздило?

— Упал.

— Больно?

— Ага, — поморщился Витька. — Немножко, — добавил он, опуская глаза.

Мягкие руки матери осторожно ощупывали ногу Витька вскрикнул.

— Кость, наверно, зашиб, — покачала мать головой. — Ох, горе ты мое, горе. Сиди, сейчас парить будем.

Витька не протестовал. Коленка напухла и нестерпимо ныла. «Вот не везет, — огорченно думал он. Сейчас бы надо узнать, что там делает Петька. А тут сиди, как колода».

Витька пригорюнился. Он не слышал, как вошла Катька.

— Что с тобой? — участливо спросила она. Витька смутился и неохотно ответил:

— Ничего, маленько ушибся.

— Маленько! — проворчала у печки мать. — Так, чего доброго, и без ноги можно остаться.

Она налила в чугунок воды и поставила на загнетку.

— Сейчас я принесу лекарство, — спохватилась Катька. — Здорово помогает от ушибов.

— Какое там еще лекарство! Не хочу я ничего.

Через десять минут она появилась с зеленой бутылкой. Посудина была заткнута длинной бумажной пробкой.

— Ну что ты еще притащила? — пробурчал Витька.

— Ничего ты не понимаешь. Правда, тетя Варя? Сейчас сделаем компресс.

Мать оторвала чистую тряпицу и подала Катьке. А та священнодействовала, как заправский доктор. Недаром в школе была в санитарной комиссии. Катька открыла бутылку и смочила тряпочку. В комнате едко запахло денатуратом.

— Ух, и воняет твое лекарство.

— Зато помогает. Ну-ка, давай ногу, — командовала Катька.

Мать стояла рядом и, скрестив руки на груди, с улыбкой наблюдала за ловкими движениями Катькиных рук.

Катька сделала компресс. Когда мать вышла за водой, Витька спросил:

— Ну как?

— Все хорошо.

Тут появился и Петька. Захлебываясь от радости, он затараторил:

— Утерли мы нос Казакову. И Самохину заодно. Пусть теперь попрыгают. Это будет им... — Петька вспоминал слово. — Сюрприз!

— Притормози чуток, — остановил его восторги Витька. — Как из пулемета шпарит.

Рассказывай по порядку.

— А что рассказывать? Столбовские не пойдут. Даю голову на отсечение, — и Петька выразительно провел ладонью по худой шее.

В сенях загремело ведро. Это возвратилась Витькина мать.

— Холодище на улице, — сказала она. — Ночью сильный мороз будет.

Ребята договорились, что к учительнице они сходят завтра, все вместе. Катька оставила бутылку, и мать пообещала ей ставить Витьке компрессы.

В комнате наступил полумрак. За окном в ветвях ракиты неистово гудел ветер. Скрипели, как немазаные колеса, ставни. Это по земле шествовала зима. Она сварливо, со скандалом, ломилась в избы, пугая людей, заставляя их еще плотнее закрывать все щели.

...Витька закрыл глаза. Сквозь дрему он представил, как Катька перевязывает ногу, смешно высунув кончик языка, и улыбнулся в темноте. Ему захотелось, чтобы обязательно пришла завтра, и с этой мыслью он заснул.

Витька не слышал, как заходила Мария Степановна и разговаривала с матерью.

Свернувшись калачиком, он крепко спал. Ему снился бой с немцами. Катька с брезентовой сумкой, набитой бинтами, ползла сквозь огонь ему навстречу...

ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН

Мария Степановна выбралась из дому пораньше, чтобы ее никто не видел. Еще с вечера она зашила бланки, которые передал ей Семен, в подкладку пальто. Взяла с собой, на всякий случай, узелок с продуктами. «Если встретятся немцы и спросят, куда иду, то отвечу: к родственникам, — успокаивала она себя. — тому же у меня пропуск есть».

Дорога в Красавкино шла по полю, вдоль телеграфных столбов. В одном месте столбы были спилены, оборванные провода валялись рядом.

Кругом было пустынно. Лишь над кучами почерневшей соломы кружились с карканьем вороны. *Солнце* желтым пятном чуть поднималось над горизонтом.

Невдалеке от дороги мрачно чернел обгорелый танк с белым крестом на развороченном снарядом боку.

Рядом виднелась огромная полузанесенная снегом воронка от бомбы. Сорванная взрывом башня валялась в стороне. У самой околицы села сохранились и другие признаки недавних боев: перевернутая пушка с оторванным стволом, грудой бесформенного металла громоздились автомашины. Мария Степановна вошла на пригорок. Отсюда было хорошо видно Красавкино. Это старинное село не случайно носило такое название. На всю округу оно славилось богатыми садами. Дома здесь строились добротные, просторные. В бывшем помещичьем имении располагалась средняя школа. Теперь от многих домов остались только черные печные трубы. Жители ютились в подвалах, в наскоро открытых землянках. От красавицы-школы остались лишь обугленные кирпичные стены.

Мария Степановна пошла не по центральной улице, а двинулась в обход. По шаткому мостику учительница перешла на другую сторону села. Перед ней предстали несколько уцелевших изб с заснеженными крышами, над трубами колыхались сизые столбы дыма. Навстречу Марии Степановне шли две пожилые женщины с ведрами. Когда она с ними поравнялась, женщины уступили дорогу и проводили ее долгим взглядом.

Дом с голубыми наличниками ничем не выделялся среди своих собратьев. Учительница поднялась по крутым обледеневшим порожеккам на крыльцо и постучала. Секунды тянулись томительно. За дверью прошуршали шаги.

— Кто там? — спросил глуховатый женский голос.

— Свои, откройте.

Дверь отворилась. В сенях стояла невысокая женщина в накинутом на плечи полушубке. Она придерживала руками полы и серыми внимательными глазами смотрела на гостью. Мария Степановна уловила в ее взгляде выжидательную настороженность. Казалось, женщина хочет задать ей вопрос и почему-то не решается.

— Проходите в избу, — пригласила она, немного растягивая слова.

Женщина закрыла дверь на засов и через темные сени провела Марию Степановну в горницу. Тут только учительница рассмотрела хозяйку дома. Ей было лет под пятьдесят. Бледное лицо ее хранило еще черты былой красоты. Из-под белого платка выбивались жидкие пряди чуть подернутых сединой волос.

Женщина сняла полушубок, повесила его на гвоздь, вбитый в стену.

— Садитесь!

— Спасибо, — Мария Степановна присела на табуретку, окрашенную в зеленый цвет, и положила свой узелок на колени. Хозяйка отошла к топившейся печке и начала подбрасывать в очаг поленья.

Печь стояла посредине избы и делила ее на две части. Женщина не обращала внимания на гостью, доставала ухватами чугунок, гремела сковородами. В избе плавал запах вареной картошки.

Наконец женщина выпрямилась и посмотрела на учительницу. И снова в ее серых глазах Мария Степановна угадала затаенное ожидание.

— Вам привет от дяди Федора.

— Спасибо. А как он живет? — немедля ответила женщина и сдержанно улыбнулась. —

Замерзли, чай, В дороге-то, раздевайтесь.

— Да что вы! — Марию Степановну тронула забота незнакомой женщины. — Не беспокойтесь. Я морозов не боюсь.

— Сейчас я вас согрею! — Хозяйка поставила на стол чугунок с дымящейся картошкой. — Правда, завтрак небогатый, зато горячий. Садитесь поближе! — Женщина принесла ковригу хлеба и солонку.

Горячая картофелина, рассыпчатая, словно засахаренная, обожгла пальцы. Очистив кожуру, учительница с наслаждением принялась за этот нехитрый завтрак.

— Извините, отойду на минутку, — сказала хозяйка и скрылась за перегородкой. До Марии Степановны долетели приглушенные голоса.

— Так вот кто пришел! — раздался за ее спиной радостный возглас.

Учительница обернулась и увидела стоявших у перегородки двух мужчин. Один, бородатый, с веселым *блеском* в глазах, шагнул к ней.

— Не узнаете? Вот это да! — захохотал он и протянул руку.

— Николай Сергеевич! — Мария Степановна не могла прийти в себя: до чего же он изменился.

— Здравствуйте, Мария Степановна, — сказал Седов, крепко пожимая учительнице руку. — Очень рад встрече..

Мария Степановна изумленно смотрела на него и не знала, что думать, что говорить.

— Будем завтракать, а? — обратился Седов к Марии Степановне, словно они не разлучались и продолжают начатый разговор.

— Кушайте, кушайте, — улыбнулась гостеприимная хозяйка. Она стояла возле печки, скрестив руки на груди и говорила протяжным глуховатым голосом. — Картошки хватит. А больше ничего нет. И корову, и овец увели проклятые. Кур и тех потаскали. Хорошо, что картошку удалось припрятать, а то хоть с голоду помирай.

— Не горюй, Тихоновна, — проговорил Седов, перебрасывая с ладони на ладонь горячую картофелину. — Придет время, за все с них спросим.

Его товарищ, высокий чернобровый парень, согласно кивнул кудрявой головой.

— Миша! — позвал кого-то Седов. — А ты что не идешь завтракать?

— Нельзя ему, — вмешалась хозяйка. — Он там наблюдает.

— А-а, это хорошо. А вы что же, Тихоновна?

— Я еще успею, — замахала руками хозяйка и отошла к печке.

Седов был одет в военную гимнастерку и темно-синие галифе. Борода делала его непохожим на себя, но умные голубые глаза, как и прежде, светились юмором и добротой.

— А вы не знакомы? — вдруг спохватился Седов. — Это мой товарищ Николай Рыбаков.

Бежал из гитлеровского плена. Наш знаменитый подрывник.

Николай смутился от похвалы и, краснея, подал руку учительнице.

Мария Степановна назвала себя.

После завтрака они прошли на вторую половину избы. Мария Степановна увидела белоголового мальчишку лет пятнадцати. Он стоял у окна и смотрел на улицу. Паренек по-военному доложил:

— Полный порядок, товарищ командир.

— Вот и хорошо. Ну, иди. Мальчишка вышел.

— Так, рассказывай все по порядку, — Седов приготовился слушать.

— Я сейчас, — учительница вышла за перегородку. Через минуту она вернулась, держа в руках пальто.

Седов спросил:

— Что случилось?

Мария Степановна плотно прикрыла за собой дверь.

— Дайте мне ножик.

Николай достал складной нож, Мария Степановна вспорола подкладку и извлекла документы.

— Да ты, как дипломированная подпольщица, — похвалил Седов, перебирая в руках бланки пропусков и удостоверений. — Вот кстати. А я, признаться, так быстро не ожидал получить эти документы. Молодец Манцев!

— Он обещал достать мне справку о болезни, чтобы от Казакова отвязаться. А я и не догадывалась, что ой свой. Возмущалась, что в полицию поступил.

— А как народ к нему относится? — спросил Николай.

— В глаза ничего не говорят, а за спиной предателем величают. Тяжело ему.

— Нелегко, — согласился Седов, рассматривая принесенные учительницей документы. — Да, нелегко. Но надо. Спрячь-ка в свой «сейф», — передал он бланки Николаю. Тот положил их в брезентовую сумку.

— Ну, а как школа? Цела?

— В полном порядке. Жили в ней немцы, а сейчас пусто. Фашисты все книги пожгли, — с грустью закончила она. — Такая была хорошая библиотека.

— Дикари! — сказал Седов. — Нет для них ничего святого.

— И еще. Немцы решили начальные классы открыть. Меня староста в преподаватели сватал...

— Вот это новость! — оживился Седов. — Стало быть пытаются авторитет у народа завоевать, внушить людям, что, мол, фашисты не такие страшные, как их большевики рисуют. А главное, детей хотят одурманить.

— Мне Манцев говорил, что школы открывают приказу немецких властей. А программы, конечно, поставлены в антисоветском духе.

Седов с большим вниманием слушал рассказ Марии Степановны обо всем, что делается в селе, о том, как повел себя в оккупации Самохин.

— А может быть, для маскировки и стоило поработать учительницей, — сказал он, когда Мария Степановна закончила свой долгий рассказ.

— Я уж думала, думала об этом, — вздохнула Мари: Степановна. — А потом решила: нет, не могу. Как я людям, ребятам в глаза буду смотреть? Да и не знала, вы к этому отнесетесь. — Ничего, ничего, — начал ее успокаивать Седов. — Подпольщик ты еще молодой. Решила так, и хорошо. Хуже, когда человек вообще теряется.

Когда Мария Степановна сообщила, что Витька с Петькой спасли пионерское знамя, он хлопнул по плечу Рыбакова.

— Смотри, Николай, что делается! Весь народ, от мала до велика, поднимается против захватчиков...

— В партизаны рвутся, — сказала Мария Степановна. — Хочется, говорят, фашистов бить.

— Они сейчас и так партизаны, — задумчиво промолвил Седов, теребя черную бороду. — Работой твоей я вполне доволен. За все прими наше спасибо. А теперь давай договоримся о дальнейшем. Этих ребят можно посылать на связь. Сама ты в деревне приметна, а они вне подозрения. Нам очень нужны перевязочные материалы, йод. В городе обещали их достать. Адрес я тебе дам. Эх, Мария Степановна, настала пора нам сдавать экзамен, трудный и суровый. И мы его должны выдержать, не сплеховать.

— Как дела на фронте? — спросила Мария Степановна.

Седов взял лежавшую на столике полевую сумку и вынул пачку листовок.

— Вот прочитай. Это вести с Большой земли. Радостные вести. Под Москвой Красная Армия начала наступление. Уже освобождены Клин, Можайск, Калуга...

В окно заглянуло солнце. В избе сразу стало светлее. Седов размеренно ходил по комнате; три шага вперед — поворот, снова три шага. В эту минуту он думал о том, как далеко еще до победы, каким длинным будет путь к той светлой минуте, когда замолчат пушки и ничто не потревожит сон людей.

Мария Степановна рассматривала листовку, отпечатанную на синей бумаге размером с тетрадный лист.

Она читала и перечитывала текст, шепотом повторяла названия освобожденных сел и городов.

Седов заметил, что она взволнована, и сказал:

— Я, когда услышал эту новость, всю ночь не мог уснуть. От радости.

— Такая радость, словами не выразить!

— Вот и надо, чтобы люди узнали о ней, и как можно быстрее.— Это мы сделаем.

Расскажем. Расклеим листовки Помощников у меня много.

— Только будь осторожна.

— Хорошо, Николай Сергеевич, — у Марии Степановны защемило сердце. Как жаль, что время в кругу дорогих ей людей пролетело совсем незаметно. Она отвернулась, пряча расстроенное лицо.

— Чуть было не забыла сказать об одном деле, Мария Степановна подняла на Седова затуманенные грустью глаза. — Ребята в немецкой сумке обнаружили солдатские письма, фотоснимки. А на снимках на этих ужас-то какой: как они наших людей вешают, города жгут...

— Эти документы переправьте к нам. Мы постараемся их использовать. Ценный разоблачительный материал

Они проводили ее до порога. Мария Степановна туго закутала лицо шалью, взяла в руки узелок и вышла на заснеженную улицу. Морозный ветер обжег щеки. Где-то тоскливо лаяла собака.

«УРА! мы ломим!..»

Весь день шел снег. Он валил крупными хлопьями.

Улица помолодела. Воздух стал чистым, прозрачным. Дремали деревья, укрывшись пышными снежными подушками. К вечеру подморозило. Витька взглянул на небо. Луна, как белая тарелка, выглядывала из-за ветвей ракиты. Тусклыми точками мигали редкие звезды Избы, придавленные огромными белыми шапками, были похожи на эскимосские чумы. Коленка у Витьки зажила. Катька обращалась с ним, как взрослые с детьми. Витька сделал попытку встать] постели и получил от Катьки взбучку. После этого он безропотно согласился лежать столько, сколько потребует Катька. Порою Витька ловил себя на том, что слишком много думает об этой девчонке.

Когда Катька уходила домой, Витька забирался на печь и, прильнув к горячему кожуху, вспоминал ее черные кудрявые волосы, веселые глаза. Витька скучал, если Катька долго не приходила. Он радовался, когда раздавался легкий скрип шагов на улице, гремела щеколда и на пороге появлялась Катька.

На ее строгом лице озабоченность: брови нахмурены, пухловатые губы сжаты. Прежде всего Катька строго спрашивала: «Как нога?» и ставила новый компресс. Когда уходила Витькина мать и они оставались вдвоем, Катька становилась снова веселой, рассказывала о деревенских новостях, смешно передразнивала Самохина, который ходил по деревне, пряча голову в плечи. Она показывала Витьке, как бредет по улице сгорбившийся Самохин, и оба хохотали до упаду. От Катьки он узнал, что Семена перевели в уезд. Теперь так назывался районный центр.

...С утра Витька остался один в избе. Мать отправилась в лес за дровами, наказав ему покормить кур. Их уцелело только три и лишь потому, что мать прятала хохлаток от немцев в подпечье.

Витька положил на сковородку толченого картофеля. Куры немного поклевали и принялись разгуливать по избе. Одна, рябая с хохолком на голове, взлетела на лавку и свалила ведро. На беду в нем оказалась вода. Витька разозлился и начал загонять кур в подпечье. Но они прятались под лавку, ошалело бегали по избе, взлетали на печь.

Тогда Витька решил сначала разделаться с лужей. Он засучил рукава, отыскал тряпку, принес из сеней заржавелый старый таз и принялся за дело. За этим занятием и застала его Катька.

— Что случилось?—спросила она, как всегда строго сдвинув брови.— Пол моешь?

Витька разогнул спину. С тряпки текла мутная вода. Рябая курица подошла к тазу. Витька замахнулся на нее тряпкой.

— Кыш, противная! Опрокинула ведро, а за нее отдувайся...

— Вон что! А ведь ты сам виноват. Куры-то пить хотят.

— Откуда я знаю.

— Сейчас проверим, — Катька налила воды в сковородку.

Куры пили не спеша, высоко задирая головы, будто старались продлить удовольствие,

— Вот видишь? — Вижу, — неохотно согласился Витька, ругая себя за недогадливость.

Катька сбросила пальтишко, нашла себе тряпку. — Давай-ка я тебе помогу.

Витька работал, не ощущая усталости. Ему и раньше приходилось мыть пол, делал он всегда это нехотя. Но сейчас все было по-другому. Теперь эта противная работа приобрела для него иной смысл, потому что рядом была Катька. Лицо ее раскраснелось, черные волосы падали на лоб, рассыпаясь, как развязанный сноп.

Потом они помыли руки, поливая друг друга из тяжелой медной кружки. Катька рассказала о том, как Петька снова насолил Самохину.

Самохин становился день ото дня все нелюдимее. У него росла злоба к односельчанам, которые не разделяли его радостей и надежд, связанных с нашествием фашистов. Он замечал, что люди, при встрече с ним не здороваются, как было раньше, отворачиваются. Даже спиной Самохин чувствовал колючие, неприязненные взгляды. А ребятишки, так и вовсе в глаза смеялись, не скрывали своего презрения к учителю, продавшемуся фашистам. Не могла понять поведения Самохина и Мария Степановна. Однако предательство его не было случайным. Мать Самохина работала до революции в гимназии, обучала детей немецких колонистов на Украине. Она несколько раз ездила в Германию. Вместе с сыном мечтали переехать туда насовсем и открыть там пансион. Революция поломала эти планы. К тому же Самохин считал себя неудачником: институт он так и не окончил — провалился на экзаменах. Потом он уехал учительствовать в деревню, но пристрастия к этому делу не имел, детей он не любил, они платили ему тем же. Сначала Самохин жил на квартире у Прасковьи, потом женился на ней и, казалось, надолго осел в Лопакхине. С первыми залпами войны у него пробудилась надежда на то, что его прежние мечты осуществятся. Вот почему он с таким рвением бросился прислуживать оккупантам, рассчитывая в будущем на их покровительство.

Чувствуя людскую неприязнь, Самохин внутренне кипел, строил планы отмщения своим недругам. Он где-то раздобыл себе собаку. Это было даже несколько удивительно, ибо он не любил животных. Видимо, Самохин надеялся поставить пса на страже своего спокойствия. Правда, собака целый день бегала по деревне, так как хозяин ее совсем не кормил.

Петька очень возмущался тем, что Самохин столь бессердечно относится к собаке и подкармливал Полкана из жалости. С тех пор, как он удачно разыграл Самохина со змеей, Петька частенько размышлял над тем, как бы еще покрепче насолить ненавистному Наждаку. На выручку ему пришел сам пес Полкан.

Однажды, наблюдая за тем, как пес жадно, с рычанием, поглощает подставленную ему пищу, Петька обратил внимание на ошейник Полкана. И тут моментально у Петьки созрел захватывающий план. Он притащил из хаты кусок картона, на котором начертал крупными буквами такую надпись: «Самохин — фашистский пес». Однако оставалось свободное место. Петька раздумывал, чтобы еще такое позлее приписать. И он добавил строку: «Хлеб-соль немцам преподнес». Получилось что-то вроде стихотворения. Петька неожиданно обнаружил у себя поэтические способности и восторженно бормотал эти стихи на ухо Полкану, привязывая нитками к ошейнику картонку.

Полкан добросовестно выполнил Петькино поручение. Он бегал по деревне, и люди с хохотом читали строки, сочиненные Петькой. Наконец, пес явился домой. Самохин, увидев, какую штуковину принесла ему собака, побелел от злости. С этого дня он посадил Полкана на цепь. Пес не понимал, чем он провинился перед хозяином, и выл от голода, досады и тоски.

Витька хохотал до боли в животе, слушая историю об очередной Петькиной проделке. Он еще вытирал слезы, когда на пороге появился раскрасневшийся Петька и без всякого

предисловия подал команду:

— Собирайтесь, живо!

— Куда?

— Мария Степановна ждет!

—

* * *

Витька, подперев голову руками, сидел, не шевелясь, ловил каждое слово учительницы. Рядом с ним пристроилась Катька. Временами она вскидывала голову, отбрасывая назад сползавшие волосы. Лишь Петька ерзал, скрипел стулом и этим выдавал свое волнение. Катька несколько раз недовольно косилась в его сторону.

— Наши наступают, — сказала Мария Степановна. Уже много городов и сел освободили.

— «Ура! Мы ломим, гнутя шведы!» — подскочил Петька. — Теперь как пойдут, как пойдут! Без остановки. Будь уверен, до самого Берлина. Контрнаступление. Понятно? Все посмотрели на него. Опять раз мечтался. Катька хотела что-то сказать, но Петьку, когда он входил в раж, не так-то просто было остановить.

— Сегодня на управе староста вывесил приказ коменданта: всех, кто помогает партизанам, немцы будут расстреливать. Теперь им, гадам, о своей шкуре надо побеспокоиться...

— Да обожди ты, — остановила его Катька.

Мария Степановна развернула листок, который держала в руке.

Ребята вытянули шеи.

— Это листовка. В ней рассказывается о разгроме немцев под Москвой.

— Здорово! — ликующим взором обвел Петька товарищей. — Подмазывают пятки фрицы.

— Прочтите, Мария Степановна, — попросила Катька. — Ее лицо выражало тревожное нетерпение.

— Хорошо, — согласилась учительница. — Вот Витя пусть и почитает.

Витька бережно взял в руки листовку и начал ее разглядывать. Вверху выделялись слова «Смерть немецким оккупантам!».

— Читай! Читай! — Катька и Петька наклонились над листком.

У Витьки от волнения запершило в горле. Он откашлялся и начал читать тихо, с дрожью в голосе. «Дорогие товарищи!

Близок час освобождения нашего района от фашистского зверя. Красная Армия продолжает очищать от немецко-фашистских захватчиков нашу священную землю. Под Москвой немцы потерпели жестокое поражение, Наши войска уже освободили Клин, Калугу, Можайск, Волоколамск, десятки других населенных пунктов.

Помогайте Красной Армии и партизанам всеми силами и средствами. Смерть немецким оккупантам!». У Катьки тугой комок подкатился к горлу. Когда Витька замолк, с минуту царило молчание, а потом все вдруг заговорили, шумно выражая свою радость.

Мария Степановна вышла за перегородку и скоро вернулась с пачкой листовок, завернутых в газету.

— Эти листовки надо расклеить по деревне. Только, ребята, — Мария Степановна строго посмотрела на своих учеников, — будьте осторожны. За это немцы расстреливают.

— Сделаем, как надо, — сказал Витька.

— Все будет в ажуре, Мария Степановна, — поддержал его Петька.

— А ты, Катя?

Катька встрепенулась, вскинула полудюжью черных бровей.

— Я тоже пойду с ребятами. Я не боюсь!

—

ПОЛКАН УЗНАЕТ СВОИХ...

Стемнело. Мать не зажигала огня. Из леса она вернулась уставшая и сразу залезла на печку. Витька тихо оделся. Он думал, что мать заснула и можно незаметно ускользнуть из дома. Однако мать окликнула его:

— Куда идешь?

— Я к Петьке. На часок.

— И охота тебе по такому холоду шататься?

— Я, мам, скоро вернусь.

Катька и Петька ждали его, укрывшись за амбаром деда Силантия. От сильного ветра громыхали плохо прикрытые ставни. Снег забивался за шиворот, безжалостно сек лицо. Катька умудрилась так закутать голову, что из-под шали виднелся только нос.

— Клейстер не забыли? — озабоченно спросил Витька.

— Нет, — ответила Катька, — он у меня. Тогда пошли! — Витька шагнул вперед. Они двинулись гуськом, спина в спину. Замыкала эту крохотную колонну Катька.

Ребята старались ступать осторожно, по сухой снег как нарочно, тягуче скрипел под ногами. Катька видела перед собой темную Петькину спину и удивлялась, как это Витька, идущий впереди, угадывает дорогу. Присмотревшись, она тоже стала замечать по сторонам темнеющие строения, иногда сквозь снежную пелену слабо мигал огонек. Кто-то при свете коптилки завершал свои нехитрые домашние дела.

Ребята осторожно продвигались к зданию сельской управы.

— Стойте! — тихо проговорил Витька. — Видите, горит огонь?

И правда, сквозь беснующийся снежный вихрь на до. рогу падала узкая полоска света.

— Может, староста еще не ушел? — высказал предположение Петька.

- Никого там нет, кроме сторожа, — сказала Катька

— Подождите тут, я пойду разведать, — и Витька исчез в темноте.

Он остановился с подветренной стороны. Здесь было тише, иногда ветер порывами налетал из-за угла. Витька прислонился к стене и стал прислушиваться. Из дома не доносилось ни звука. Лишь с крыши с легким шорохом сыпался снег. Витька, осторожно переступая, подкрался к окну, но сквозь замерзшие стекла невозможно было ничего рассмотреть. Тогда Витька, пригибаясь, перешел к другому окну. И здесь его постигла неудача. «Наверно, Данила Хромой натопил печь и спит, — подумал он. - Тихо. Можно начинать».

Он вернулся к ребятам.

— Айда за мной!

Не успели они сделать несколько шагов, как сзади раздался испуганный возглас Катьки:

— Ой!

У ребят так и приросли ноги к земле.

— Витя, подай руку, — жалобно попросила Катька.

— Ты чего? — зашипел на нее Петька. Оказывается, Катька сбилась с протоптанной тропинки и увязла в глубоком сугробе.

— Ничего не зашибла? — участливо спросил Витька свистящим шепотом.— Нет, — ответила Катька и жалобно всхлипнул Банку уронила.

Вот еще напасть! Как эту банку в снегу найдешь? Ребята ползали на коленях, роясь -в снегу. Проходила мин та за минутой, а злосчастная банка с клейстером все не находилась. Пальцы занемели от холода. Витька упрямо елозил по снегу, Катька и Петька пыхтели рядом.

— Вот она, нашлась, голубушка! — торжествующе прохрипел Петька.

К счастью, клейстер не вытек.

Ребята приблизились к двери, на которой староста вывешивал немецкие приказы и распоряжения. Петька трудом открыл банку, Катька начала быстро мазать доски. Витька уже приготовил листовку. Секунда — и с прилипла к двери.

— Теперь к Самохину, — сказал Витька. — Надо ему приклеить подарок.

— Ага!—согласился Петька.— Прочитает и совсем заикой станет.

Дорогу окончательно замело. Ребята шли, утопая рыхлом снегу. В деревне уже погасли последние огоньки. Из-за туч изредка выглядывала луна. В ее унылом свете стыли дома, деревья. Напротив дома Самохина они остановились. Витька вспомнил про злосчастную собаку. Правда, Полкан хоть и сидел теперь на цепи, но особо усердия в охране хозяйского добра не проявлял и большую часть времени безмятежно спал в конуре. Одна ночью Полкан

вел себя как анархист, лаял на люб прохожего.

Что же делать? Ведь Полкан сейчас поднимет тревогу. Витька поделился своими опасениями с товарища"

— Ты первым иди. Он тебя знает, — сказал Витька.

— Ладно, — согласился Петька. — Жалко, что хлеба не захватили.

— У меня есть в кармане кусочек, — тихо сказа Катька.

— Давай сюда! — обрадовался Витька.

Ребята замерли на месте, а Петька по занесенной тропинке направился к дому Самохина.

— Гав, гав! — раздалось в темноте.

— Полкан, Полкан, — тихонько позвал Петька. Пес замолчал. Он вылез из подворотни и подбежал к ночному гостю. Петька сунул ему корку. Полкан обнюхал ее и начал грызть.

Катька и Витька подошли ближе. Полкан не обратил на них внимания, продолжал возиться с коркой. Видимо, Самохин и на этот раз не покормил пса, чтоб злее был.

разделавшись с небогатым угощением, Полкан заюлил вокруг ребят, помахивая хвостом. Он радовался ночным посетителям, лизал Катьке руки.

— Молодец, Полкан, умница, — Катька трепала собаку за длинные уши, пока Витька и Петька возились возле двери.

Потом они наклеили несколько листовок на телеграфные столбы, положили пяток у колодца, прижав их ледышками.

Из-за туч выплыла луна. Под ее матовым светом деревья в школьном саду выглядели фантастично. Ветер шумел, поднимая снежную пыль. За ночь метель сгладила ребячьи следы, замела тропинки и дороги.

ПЕРЕПОЛОХ

Данила Хромой — низкорослый мужичок с черной всклокоченной бородкой и подслеповатыми глазами — стоял перед старостой, опираясь на свою деревянную култышку. Отвечал он на вопросы рассвирепевшего начальства односложно и покорно.

Казakov топал ногами, стучал кулаком по столу.

— Проспал, одноногий черт! — гремел староста. — А тут всю дверь большевистскими плакатами заклеили.

— Виноват...

— Ишь, виноват, — передразнил староста, — зря они тебе морду не заклеили. Хорошее чучело получилось бы.

Данила уныло стукнул своей култышкой.

— Читал, что тут пишут? — швырнул Казakov в лицо сторожу бумагу.

— Нет, — ответил Данила. — Я грамоте не обучен.

— Я вот отвезу тебя, старого хрыча, в волость. Там тебя шомполами быстро научат.

— Избави бог, — испуганно проговорил Данила и часто заморгал глазами.

Староста на минуту замолк.

Тщедушный Данила, понуриив голову, ожидал пр вора. Он не знал, о чем говорилось в листовках, но с но догадывался, что в них таится та правда, которую староста хотел бы упрятать подальше от народа. «Как они сюда попали, кто их наклеил? — удивлялся Данила.

Неужели партизаны?» От этих мыслей уже не такими страшными казались угрозы старосты. «Ори, ори, приязненно думал Данила. — От страха за свою шкуру горло дерешь».

— Иди, старый пень, и принеси мне литр самогонки - потребовал староста.

— Где ж я возьму? — робко возразил Данила.

— Еще разговаривать? — зарычал Казakov, вставая из-за стола. — Я тебе сейчас укажу адрес, — староста замахнулся на сторожа кулаком. Данила испуганно пятился назад. — Ты у меня начнешь бегать, как молодой...

— Ладно. Пойду поищу, — угрюмо пообещал Данила и, прихрамывая, двинулся к двери.

На пороге его чуть не сбил с ног Корягин. За ним, пыхтя от быстрой ходьбы, поспешал Самохин.

— Чего как с цепи сорвался? — проворчал, сторонясь Данила.

— Иди своей дорогой! — гаркнул Корягин. Полицай был не в духе. Рано утром к нему прибежал растерянный Самохин. Корягин в это время опохмелялся после вчерашней выпивки. Он сидел на лавке и осовело мотал головой. На одной ноге его был надет валенок, другой — черный шерстяной чулок.

Увидев Самохина, Корягин поморщился. Заспан лицо полицая выражало скуку и недовольство.

— Чего пожаловал ни свет ни заря?

— Б-б-едда, — Самохин хватал губами воздух, задыхаясь, как вынутая из воды рыба.

— Что мямлишь? Говори! — прикрикнул Корягин.

— В-вот, это... мне... п-п-повесили, — трясущимися руками Самохин подал полицая скомканную листовку

— Что это?

— Лл-л-листовка, — ответил Самохин, вытирая рукавом.

Корягин, шевеля толстыми губами, долго читал листовку. Самохин присел на лавку, заваленную каким-то грязным тряпьем. Из-за занавески вышла жена Корягина Авдотья, высокая, с злыми совиными глазами. Это была жадная и завистливая баба. Она постоянно ссорилась с соседями то из-за курицы, забежавшей в огород, то из-за поросенка, то бог знает из-за чего еще. С ней боялись связываться, потому что Авдотья слыла непревзойденной мастерицей по части ругательств. Начав словесный бой, она вспоминала не только грехи двадцатилетней давности своей противницы, но и всех ее родственников, вплоть до десятого колена.

— Где взял? — спросил грозно Корягин, смяв в кулаке листовку.

— На дверь мне... прри-клеили.

— Где другой валенок? — крикнул Корягин и уставился на жену тупым взглядом.

— Поищи! — ответила та, не трогаясь с места.

Корягин встал с лавки и, пошатываясь, начал осматривать все закоулки. Наконец он вышел из-за занавески обутом. Натягивая на ходу полушубок, бросил Самохину:

— Пошли!

И вот они втроем — злой староста, еще не пришедший в себя после разговора с Данилой Хромым, полицай и учитель обсуждают положение.

— Ты чего трясешься, как лихорадочный? — накинулся староста на Самохина.

Тот поперхнулся словом, но ему на выручку пришел Корягин. Он расстегнул полушубок и достал из кармана листовку.

— Еще одна? — побагровел староста. В голосе его прозвучала растерянность.

— Мм... — замычал Самохин. — Мне прилепили.

Староста грузно опустился на стул. Что же это творится во вверенной ему деревне? Кто же разбрасывает безнаказанно листовки? Совсем коммунисты обнаглели.

Корягин, внешне сохраняя спокойствие, пробубнил:

— Выясним, кто этим занимается, и с корнем заразу вырвем. С корнем!

— Как думаешь, чьих рук дело? — спросил староста.

— Есть тут у меня на подозрении... — Корягин взглянул на Самохина, как бы спрашивая у старосты, можно можно в присутствии этого человека говорить. — Ладно, — кивнул Казаков. Он достал зажигалку и нервно вертел ее в руках.

— Подозреваю учительницу молодую.

— ?? ...

— Да. Мне кое-что о ней известно.

— Он-на на все способна. Это она за-анятия сс-орва-ла, — подал голос Самохин. Он по совету старосты сам приходил к Марии Степановне, чтобы убедить, даже при-пугнуть ее, но она вежливо отвергла предложение работать в школе.

— И я так думаю, — подтвердил Корягин. Он достал кисет, начал крутить сигарку. — Силантия надо тряхнуть. Одной ногой в могиле. А туда же... Тоже в активистах ходил...

— А может, не она? У нее отец-то знаешь... — возразил староста. Он повернулся к Самохину. — Ты иди. И никому о нашем разговоре ни слова. Понял?

— Пп-онял...

— И поглядывай... Услышишь что — сразу ко мне. Когда Самохин скрылся за дверью, Казаков схватился за голову:

— Что теперь господин бургомистр скажет? Корягин швырнул в сторону недокуренную сигарку.

— Надо действовать. Нужно показать, на что мы способны. Главное, не подавать вида, что мы собираемся их выловить, — полицией понизил голос. — Пусть думают что мы не обращаем на это внимания. Как говорится, на до усыпить бдительность противника.

— Поймаем, буду просить немецкого коменданта, чтобы тебя к награде представили, — пообещал Казаков.

Тут подоспел Данила Хромой. Он молча поставил на стол зеленую бутылку.

— Во, здорово! — загоготал довольный Корягин. — Это в самый раз. Постарался Хромой.

— Ему бы шомполов всыпать, — сказал Казаков. Спит, а на дверь листовки лепят.

Данила направился к выходу.

— Ты куда? — окликнул его Корягин. Садись за компанию.

— Живот у меня болит, — ответил Данила.

— Пусть ковыляет. Нам больше достанется. — Казаков вытащил из стола кружки и начал разливать самогон.

ВИВА БОРЬБА!

Зима бесцеремонно стучала в двери. Она заносила доселе непролазные дороги, заставляла людей одеваться потеплее, прятаться от колючего морозного ветра в избах. По вечерам Витька, Катька и Петька собирались друг у друга, чаще у Петьки, и коротали время. Частенько захаживали они и к Марии Степановне. Беседы шли вокруг деревенских новостей, о делах на фронте.

Как-то ребята засиделись допоздна у Петьки. Бабушка Матрена не мешала друзьям. С заходом солнца она залезла на печь. Ребятчи голоса ей ничуть не мешали: к старости бабушка стала туга на уши. Перед тем, как расходиться по домам, Петька неожиданно высказал мысль, которую обдумывал уже несколько дней. Он предложил, эти полубившиеся всем встречи называть пионерскими сборами и приходить на них по всей пионерской форме — в галстуках.

— Какой же это сбор? — возразила Катька. — Нас всего трое.

— Ну и что? — Петька снисходительно посмотрел на нее, как на ребенка, который не понимает самых простых вещей. — Пусть будет нас трое, зато мы все равно остались пионерами. Как хотите, — решительно заявил он, — а я буду надевать галстук.

Витька не вступал в разговор, обдумывая Петькино предложение. Идея ему нравилась, только были еще некоторые сомнения.

— Мне тоже кажется, что сборы проводить нам надо, — раздумчиво заговорил он. — Я только не согласен, чтобы каждую посиделку считать сбором. — Он замолчал, подбирая слова — хотелось попонятней выразить свою мысль. — Сбор — это как бы праздник. А каждый день праздники разве бывают? — Он поглядел на друзей. — Мое мнение, ребята, такое. Давайте раз в неделю что ли проводить наши сборы, только по-настоящему. Чтобы все приходило в галстуках. И еще, чтобы песни петь наши пионерские. А народу мало? Так больше будет! И Ваня Шубин, и другие ребята все остались пионерами. Ну, как?

— Я согласен, — сказал Петька.

— А ты? — повернулся Витька к Катьке

— Если так, то и я согласна. Так будет лучше, добавила она и застенчиво улыбнулась. — Я потихоньку говорила с некоторыми девчонками. Они и галстуки берегут.

С тех пор вечера стали проходить интересней. Особенно любили собираться у Марии

Степановны.

Витька вернулся домой с очередного сбора.

Мать еще не пришла от соседки. Он в радостно-возбужденном состоянии затопил печурку и присел у огня. «Как хорошо прошел сегодня вечер», — думал он.

Мария Степановна интересно рассказывала о своей встрече с испанскими ребятами в Артеке, куда она ездила с группой вожатых-комсомольцев. В тот год в Испании шла гражданская война. Капиталисты стремились задушить народ, поднявшийся на борьбу за свободу. В Артек на отдых привезли на пароходе детей испанских рабочих. Отцы и матери, братья и сестры этих ребят сражались с врагом. Они своими глазами видели падающие бомбы, горящие города и деревни. Некоторые помогали старшим в тяжелой борьбе: ходили в разведку, перевязывали раненых.

— Наши пионеры, — говорила Мария Степановна, — встретили маленьких испанцев, как своих родных братьев. А они, худенькие и смуглые, только улыбались в ответ. Они не знали русского языка, но это не мешало советским и испанским ребятам понимать друг друга, «Вива Испания!—Да здравствует Испания!», — приветствовали мы малышей: «Но пасаран! —Они не пройдут!» кричали дружно в ответ испанцы. А один с перевязанной рукой, звонко воскликнул: «Вива борьба!» Это было единственное слово, которое он успел выучить по-русски.

Разомлевший от тепла, Витька радостно улыбался вспоминая рассказ учительницы. Он не услышал, как открылась дверь.

Очнулся он от грубого окрика:

— Ишь, щенок, расселся!

Витька обернулся, увидел стоящего рядом Корягина и попытался прикрыть рукой галстук.

— Вижу, вижу, напрасно стараешься, — ехидно метил Корягин, — Ясно... Так я и знал. Он давно уже внимательно присматривался к Витьке и его друзьям.

У Корягина с каждым днем крепло подозрение, что эти ребята замешаны в тех неприятных делах, которые не давали покоя ни Казакову, ни ему, Корягину — представителям немецкой власти на селе.

Витька вскочил на ноги и отступил на шаг от полица.

— Галстук носишь? Ай праздник какой отмечаешь?— издевался Корягин.

Витька молчал. Он выбирал удобный момент, чтобы дать стрекача из хаты, он даже забыл о том, что на улице мороз.

Но Корягин разгадал его мысли:

— У, большевистское отродье, никуда от меня не скроешься, — он замахнулся на Витьку. — А ну, дай сюда свою тряпку! — и рука его потянулась к галстуку.

— Не смей! — крикнул Витька и отскочил в сторону. Корягин прыжком догнал его, схватил за плечи. Витька старался высвободиться, но где там — силы были неравны. Он рванулся изо всех сил, толкнув ногой Корягина. Тот рассвирепел.

— Ах, так!—он отбросил от себя Витьку, сорвав с него галстук.

Витька упал, ударившись о стену. От боли потемнело в глазах.

Придя в себя, Витька увидел, что полицай схватил топор, лежавший у печки, и с размаху рубанул по галстуку.

— Бандит!—закричал в исступлении Витька, пытаясь встать. Перед глазамиплыли зеленые круги.

Корягин поднял вверх топор.

— Запомни, щенок. Если еще что замечу, голову оттяпаю!

Полицай швырнул топор на пол и вышел из хаты. Дрожащими руками Витька поднял с пола кумачевые клочки, бессильно опустился на колени и заплакал. Так просидел он несколько минут, пока не успокоился. Потом Витьке стало стыдно своих слез. Он крепко прижал к груди все, что осталось от галстука, и срывающимся голосом крикнул в сторону двери:

— Вива борьба!

С того дня на лбу Витьки пролегла первая морщинка, а в голубых глазах появился сухой

блеск и непреклонная решимость бороться и не отступать.

что такое трудодень?

Витька с Петькой отправились в город утром. Мария Степановна рассказала им, как найти нужную квартиру, назвала пароль.

У Петьки было несколько стаканов крахмала и кусок сала. Витька выпросил у матери килограмма полтора муки. Она поддалась на уговоры сына обменять в городе муку на соль. Ребята вышли на большак. Гладко наезженная дорога отливала на солнце зеркальным блеском. Мимо них проскакивали немецкие машины, легковые и грузовые, крытые брезентом. Поддернув на плече свой полупустой рюкзак, Петька сказал:

— Если б наши ехали, то обязательно подвезли. А эти... Помнишь, как нас летом танкисты катали? Зря я с ними тогда не удрал на фронт...

— Ишь, боров развалился, — зло бросил Витька, когда мимо них со свистом проскочил черный лимузин, в котором рядом с шофером сидел толстомордый немец.

Витька бывал в городе и знал его главные улицы. Ребята подошли к кладбищу, окруженному высоченными тополями. Верхушка одного дерева была начисто срезана взрывом снаряда и валялась на земле, перегораживая дорогу. Обойдя преграду, ребята вскоре очутились перед другой. Улицу перерезал шлагбаум. По тротуару медленно расхаживал солдат в длинной зеленой шинели с автоматом через плечо. Что это, пост?

Ребята остановились, поглядывая на немца, который не спеша брел им навстречу.

— Может, вернемся? — как-то с придыханием Я дрожью в голосе сказал Петька, замедляя шаг.

— Идем, идем, — шепнул Витька. — Как-нибудь проскочим.

Немец, худой, сгорбленный, искоса оглядывал ребят. Губы у него шевелились, пилотка была глубоко надвинута на уши. Гитлеровец остановился и бесстрастно смотрел на них, мигая рыжими ресницами. Руку он предусмотрительно держал на автомате. Видимо, немец соображал, представляют ли угрозу немецкому рейху двое русских мальчишек. В инструкции по этому поводу ничего не говорилось, к тому же мальчишки имели невзрачный вид: истоптанных лаптях, потрепанных пальтишках. Немец пропустил ребят.

Они прошли еще метров двести и оказались на площади. В сквере, где раньше стоял памятник Ленину, теперь ровным частоколом выстроились березовые кресты, возле которых чернели каски.

Ребята свернули за угол, на Коммунистическую улицу. На двухэтажном здании райисполкома развевался фашистский флаг. У подъезда стояли немецкие машины. Над входом в здание висел огромный портрет угрюмого человека с черными усиками.

Выпученными глазами смотрел он на дорогу, ощупывая прохожих недобрым взглядом. Мимо них, оглядываясь, пробежал человек и нырнул в переулок. Почти рядом резанула автоматная очередь. Петька испуганно прижался к товарищу. «Облава!», — мелькнуло в голове Витьки. Он слышал о том, что в городе немцы часто устраивали облавы, хватая людей без разбору.

Он не успел что-нибудь придумать, как из-за машин выскочил здоровенный солдат и преградил ребятам дорогу.

— Ком, ком! — приказал он, показывая знаком, чтобы они шли за ним. Витька и Петька стояли, как вкопанные. Немец зло закричал на них и повел на второй этаж.

В просторной, светлой комнате за столами, заваленными бумагами, сидели немецкие офицеры. Не обращая внимания на вошедших, они продолжали разговор и громко смеялись. Немец, сопровождавший ребят, подошел к краснощекому офицеру, на груди у которого висел железный крест. Щелкнув каблуками, солдат начал быстро лопотать, показывая на задержанных.

Офицер лениво встал из-за стола и подошел к ребятам. Он оглядел мальчишек сонными глазами. Руки он держал за спиной. Ничего не сказав, офицер направился в коридор, а солдат, энергично подталкивая ребят в спины, повел их вслед за начальником.

В конце коридора виднелась дверь, окованная железом. За ней скрылся фашист.

— За что они нас задержали? — шепнул Петька Витьке.

— Не знаю.

— Молчать!- Солдат протолкнул ребят в комнату. Ребята увидели полного, с глубокими залысина немца. Откинувшись на стуле, он курил сигарету и пристально всматривался в вошедших.

Фашист, который привел ребят, развалился на дива и зло шурил бесцветные глаза.

Переводчик, молодой, стройный солдат, сказал что-то офицеру, сидевшему за столом. Тот ответил ему резко холодно.

Переводчик приказал ребятам снять мешки и высыпать их содержимое на пол.

— Откуда пришли? — начал допрос переводчик.

— Из деревни Лопахино, — сказал Витька.

— Покажите документы.

— У нас нет документов, — Петька растерянно мигал глазами.

«Документы?» — Витька стал шарить по карман. Он вспомнил, что собираясь в город, в кармане пальтишка обнаружил трудовую книжку. Он хотел оставить дома, а потом снова машинально сунул в карман. Трудовую книжку он получил минувшим летом, работая в колхозе. Почти все мужчины и юноши были призваны в армию и в колхозе не хватало рабочих рук. И Витька пошел на работу: пахал, отвозил солому от молотилки...

Да, вот она, его трудовая книжка. В зелененькой ложке. Чем не документ. Витька подал ее офицеру, немец недоуменно взглянул на книжку и бросил ее переводчику. Тот листал страницы и что-то объяснял офицеру немец слушал, презрительно кривя губы.

— Трутодень? Что есть трутодень?—офицер, видимо плохо понимал разъяснения переводчика. Он вперил взгляд в Витьку. — Ты есть трутодень?

— Да, да, — попытался Витька внести ясность. — я в колхозе заработал.

— Кольхоз? — у фашиста задергалась щека, глаза буравили Витьку.— Шлехт кольхоз. Плехо.

Переводчик снова вступил в разговор. Офицер не слушал его. Он заговорил быстро, слова вылетали из как из пулемета.

Витька вдруг услышал знакомое слово «партизан» «Наверно, они нас приняли за партизан», — подумал и посмотрел на Петьку. Тот заметно побледнел, но держался пока молодцом.— Партизан! — крикнул сидевший за столом офицер.

— Что вы, дяденька, — захныкал Петька.

— Мы из Лопахино, — в тон ему затянул Витька. — За солью.

Немец вытащил из кобуры наган и, припечатывая каблуками, как на параде, подошел к ребятам. Витька смотрел на рассыпанную муку, сердце билось птицею.

— Стреляйт, партизан,— немец медленно поднял наган.

— Признавайтесь, зачем пришли, — сказал переводчик. — Иначе вас ожидает расстрел.

— За солью мы, — крупные как горошины слезы, покатались из Петькиных глаз.— Соли у нас нету.

Краснощекий офицер вскочил с дивана и шаром подкатился к ребятам. В руках он держал плетку. Гитлеровец размахнулся и начал бить их по чем попало. Витька загородил лицо руками. Удары обжигали, как кипяток, но он, кусая до боли губы, молчал. Петька с криком упал, солдат ударил его сапогом в бок...

...Их бросили в сырой подвал. Когда Витька пришел в себя, он увидел высоко над головой узкое зарешеченное оконце. Оттуда падала жиденькая полоска света и доносился приглушенный шум с улицы. Рядом стонал Петька.

— Больно? — спросил Витька.

— А ты думал, нет? — Петька сидел, прислонившись спиной к каменной стене, и ощупывал вспухшее лицо. — Он как двинет меня в бок, аж у меня внутри все зашлось.

— А меня этот коротышка все по голове метил, — Витька подгрел под себя солому, сел поудобнее.

От цементированного пола тянуло холодом. Заиндевелые стены мерцали фосфорическим

блеском. Витька обошел камеру.

— Настоящая тюрьма.

— Сколько мы тут просидим?

— А кто знает, — Витька сел рядом с другом, стараясь не подавать вида, что ему тяжело. «Как же нам теперь отсюда выбраться? — беспокоился он. — Вот подвели мы Марию Степановну». Горько и обидно стало Витьке, что не повезло в самом начале.

— Петь, — тихо проговорил он, обнимая друга за плечи. — Надо держаться. Немцы ведь ничего не знают. Они случайно нас задержали. Подержат тут и выпустят.

— Я постараюсь, — вздохнул Петька. — Это я там нарочно заплакал, думал, перестанут бить. Я всегда так от бабки спасался.

— Не обхитрил на этот раз, — повеселел Витька.

— Не, не удалось.

До наступления темноты они еще надеялись, что их выпустят на свободу, подбадривали друг друга. Но вот и ночь заполнила камеру. Затихли голоса на улице. Лишь изредка раздавался чей-то окрик: наверно, рядом стоял на посту часовой.

Вдруг в подвале раздались гулкие шаги. Где-то по-соседству со скрежетом открылась дверь, звякнул железный замок, и все стихло. Видимо, еще один узник попал в каменный мешок.

Витька задумался. «Трудодень, трудодень...» не выходило у него из головы. Как этот фашист выразился: «Что есть трудодень?»

Витька помнил этот день четко, до мельчайших подробностей. Он пришел на наряд, как и все взрослые, ранним утром. У ворот конюшни стояло несколько стариков и подростков.

Витька присел на телегу, еще мокрую от росы, и стал ждать бригадира.

Сонливое состояние уже улетучилось, и Витька с любопытством наблюдал, как постепенно оживал конный двор. Из глубины конюшни тянуло теплым, крепким запахом конского навоза, раздавалось то сдержанное, то резко-нетерпеливое ржание лошадей. Вот из ворот вышел конюх Миколай, давно небритый, с заспанным лицом. Он почесал спину и широко зевнул.

— Илюха! — крикнул он. — Звони! Черноглазый юркий подросток Илька Зернов прыжком подскочил к висевшему на столбе лемеху.

— Дон! Дон! — глухой металлический звон поплыл над селом. — Илька ударял равномерно, с большим усердием.

— Ну, хватит! — остановил его Миколай. — Теперь от твоего трезвона даже самые сони вскочили. Пожар, подумают.

Довольный Илька растянул в улыбке рот.

Народ все прибывал. Женщины, подростки, старики — все, кто остался в колхозе, чтобы заменить ушедших в фронт. Бригадир Иван Лапочкин, на правой руке протез — память о боях у озера Хасан, как-то торопливо вал наряд. Скоро все разошлись, разъехались. Только Витька одиноко стоял у телеги, видимо, ему работы не нашлось. Он уже набрался смелости и решил подойти к бригадиру, как Лапочкин, всплеснув руками, чтобы куда-то умчаться, заметил Витьку.

— Ты что стоишь?

— На работу пришел.

— На работу? — Лапочкин на минуту задумался. — Так, так. — Он что-то прикидывал в уме. — А лошадь напрягать умеешь? —

— Умею.

— Тогда вот что, — бригадир снова заторопился. — Скажи Миколаю, пусть даст тебе Гнедеху — И уже на ходу бросил: — Будешь подвозить воду к ферме.

Витька опрометью бросился в конюшню. Через полчаса он, взобравшись верхом на бочку, подгонял медлительную на бег Гнедеху. Бочка глухо гудела, звенело ведро. Зато Витька был на седьмом небе: он дергал вожжами, покрикивал на Гнедеху и даже пытался напевать. На ферме чинили крышу, мазали стены и воды требовалось много. Витька привез одну бочку, другую, а ему все покрикивали: «Давай, давай, не задерживай!». Воду пришлось

возить из Песчанки. Вроде бы и несложно наполнить бочку, но уже к третьему рейсу Витька почувствовал, как руки наливаются свинцовой тяжестью, а спина начинает ныть...

Когда он, страшно усталый, распряг Гнедуху, к нему подошел Лапочкин с раскрытым блокнотом.

— Сколько бочек отвез? Витька назвал цифру.

Бригадир искусно приладил блокнот на колене и левой рукой сделал заметку.

— Ну вот, — распрягнулся он. — Первый твой трудовень. — И подал Витьке левую руку. — Поздравляю.

Рукопожатие его было короткое, но крепкое.

— Я разве трудовень заработал? — не поверил Витька. — Правда, дядя Ваня?

Лапочкин потрепал его по плечу.

— Да, настоящий трудовень. Это твой снаряд по фашистам. Понял? Так можешь и написать отцу на фронт.

А потом Витька выходил на работу почти каждый день — пахал, возил сено, и в его книжке появился не один десяток трудовней. Но свой первый трудовень он помнит и никогда не забудет. А нынешний день? Какой он? Тоже можно сказать, трудовой, и наверно, отец был бы доволен...

— Слушай, Вить, — начал Петька, поеживаясь и дую на руки, — а что, если нагрянут партизаны. Как трахнут по фашистам — и нас освободят. Вот было бы здорово!

Витька не любил, когда его друг начинал фантазировать, но на этот раз он не стал разубеждать Петьку.

— Вполне возможно, — поддержал он.

— Вот, вот, — обрадовался Петька. — Мы бы тогда с ними ушли в лес...

В течение всей долгой ночи они не сомкнули глаз. Холод, валивший от пола и стен, поднял их. Ребята бегали по камере, притопывали ногами, чтобы согреться. К тому же их терзал голод. У Петьки каким-то чудом уцелел кусочек хлеба. Они разделили его и мигом проглотили. Теперь есть захотелось еще сильнее.

Чуть посветлело в оконце. На улице раздались автомобильные гудки, послышалась немецкая речь.

За ребятами никто не приходил. Что с ними будет? Неужели снова допрос и истязания?

Петька опять загрустил, да и у Витьки настроение было паршивое. Они, конечно, не знали, что Семен Манцев видел, как их вели в подвал. Он как раз шел в комендатуру. Семен решил узнать, в чем дело. Ему сообщили, что ребят задержали как партизанских лазутчиков.

Накануне фашисты поймали парнишку, связного партизан, и теперь стали хватать всех подряд.

В тот день Семену не удалось пройти к коменданту. А утром он, с помощью знакомых немцев, после долгих¹ хлопот пробился в кабинет фашиста. Семен клятвенно заверил, что задержанные — его земляки, что он их хорошо знает и ручается за них головой. Комендант распорядился выпустить пленников. Так Витька и Петька оказались на свободе. Семен ожидал у подъезда. Он проводил ребят за угол, дал по большому ломтю хлеба.

— Пришлось мне выручать вас. Ребята молчали, не зная, что ответить.

Семен был одет в немецкую форму, и не верилось, что этот человек мог прийти им на выручку.

— Ну, до свиданья. Идите, куда надо. Только уж больше не попадайтесь, — распрощался Манцев.

— Врет он, что заступился за нас, — засомневался Петька. — Это ты зря, — возразил Витька,

— Семен хороший. — Он хотел было добавить, что Манцев — свой человек, но вовремя вспомнил наказ Марии Степановны, что об этом не следует никому говорить.

ПРОВОДНИК В ГОЛУБОЙ ШАПОЧКЕ

Ребята прошли до конца улицы. Здесь было тихо и пустынно. По заснеженному тротуару тянулась узкая тропинка, протоптанная редкими пешеходами.

— Как бы за нами не вздумали следить, — сказал Витька, осторожно оглядываясь по сторонам. Но поблизости не было видно ни одного прохожего. Только вдалеке медленно ползла одинокая подвода.

Они свернули за угол высокой кирпичной стены, ограждавшей старинный парк, и увидели приземистый домик с железной крышей. Три окна выходили на улицу, крайнее — закрыто ставнями. Это был тот самый дом куда они шли. Ребята проскользнули во двор и по деревянным скрипучим ступеням поднялись на застекленную веранду. Витька перевел дух. Что-то уж очень тихо, можно подумать — дом нежилой. Витька дернул три раза за кольцо звонка. Дверь отворилась. На пороге стояла невысокая смуглая женщина в очках. На плечи накинут короткий жакет с черным пушистым воротничком.

— Что вам, ребята? — спросила она.

— Нам бы сольцы. В обмен. Мы из Лопихина, — поспешил Быпалить Витька пароль.

— Проходите, проходите, — засуетилась женщина. — Пожалуйста, сюда. — И провела их в светлую комнату.

На полу расстелен простенький коврик. Стены комнаты густо увешаны рамками с фотографиями. В центре стоял большой стол, крепко опирающийся на толстые дубовые ножки. Возле перегородки поблескивал стеклянными дверцами книжный шкаф.

Витька и Петька остались у порога. Хозяйка заметила смущение ребят и попросила их проходить, не стесняться. Они осторожно прошли по коврику и присели на гнутые венские стулья.

— Вы сильно озябли и, конечно, хотите есть, — зала Наталья Андреевна, так назвалась хозяйка ребятам

Пока она накрывала на стол, они рассказали о как попали к фашистам, как оказались на свободе. Наталья Андреевна покачала головой.

— Вы еще дешево отделались...

Ребята с большим аппетитом поели горячих щей, выпили чаю.

Наталья Андреевна разговаривала с ними просто, как с давнишними знакомыми, не спрашивала их о цели прибытия, будто они пришли к ней в гости. Петька удивленно поглядывал на своего друга и незаметно подавал ему знаки: мол, пора вести разговор о деле. Витька досадливо мотал головой: дескать, сиди, не лезь.

Когда Наталья Андреевна вышла в другую комнату Петька не выдержал:

— А мы туда попали?

— Чудной ты, — успокоил его Витька. — Раз нам ответили на пароль, значит, все правильно.

Вошла хозяйка и с ней девочка лет двенадцати в кротком пальтишке и белых фетровых валенках. Лицо девочки, обрамленное пушистой голубой шапочкой, румянилось от мороза.

— Это моя дочь. Валя. Валя исподлобья поглядывала на гостей.

— Ну вот, — заговорила Наталья Андреевна строго деловито. — А теперь приступим к делу. Витька бросил короткий взгляд на Петьку: «Что я тебе говорил?».

— Мешки-то наши у немцев остались, — пожаловался Витька.

— Ничего. Мы с Валею приготовили все, что надо. Наталья Андреевна принесла два небольших рюкзака

— Чтобы вы снова не попали к немцам, я дам вам проводника, — сказала она.

— Да мы и сами...

— Нет, нет, — решительно возразила Наталья Андреевна. — Вас дочка проводит за город. Она знает безопасный путь.

Валя кивнула головой. Во время разговора она сохраняла чопорную серьезность.

«Ишь какая, наверно, задавака», — подумал о ней Петька, Наталья Андреевна попрощалась с ребятами, проводила их до калитки и пожелала счастливого пути.

— Только не отставайте, — сказала Валя и пошла без оглядки вперед, помахивая голубыми варежками. Минут через пять она подвела ребят к пролому в каменной стене. Они пролезли через дыру и очутились в парке.

Слева тянулась древняя стена из темно-красного кирпича. Снег тут был глубокий, и Витька удивлялся, что Валя идет так легко и скоро. Засыпанный снегом парк выглядел красиво. Столетние липы тянулись к самым облакам. На аллеях кое-где виднелись скамейки, покрытые пухлым слоем снега. Витька полной грудью вдыхал живительный морозный воздух и радовался тому, что он шагает по чистому искристому снегу, что удалось выбраться из фашистского застенка, что за спиной у него рюкзак с драгоценными медикаментами. Через массивную чугунную калитку ребята вышли из парка. Под горой закованная в зеленый ледяной панцирь дремала река. Налево чернела небольшая деревушка.

— Дальше пойдете прямо по дороге, — объяснила Валя. — У последнего дома свернете направо и увидите кладбище, а там большак совсем уже рядом.

— Все ясно, — сказал Витька. — Большое спасибо.

— Можно вас попросить... — Валя замялась, — передайте от меня большой привет партизанам...

Ребята переглянулись.

— Обязательно передадим. Валя порывисто подала им руку:

— Счастливой дороги...

Петька и Витька проводили ее взглядом. Вот голубая шапочка мелькнула меж деревьев и исчезла.

Солнце висело низко над горизонтом. Петька в своих отсыревших лаптях тяжело ступал, пытаясь не отставать от Витьки. Тот устал не меньше, но спешил. Он думал о том, что мать, наверно, сильно беспокоится. Правда, он предупреждал ее, что возможно, заночует в городе. Но она все равно будет волноваться.

До ближайшего села оставалось еще не менее пяти километров, а солнце уже спешило укрыться за горизонтом. Ребята еле передвигали ноги. К счастью, их догнала попутная подвода. Седок, закутанный в рыжую свитку, остановил лошадь:

— Тпру! Эй, сынки, залезайте. Подвезу. Из глубины воротника показалось бородатое лицо

Витька с Петькой не заставили повторять приглашение, угнездившись в сани, прикрыли соломой рюкзаки. Худая клячонка затрусилась по дороге. Старичок встряхнул для порядка вожжами и обернулся к своим пассажирам. На голове у него была лохматая овчинная шапка, лицо покрыто длинной седой щетиной.

— Далече путь держите?

— В Грибановку, дедушка. В город ходили, за солью, — охотно отвечал Петька, сразу повеселевший.

— А-а-а, — старик пошмыгал носом. - Грибановские, стало быть. А я тоже из города. — Он замолчал. Лошадь еле перебирала ногами, старичок задумался и не обращал на нее внимания.

— Сына моего Митю в тюрьму эти посадили. Комсомолец он. Доказал на него полицай. Не дали повидаться. — Старик подергал вожжами повернулся к ребятам и продолжал: — Мучают изверги наших людей. А все равно русский народ не сломишь. Нет, не сломишь. Вот и Митя мой, бывало, говорил: «Не горюй, папаша, наша возьмет». — Старичок заморгал отвернувшись.

Показались первые дворы. Редкие огоньки замигали в темноте.

— Вот и приехали, — старик остановил лошадь.

— Спасибо, дедушка.

— Не за что.

Он чмокнул губами, и лошадка нехотя тронулась с места.

Ребята оставили в Грибановке на явочной квартире свой груз и решили тут переночевать.

ПОЖАР

Катька вышла на улицу. Из-за реки дул порывистый колючий ветер. А если ветер подул с Заречья, жди крепких морозов. Уже второй день минул, к Витька и Петька ушли в город. Катька с нетерпением ждала их возвращения. Надвинулись сумерки, а ребят все не было. Морозный ветер покусывал за щеки, выдавливал слезы. С реки донесся треск — это лопался лед. Потирая варежками щеки, Катька торопливо шагала к Марии Степановне.

Учительница лежала в постели.

— Не подходи ко мне близко, — предупредила она Катьку. — Я, кажется, заболела гриппом. Девочка села у стола.

— Не вернулись? — спросила Мария Степановна.

— Нет, — тихо промолвила Катька. — У вас жар, Мария Степановна?

— Да, поднялась температура. Вчера вечером была сорок градусов, сейчас немного снизилась. Простыла, наверно.

— Вам надо чаю с малиной выпить, хорошо помогает. Я сейчас принесу.

— Не беспокойся, Катя. Это пройдет.

— Нет, нет, — Катька замахала руками. — Я быстро. Мария Степановна опустила тяжелую голову на поляку. Во всем теле ощущалась слабость. Еще вчера она почувствовала недомогание. Надо было бы сразу лечь в постель, но Мария Степановна, тревожась за ребят, часто выходила на улицу...

— Пришли, пришли, Мария Степановна! — закричала с порога Катька. — Я с ними только что говорила. Все в порядке.

— Ой, Катенька, мне сразу лучше стало, — улыбнулась учительница.

— А чайку попьете и совсем вылечитесь.

Самовар сначала запел свою монотонную песню, потом забулькал, заклокотал, по комнате поплыл малиновый аромат.

— Давай, Катенька, свой чудесный чай, — попросила Мария Степановна. — Пора мне выздоравливать.

— Сейчас! — Катька звенела стаканами.

Мария Степановна, облокотившись на подушку, пила горячий напиток, а Катька все хлопотала в избе. Она принесла из подвала картошки и принялась стряпать обед.

Учительница залюбовалась, как девочка старательно очищает каждую картофелину, снимая тонкий слой кожуры.

Потом появился Витька. Он остановился посередине комнаты, и его внезапно охватило буйное веселье. Он сорвал шапку и хлопнул ею об пол. — Все. Задание выполнено!

— Знаю, Витя. Молодцы! — Мария Степановна с восхищением смотрела на паренька.

— Ты что раскричался? — одернула его Катька. — Не видишь что ли, Мария Степановна больна.

— Ничего, ничего, — сказала учительница. — Ну, рассказывай, Витя.

Витька поднял шапку, сел на стул и вытер вспотевший лоб. Он покосился на Катьку, кашлянул для солидности и начал рассказывать. Катька не верила своим ушам. Подумать только: ее друзья побывали в фашистском застенке. А как она? Испугалась бы? Катька представила, как сыплются удары, как закрывается с зловещим визгом дверь мрачной камеры...

— А он бьет меня по рукам, по голове плеткой. Я стиснул зубы, терплю...

Домой шли вместе. За школьным садом начиналась круча.

Витька и Катька смотрели туда, где, плутая в лозняке, пряталась Песчанка. Кто-то пешней прорубал лунки во льду, и снизу от реки доносилось гулкое эхо. Над прорубью клубился пар, словно в речке был кипяток.

— Наверно, Ваня Шубин вздумал рыбу ловить, — сказала Катька.

— Зря старается, — заметил Витька. — Надо пониже чуть спуститься. Мы там с отцом большущих налимов вытаскивали.

— Покажи-ка свои руки.

— Что?

— Руки покажи.

— Пожалуйста, смотри, — удивился Витька странной просьбе.

Катька осторожно провела рукой по вспухшим рубцам.

— Больно?

— Нет.

— А тогда?

— Не помню. У меня в голове стояло одно: только бы не зареветь... С того дня, как Корягин разрубил мой галстук, я дал слово: не плакать перед врагами...

— А я за вас очень переживала, — Катька задержала его руку.

Витька растерянно посмотрел на Катьку. — Я тоже о тебе думал. Там, в камере.

— Правда?

— Честное слово!

Она смутилась и опустила голову. Витька шел рядом, подставляя лицо обжигающему морозному ветру. Он не чувствовал ледяных порывов, ему было радостно и легко. Мария Степановна проснулась. То ли от Катькиной малины, то ли от бодрого настроения, которое не покидало ее с момента возвращения ребят, она почувствовала себя значительно лучше.

По комнате вдруг запрыгали светлые блики. Мария Степановна повернула голову. В стеклах окон плясало красное зарево.

Ночную тишину пререзала длинная автоматная очередь. С улицы донеслись чьи-то голоса, ржание лошадей. Пошатываясь от слабости, Мария Степановна подошла к окну. И тут ей все стало понятно. Горели скирды на току. Хвостатое пламя вздымалось в черную темь, ветер разносил снопы искр. Не удалось Казакову обмолотить хлеб и сдать его оккупантам.

Подпольщики сдержали свое слово.

Витька не утерпел и выскочил на улицу посмотреть на пожар. Началась стрельба, мать пыталась загнать его в избу. Но мальчишка не послушался и смотрел на огненные сполохи.

Вдали ширилось, росло новое зарево.

Петька тоже любовался пожаром, пока не продрог. Рядом с ним стоял Пират, он смотрел туда, где бушевало пламя, и хрипло лаял.

Только Катька крепко спала. Ей снилось, будто она идет по улице большого города. И вдруг ее останавливает фашист. «Гитлер», — думает Катька и плюет ему в страшное лицо. Со всех сторон на нее набрасываются солдаты, связывают руки и ведут в тюрьму...

А новый день начался тревожно. Под конвоем немецких солдат по улице провели двоих парней. Гестаповцы допрашивали их в сельской управе. Крики и стоны огласили деревенскую улицу.

Потом наступил черед деда Силантия. За ним явился сам Корягин. Во время обыска он обнаружил в сундуке книгу Ленина.

— Почитываешь? — ехидно спросил Корягин.

— Читаю, — с достоинством ответил Силантий. — Можешь считать, что дочитался, —

Корягин с бешенством швырнул книгой в старика. Силантий поднял книгу, вытер приставшую к ней пыль.

— А ну, одевайся!

Силантий чинно, будто собирался в гости, надел полушубок шапку. Поклонился плачущей снохе:

— Прощай, Анна, не поминай лихом. Смотри за внучатами.

Сноха запричитала в голос.

По селу расклеили еще один приказ немецкого коменданта.

«Каждый, кто будет замечен в помощи партизанам, будет расстрелян», — предупреждал майор Штопф.

Ночью фашистские листки были сорваны, вместо них появились другие, на которых крупными буквами было написано: «Советские люди не боятся фашистских угроз. Смерть

предателям народа Казакову и Корягину!»

Петька не утерпел и нарисовал на одной из листовок виселицу, а рядом с ней сделал надпись: «Она ждет предателей».

в фашистском застенке

Казаков и Корягин надеялись, что аресты испугают подпольщиков. К тому же староста был уверен, что допрос арестованных в гестапо поможет раскрыть, кто же в селе связан с партизанами. Но когда на стенах управы вновь появились листовки, Казаков понял, что борьба с подпольщиками только начинается. У старосты уже накопилась целая коллекция листовок, а поймать еще никого не удалось.

Вскоре по селу разнеслась весть: умер дед Силантий, замученный гестаповцами. Потом в фашистской газетенке, издававшейся на русском языке появилось сообщение о расстреле комсомольцев, обвиненных в связях с партизанами.

Как-то Казаков, вернувшись из города, вызвал к себе Корягина.

— Что нового? — спросил полицай, плюхнувшись на черный диван. Пружины жалобно загудели.

Казаков завесил окна, поставил на стол бутылку самогона. Вел он себя на этот раз загадочно. Корягину показалось: Казаков кое-что пронюхал и важничает, чтобы набить цену.

Они молча выпили по первому стакану. Казаков жадно хватал жареные куски сала, громко хрустел солеными огурцами.

— Встретил нынче Самохина, — икнул полицай.

— От него толку, как от козла молока, — староста опрокинул в огромный рот очередной стакан. — Все жалуется, а сам, губошлеп, ничего не видит, не знает. Уж теперь одной веревочкой связан — так держался бы за нас.

Корягин сделал глубокую затыжку и, любуясь колечками синего дыма, усмехнулся:

— Самохин не такой уж простачок. Знаешь, что он придумал. Он подозревает, что листовки пишут школьники. Вот и взялся почерки сравнивать. Тетради берет и сличает буквы. Плохо только, что немцы почти все тетради пожгли. Но, может, все же ниточку и нашупает.

— Пускай изучает, ему делать нечего, — староста понизил голос. — А ты доглядывай за учительницей. Исчезнет куда — головой отвечаешь.

Теперь Корягин кое-что сообразил, но, не подавая вида, продолжал выпытывать.

— Может, зря это... Отца ее большевики посадили. И Манцев с ней, как жених...

— Ты мне антимонию не разводи, — пристукнул кулаком по столу Казаков. Малиновая лысина у него лоснилась от пота. — Сказано смотреть — и смотри. А Семен что? — Казаков перешел на гнусавый шепот. — За ним тоже надо поглядывать. А эту завтра цац-царап — и капут...

В село немцы прибыли на трех подводах. На четвертой ехали Корягин и Казаков.

Поставив двух часовых возле избы, где жила учительница, фашисты, грохоча прикладами и сапогами, ринулись в дом.

Катька услышала немецкую речь и оцепенела.

— Немцы!

Марию Степановну пронзила мысль: «Это за мной!». Думать о спасении уже было поздно.

«А может, еще обойдется?» — мелькнула слабая искорка надежды. Но в эту минуту дверь от резкого рывка распахнулась

и в комнату ввалились солдаты.

— Ага попалась, голубушка! — злорадно процеди сквозь зубы Корягин.

— Что вам от меня надо? — учительница говорил спокойно, и только слегка побледневшее лицо выдавало ее волнение. -

— Ишь ты, она не знает, — Корягин ударил учительницу прикладом. — А ну, собирайся!

Страшная боль... Потемнело в глазах... В ушах звон и далекий крик Катьки.

Мария Степановна упала.

Нет, нельзя падать перед врагом. Нельзя! Она, цепляясь за ножки стола, поднялась и стала одеваться. Руки не слушались, застревали в рукавах пальто.

— Выходи! — заорал Корягин и толкнул в спину. Шатаясь, учительница пошла к двери. Катька ее поддерживала. На улице гудела толпа. Мария Степановна выпрямилась окинула взглядом односельчан, потом повернулась к Катьке, хотела ей что-то сказать, но сильный удар свалил учительницу с ног. Катька бросилась к немцу, уцепилась за автомат.

— Не смейте! Не смейте, — зазвенел ее тонкий голос Маленькая и беззащитная, она повисла на автомате, пыталась вырвать его из рук дюжего фашиста. Немец резко рванул к себе оружие. Катька кувырком полете в сугроб. Прогремела сухая автоматная очередь...

Гневные крики и плач женщин огласили улицу. Фашисты повернули автоматы в сторону толпы. Люди попятились назад.

— Изверги! — учительница рванулась к девочке. Солдат ударил ее прикладом по голове. Мария Степановна потеряла сознание. Она не слышала иступленных рыданий Катькиной матери, не видела, как она целовала холодные щеки дочери...

Мария Степановна очнулась на мокром тюремном полу. Со стоном она открыла глаза. В лицо ударил яркий электрический свет. Гитлеровец наблюдал за узнице. Это он поливал ее ледяной водой, чтобы привести в знание. Увидев, что заключенная подает признаки жизни, немец удалился из камеры. И сразу стало темно, как в могиле. В голове стоял сплошной гул, тело ныло побоев.

Рядом раздался шорох: по ее ногам пробежала крыса.

Мария Степановна потеряла представление о времени. Ей казалось, что она здесь давно-давно.

Какие испытания, какие мучения ожидают ее?

Размышления прервал тяжелый топот за дверь. Снова луч фонарика заметался по камере.

— Встать! Выходи!

В слабо освещенном узком коридоре Мария Степановна увидела конвоиров. Их было двое: угрюмый гитлеровец и молодой полицай.

В закрытой машине ее повезли по темным улицам города.

Минут через пятнадцать конвоиры ввели Марию Степановну в здание, где размещалось гестапо.

Конвоиры остались за дверь, а Мария Степановна вошла в ярко освещенную комнату. Из-за стола поднялся худощавый фашистский офицер с усиками, чисто выбритый, подтянутый, в ладно пригнанном обмундировании. Указав на стул, он сказал по-русски: — Садитесь!

Умильно улыбаясь, он рассматривал учительницу.

— Вид у вас неважный, фройляйн Ушачева. Мы строго накажем солдат, допустивших по отношению к вам неправильное обращение. Кстати, это правда, что большевики посадили в тюрьму вашего отца? — Он говорил по-русски свободно, без акцента.

Мария Степановна молчала. Она понимала, что болтовня офицера — это лишь маскировка. Гестаповец сел рядом, закурил и продолжал беседу в том же наигранно-дружелюбном тоне.

— Мы вас, конечно, отпустим. От вас требуется лишь небольшая услуга. — Мария Степановна заметила, каким алчным стал взгляд фашиста. — Я понимаю, большевики запугали вас, заставили с ними сотрудничать. Но вам с ними не по пути. Сообщите нам явки, пароли, все, что знаете, и мы вас отпустим. И никто об этом не узнает. Слово немецкого офицера.

«Этого вы от меня не дождетесь», — подумала учительница, а вслух сказала:

— Меня арестовали по ошибке. Я ничего не знаю. Да и сами посудите: разве могут мне доверять, если мой отец арестован по подозрению в антисоветской деятельности?—

Сожалее, что вы не оценили, как следует, моё предложение. Очень сожалею.

Офицер рассматривал бумажки, стопкой лежавшие на столе.

— А это вам не знакомо? — Он протянул одну из них учительнице. — Эти листовки расклеивались в вашей деревне.

— Первый раз вижу.

— Не хотите признаваться? — офицер стоял рядом, раскачиваясь на носках, черные усики недовольно подергивались. Запах дорогих духов щекотал ей нос. — Тем хуже для вас, фройляйн. Даю на размышление ночь. Не передумаете — расстреляем.

И снова сырой каземат. Снова осталась Мария Степановна наедине со своими мыслями. Вспомнились слова Седова: «Работа подпольщика очень опасная. Фашисты беспощадно расправляются с ними...» Теперь ясно: будут пытки, будут издевательства. Надо выдержать, надо выстоять.

Крыса, затаившаяся на время, обнаглела и бесцеремонно шныряла по камере. Мария Степановна вспомнила о Кате. Неужели ее убили? Спазмы сжали горло. Зачем она бросилась к этому варвару? Зачем? Разве могла эта девочка что-нибудь изменить?..

Измученная горькими раздумьями, Мария Степановна еле дождалась утра. Уже совсем рассвело, когда в камеру вошел полицай. Он принес кусок хлеба и кружку жидкого кофе. В хлебе Мария Степановна неожиданно обнаружила записку, свернутую трубочкой. Текст был написан карандашом, и буквы различались с большим трудом.. «Держись. Принимаем меры к освобождению. Немцы знают немного. Предал Коровин. Записку уничтожь».

Коровин? Знакомая фамилия. Вспомнила, он жил по соседству с явочной квартирой в Красавкине. Мария Степановна разорвала записку на мелкие клочки, смешала мусором и высыпала в нору, откуда ночью вылезала крыса. От хлеба во рту оставался противный вкус, но желудок просил пищи, и пришлось, пересиливая отвращение есть этот суррогат, пить мутное пойло, заменявшее кофе.

И снова допрос. На этот раз офицер не был таким изысканно-любезным. На столе перед ним чернела резиновая дубинка. В комнате находились два здоровенных солдата.— Итак, я надеюсь, вы передумали? — гитлеровец заложил руки за спину, и не мигая, смотрел колючими глазами на Марию Степановну.

— Я ничего не знаю...

— Мы заставим тебя говорить! Мы будем тебя жечь огнем, если ты не признаешься!

Черные усики офицера запрыгали, губы перекосились. Он схватил дубинку со стола.

— Мы будем тебя пытать. Вот так! — фашист ударил ее дубинкой по голове. Раз, еще раз!..

Она не могла стоять. Ноги дрожали. С трудом держась за спинку стула, Мария Степановна с ненавистью смотрела на палачей.

«Только бы не упасть, только бы не упасть...»

— Может, теперь поумнела? Молчишь? О, мы найдем ключик к дамскому сердцу. Можешь мне поверить. Во эти молодцы умеют выполнять приказ, — указал он на солдат.

Марию Степановну били стальной проволокой, рвал ногти, бросали на обледенелый пол...

Гестаповец спокойно наблюдал за тем, как истязали учительницу.

Мария Степановна молчала, сжимая запекшиеся кровью губы. Ни крика, ни стона, и лишь глаза ее горели огнем ненависти и презрения к палачам.

В тот день, когда немцы забрали учительницу, Витька с Петькой ушли в лес за хворостом и ничего не знали о случившемся. Возвращаясь домой, они еще из дали заметили возле Катькиного дома толпу и поняли случилось что-то страшное. На улицу доносились громкие рыдания Катькиной матери.

— Убили мою доченьку. Убили красу ненаглядную! тягуче и тоскливо причитала тетя Люба. Ребята бросились в избу.

В полутемной комнате было полно народу. Тетя Люба сидела у изголовья дочери. Катька металась в жару, кусая пересохшие губы. Черные волосы рассыпались по подушке, широко раскрытые глаза невидяще блуждали.

Петькина бабушка то и дело поправляла стеганое одеяло, сползавшее с девочки. Витькина мать с красными от слез глазами успокаивала тетю Любу.

У Витьки защипало глаза. В горле застрял комок. Голоса вдруг затихли. Петька дернул его за рукав: «Доктор, доктор!». Витька увидел, как по комнате торопливо бочком пробирался сквозь толпу женщин человек в черной ушанке, в очках, с небольшим чемоданчиком. За ним

следовал Николай Павликов, известный в деревне, как лихой гармонист.

Доктор попросил всех выйти на улицу. Остались только Николай и тетя Люба.

Витька нехотя поплелся вслед за всеми. В сенях Петька сказал:

— Это, знаешь, кто? Это знаменитый доктор из Вишневской больницы. За ним Николай ходил.

Витька думал: пусть бы он был не знаменитым, но только бы спас Катьку, только бы ей помог.

Минут через двадцать на крыльце появился Николай. Не говоря ни слова, он стал закуривать.

— Выживет? — бросились к нему Витька и Петька.

— Она потеряла много крови, — Николай сделал подряд несколько глубоких затяжек. —

Доктор говорит, что надо бы сделать переливание крови.

И он снова возвратился в избу.

Понемногу народ стал расходиться. Наконец они остались вдвоем. Потом вышел Николай позвал их в избу. Катька тяжело стонала. Димка прижался к тете Любе. Доктор хмурился и молчал. Он не решался сказать матери горькую правду.

С каждым часом Катьке становилось все хуже. Она бредила, срывала с себя бинты. Доктор уже видел признаки неумолимо приближающейся смерти. Он отослал ребят домой.

Катьку похоронили на деревенском кладбище. Петька стоял у могилы, и из глаз его катились слезы. А Витька не плакал на похоронах. Но невыразимая тоска сжимала сердце. Он выплакал свои слезы в тот день, когда Корягин уничтожил галстук. Только на лбу у Витьки залегла еще одна морщинка, и сердцем своим он дал Катьке клятву: «Отомстим!».—

Отомстим! — глухо отозвался Петька.

На другой день ребят вызвал староста. Казаков задавал вопросы, а нахохлившийся, как сыч, Корягин сидел рядом. Перед ним лежал наган, сверкая воронено сталью.

Староста спрашивал, часто ли они бывали у учительницы, о чем она с ними говорила, не давала ли каких поручений.

Витька быстро смекнул, куда клонит Казаков и отвечал на его вопросы с видимой охотой. Да, ходил к Марии Степановне, брали у нее книжки читать.

— А сказочки она вам рассказывала? — усмехнулся уголками губ Корягин.

— Ага, и сказки. Мария Степановна много их знает, с прилежной откровенностью фантазировал Витька.

— Интересные сказки, — вставил Петька. Он с явным удовольствием слушал, как сочиняет Витька.

— Ты вот что, — рявкнул староста, багровея от злости, и встал грузный, пиджак запачкан мукой. Растучневший Казаков был похож на туго набитый мешок. — Ты мне не заливай. Я тебя, сукинова сына, насквозь вижу Правду говори, а то штаны спушу и такую баню устрою.

— Я и говорю правду, — Витька бесхитростным взглядом окинул старосту и полицая.

Корягин ленивой походкой подошел к двери и накинул крючок. Растопырив ноги, мутными глазами скользнул по ребятам.

Он достал из-под стола толстую плетку, которую ему подарили в немецкой комендатуре.

— А ну, скидывайте пиджаки!

Ребята стояли неподвижно. Тогда Корягин сорвал с них одежду.

Староста и полицай били ребят безжалостно, с остервенением. Казаков хлестал их плеткой по спине, а полицай пустил в ход кулаки. Данила Хромой, услышав вопли ребят, позвал Витькину мать. Она прибежала к управе и начала барабанить в дверь.

Корягин вытолкнул ребят на улицу, а староста пригрозил:

— Смотри за своим щенком, а то мы его отправим куда следует.

— Да что вы к детям-то прицепились?— Иди, иди, а то и тебе заодно всыплем! — крикнул Корягин.

С того дня, как только Витька собирался куда-нибудь, мать умоляла:

— Витя, пожалей ты меня. Не лезь, куда не следует.

— Ладно, мама, — обещал он.

Лицо матери покрылось сеткой морщин, волосы стали седеть.

Больно было смотреть Витьке на мать. Но если все будут отсиживаться по домам, кто же будет бороться? Кто отомстит за Марию Степановну, за Катьку?..

Склонившись над столом, Витька обдумывал текст листовки.

Петька тоже напряженно морщил лоб, щуря по привычке левый глаз.

— Вот слушай: «Фашистские прихвостни, Казаков и Корягин! Народ отомстит вам. Вас ждет...»

— Смерть, — подсказал Петька.

— Виселица, — уточнил Витька. — А? Подойдет? — Виселица, — Витый подчеркнул это слово жирной чертой.

— И надо подписать, — заметил Петька.

— Как? — Витька задумался и вывел: «ППЗ».

— А что это?

— Подпольное пионерское звено.

— Здорово! — Петька сдвинул шапку на затылок. — Вот это придумал!

— Не кричи. Давай вот переписывай. Нужно побольше листовок расклеить.

— Эх на машинке бы отпечатать, — заметил Петька. — Была в школе. Куда она делась?

— Опять раз мечтался, — отмахнулся Витька. — Давай-ка за дело берись...

Петька поморщил в раздумье лоб и, похмыкивая, начал рисовать. На листовке он изобразил ветряк, а на его крыле повесил Казакова. К ногам старосты был привязан мешок с мукой.

Витька одобрил замысел приятеля:

— Здорово!

Казаков утром обнаружил эту листовку на двери своего дома.

— Ну, обождите, — прохрипел он. — За это вы попла-титесь!

ПАРИКМАХЕР

Николай Павликов жил на Заречной стороне. Он был старше Витьки на четыре года. В селе Павлико-вы были известны как потомственные гармонисты.

Николай уже с пятого класса играл на всех школьных вечерах.

А совсем недавно Павликов поразил односельчан тем, что открыл дома парикмахерскую.

Люди в недоумении только руками разводили: молодой, а до чего додумался. Витька слышал, что к новоявленному парикмахеру ходят бриться даже Казаков и Корягин.

Об этом вспоминал Витька, шагая на окраину села. Николай пригласил его к себе, а зачем, утаил.

Витька недоверчиво встретил это приглашение, но любопытство взяло верх.

Мартовское солнце плавало снег, превращая его в кашу. С крыш почти до земли повисли серебряными пиками сосульки. Витька полной грудью вдыхал густой весенний воздух.

Павликов, посвистывая, мастерил скворечник. Витька принялся ему помогать. Дело знакомое. Домиков для пернатых гостей он понастроил много. Николай с удивлением наблюдал, как сноровисто орудовал Витька рубанком.

— А ты, брат, оказывается, мастак по этому делу, — похвалил его Николай.

— Отец научил.

— Да, отец твой был столяр на всю округу. — Николай мотнул кудрявой головой, прищурил левый глаз и начал меткими ударами вколачивать гвозди.

Витьке не давала покоя мысль: неужели Павликов пригласил его затем, чтобы заниматься сооружением скворечников? На столе он заметил машинку для стрижки волос, бритвенный футляр, ножницы и мысленно усмехнулся: «Парикмахер!».

Николай убрал инструмент, подмел стружки.

Закончив уборку, пригладил взлохмаченные вихры и сказал, не глядя на Витьку:

— А здорово вы придумали — «ППЗ»...

— Почему мы? — резко возразил Витька, а сам подумал: «Влипли!.. К нему Казаков и

Корягин таскаются» Николай захохотал.

— Молодец, Витя, соблюдай конспирацию. — И уже серьезным тоном продолжал: — Ладно. Давай о деле говорить. Наверно, ты догадался, что я тебя пригласил не затем, чтобы скворечники мастерить?

Витька неопределенно хмыкнул.

— Давай вместе продолжать дело, начатое Марией Степановной. Я вижу, ты мне не веришь. Ну, ладно, смотри.

Николай подошел к табуретке, на которой лежала гармошка. Ловким движением Николай открыл черную крышку басов и вытащил из-под нее несколько бумажек.

— Листовки! — изумился Витька.

— Ну вот, видишь? Читай-ка.

Витька взял в руки листовку. Она призывала советских людей прятать от оккупантов скот, продовольствие, скрываться от угона в немецкое рабство. «Беспощадно расправляйтесь с предателями народа — старостами и полицией!»

Витька поднял голову, глаза его возбужденно горели:

— И мы такую же написали.

— Читал. А что такое «ППЗ»?

— Подпольное пионерское звено.

— Ого! Это кто же в нем состоит, если не секрет?

— Я, Петька... Катька, — и грустно добавил: — Была... Еще Ваня Шубин, Колька Сапожков...

Витька нагнул голову, замолчал.

— Успокойся. С предателями будет произведен расчет, — сказал Николай. — Видишь, как они дрожат за свою шкуру.

Об этом Витька знал. Староста на ночь стал уезжать в волость, а Самохин и вовсе перебрался на жительство в город.

Когда он уезжал, Полкан провожал хозяина до околицы. Самохин звал его, но пес не захотел идти с ним. Днем Полкан шнырял по деревне, а ночами сидел возле опустевшей хаты и выл. Его застрелил Корягин.

— Знаешь что, — решил поделиться своими планами Витька. — Вот как подсохнет, мы с Петькой уйдем к партизанам. К Седову.

— А разве здесь делать нечего?

— Здесь не то. Там мне автомат или пистолет дадут.

— Ну для этого ты еще мал. Проводить работу надо здесь. Знаешь, как обрадовались тем медикаментам? Седов так и сказал: передай ребятам партизанское спасибо.

Получить от партизан благодарность — как мечтал об этом Витька! Теперь и в глухих лесных дебрях знают о нем с Петькой. Наверное, раненые партизаны вспоминают добрым словом своих спасителей. А что с Марией Степановной?

— Николай, — голос у Витьки дрогнул, — ты слышал что-нибудь о Марии Степановне? Николай нахмурился. Он не сразу нашелся, что ответить, колебался. Сказать ли Витьке правду или промолчать? Нет, нельзя скрывать от него. Николай взглянул в чистые, как родник, голубые глаза мальчишки.

— Ты должен все понимать... — Николай сжал худенькое Витькино плечо. — Ты должен быть мужественным, Витя.

— Ее убили? — нервно облизнул сухие губы побледнели

— Марию Степановну долго пытали, — голос Николая прервался от волнения, говорил он сбивчиво. — Наши пытались организовать побег. Когда ее повели на расстрел, они напали на охрану. Но к немцам подоспела подмога, и они тут же расстреляли своих пленников. В бою и Семен Манцев, наверно, погиб. Что с ним — неизвестно.

Ошеломленный трагическим известием, Витька сидел, беспомощно опустив голову.

Последние слова Николая, доходили до его сознания издали, как будто голос проникал сквозь толстую ватную подушку. Николай тронул его за плечо.

— Вот почитай. Это от Марии Степановны.

Витька протянул вялую руку. Знакомый аккуратный почерк. Небольшой лоскут голубой бумаги, уже потертый на сгибах «Дорогие друзья! Не знаю, удастся ли мне вырваться на свободу. Может быть, я больше с вами не увижусь. Знайте, что враги никогда не смогут сломить мою волю.

Прощайте друзья!»

— Давно это было? — прошептал Витька.

— На прошлой неделе, — Николай бережно свернул записку. Глубокая складка прорезала его крутой лоб, губы сурово сжались.

- Не верится мне, что погибла Мария Степановна,—

Витька с горечью промолвил Витька.— Как же теперь быть?

— Нет, Витя, это правда. Мы должны отомстить за ее смерть.

— Я уйду в партизаны, — возбужденно заговорил Витька. — Уйду! — повторил он упрямо.

— Не горячись, — Николай присел рядом, обнял мальчишку. — Слышал, немцы угоняют молодежь на каторгу в Германию? Они и до нашего села скоро доберутся.

— Что же делать?

— Будем молодежь призывать, чтобы скрывалась от фашистов. Вот тут и поможет твое подпольное пионерское звено. Только, Витя, обо всем советуйся со мной. Запомни: бой продолжается.

— Николай, а это что? — Витька показал на бритвенные принадлежности.— Парикмахером стал?

Павликов криво усмехнулся.

— Видишь, Витя. Враг хитер и коварен. Поэтому и нам надо быть начеку. Это я от старосты узнал, что немцы парикмахерские открывают. Он ко мне заходит, чтобы я ему играл его любимую: «Позабыт, позаброшен»... Вот и решил я заделаться парикмахером, чтобы лучше фашистов брить и стричь под нулевку. Казаков помог мне патент выхлопотать, пропуск. Теперь я свободно могу ходить в город. Да и в Германию меня не возьмут: староста защищает, ему бороду стригу. Понял?

Витька выдохнул восхищенно:

— Ну ж ты и хитер...

— Неволья велит горбатого любить,— ответил Павликов. — Пошли на улицу. Видишь, там весна.

Он подхватил одной рукой скворечник, а другой потянул за собой Витьку. Они вышли на улицу, залитую ярким солнечным светом.

Над широкими полями клубился пар. Огромными черными пятнами темнели проталины. В ветвях деревьев призывно гудел южный ветер.

— Ух, какая теплынь! — воскликнул Павликов. Он распахнул пальто, широко расставил ноги и полной грудью вдыхал весенний воздух.

— Скворцы вот-вот прилетят,— сказал Витька.

— Да - согласился Николай.— Сейчас мы с тобой подготовим гостям квартирку. Пусть живут.

Павликов приставил к березе лестницу и, насвистывая, полез на дерево.

КРОТЫ ЗАРЫВАЮТСЯ В ЗЕМЛЮ

Июнь выдался на редкость жарким. с утра солнце

начинало так нещадно палить, что даже в тени было спасенья. Ни ветерка, ни тучки. Витька соорудил в саду шалаш и пропадал в нем днями и ночами. Земляной пол Витька застлал сеном. От него шел крепко настенный запах луговых цветов и трав.

Витька рассеянно слушал пчелиный гул. Вот и лето долгожданное наступило. Буйно разрослась трава на Катиной могиле. Витька посадил вокруг нее ромашки. Но не видит теперь Катя, как цветет природа, не слышит пения птиц. И нет уже Марии Степановны...

Правда одни предателем стало меньше. Корягина недавно подстерегли подпольщики, и меткая пуля догнала полицая. Теперь очередь была за Коровиным, выдавшим Марию Степановну.

Коровин стал очень осторожным. Партизаны пытались его поймать, но он ускользал. Несомненно, у него был какой-то тайник, где он отсиживался. В Красавкине по доносу Коровина арестовали всех коммунистов и комсомольцев. Новые связи еще пока не были налажены, а предатель оставался на свободе! Витьке поручили следить за домом Коровина, чтобы выяснить, где его тайное убежище.

...В Красавкине у Витьки была дальняя родственница матери, тетка Федосья, жившая по соседству с Коровиным. В один из летних дней Витька заявился к ней в гости. Федосья обрадовалась, долго мучила его расспросами о многочисленных знакомых. Витька терпеливо вынес эту пытку, а вечером попросился спать в копне свежего сена около сарая. Федосья не возражала. Еще днем он облюбовал себе засаду — в густой и высокой конопле. Посевы подходили почти к самому двору Коровина.

Витька опустил на теплую, пыльную землю. Полная луна потихоньку ползла в черном небе. Росистой свежестью дышал сонный простор. Пряный запах конопли опьянял, клонил ко сну. Вокруг стояла такая тишина, что казалось, будто не в сарайчике, а рядом тяжело вздыхает корова, похрюкивают поросята. С посвистом крыльев низко над головой пролетела ночная птица.

«А вдруг он прячется здесь, в конопле?» — с опаской оглянулся Витька. От этой мысли ему сделалось жарко. Если Коровин застанет чужого мальчишку, затаившегося Рядом с домом, то заподозрит неладное. Витька, прислушиваясь к ночным шорохам, напряженно вглядывался в темноту. Понемногу он успокоился. Но тут появилась новая опасность. Веки тяжелели, слипались. Витька протирал глаза, встряхивал головой. И все-таки дремота не исчезала. Сейчас бы встать да пробежаться или хотя бы пройтись. Но этого сделать нельзя. Как только Витька ослаблял внимание, голова тяжело никла к земле.

Ночное бдение кончилось безрезультатно. Когда начато белеть небо, Витька, продрогший, мокрый от росы, пробрался к стогу и сразу уснул. Солнце высушило Витькину одежду. Федосья раза два подходила к нему. Мальчишка крепко спал. Она не стала его будить. Витька проснулся от того, что огненно-рыжий петух взлетел на копну и заорал во все горло почти над самым ухом. Витька открыл сонные глаза и повернулся на другой бок. Петух захлопал крыльями и испуганно шарахнулся в сторону.

Спать больше не хотелось. Позавтракав, Витька снова взобрался на стог. Отсюда, как с вышки, можно было наблюдать за домом Коровина. Лежа на животе, Витька внимательно осматривал постройки.

Дом Коровина выглядел внушительно, он был похож за старинную крепость. Амбар и сарай сделаны словно на века, из добротного леса. Крыша, хотя и соломенная, но подрезана аккуратно, как по линейке. Словом, во всем чувствовалась крепкая рука хозяина. Коровин в годы нэпа начал быстро подниматься в гору и все же до кулака дорасти не успел, попал в разряд середняков. В колхоз вступил без особой охоты.

Витька уже намеревался покинуть свой наблюдательный пункт, как его внимание привлекла жена Коровина, низенькая, с круглым лицом. Она взяла в руки вилы и, воровато оглядевшись вокруг, подошла к навозной куче, лежавшей между амбаром и сараем. Еще раз бросив быстрый взгляд по сторонам, она воткнула вилы в навоз. Витьке показалось странным ее поведение, и он стал пристально следить за ее действиями. Сильным рывком сдвинула она в сторону навозную кучу и опустилась на колени. Не успел Витька моргнуть глазом, как женщина исчезла. «Что за чертовщина?» — поразился он. И в то же время сердце его затрепыхалось от радостной догадки: под кучей — тайник! Минут через пять из ямы вылетел тулуп, следом вылезла Коровина. Она прикрыла отверстие досками, забросала сверху навозом, захватила тулуп и ушла.

Теперь Витьке нужно было окончательно уточнить свое предположение. Ведь могло статься, что этот тайник окажется всего лишь обычной ямой, где Коровин прячет своё добро.

Хорошенько замаскировавшись в сене, Витька еле дождался ночи.

И вот над черными избами переспелой дыней повисла луна. Тихо. Заснуло село. Далеко над горизонтом взлетела красная ракета и быстро погасла. С полей струил нежный запах цветущего картофеля.

В доме Коровина стукнула дверь, послышались тяжёлые шаги. Витька затаил дыхание. От сарая отделила мужская фигура. Вот Коровин остановился, нагнул осторожно отодвинул вилами навоз и скользнул вниз. Через минуту пришла его жена, снова закидала лаз навозом и ушла. Витька покинул свое укрытие. «Хоть хитер ты, Коровин, в землю, как крот, зарылся, но от расплаты теперь не уйдешь».

Через неделю партизаны нагрянули в деревню. На этот раз Коровину не удалось скрыться. Партизаны вытащили из ямы трясущегося от страха предателя.

Листовки по-прежнему появлялись в селе, народ уклонялся от выплаты немецких налогов, молодежь пряталась, чтобы не попасть на фашистскую каторгу. Староста Казаков лютовал. С помощью полицаев он все-таки отправил из села двух девушек в Германию.

ПОГОНЯ

Витька кусал травинку, погружившись в воспоминания. Подложив под кудлатую голову руку, ряд вытянулся Петька. Он сквозь узкую щель в стенке шалаша наблюдал за тем, что творится на улице. Анна, похоронив деда Силантия, кое-как перебивалась с детишками. Вот она сидит пригорюнившись на завалинке и бездумно тербит черный выгоревший платок, из-под ко-орого выбились совершенно белые пряди. Из разбитого окна выпрыгнул серый кот, сел рядом с хозяйкой и зажмурил желтые глаза. Петька вздохнул — стало жалко одиноко сидящую тетку Анну.

Витька глядел в бездонное небо. По чистому, словно вымытому перед праздником, куполу кое-где маленькими островками были разбросаны барашки облаков. Точно таким же ясным, солнечным был тот майский день...

Началось с того, что Витька в канун праздника 1 Мая решил сделать звезду. Он сбил каркас, но так как красного ситца не было, заменил его фанерой. Затем звезду он покрасил суриком, что сохранился в банке. Ночью вдвоем с Петькой они водрузили звезду на школе. Петька предложил от звезды под крышу протянуть проволоку. Да еще вдобавок прикрепил записку с надписью: «Заминировано». Корягин и Казаков утром ринулись было к звезде, чтобы убрать крамолу, но, увидев записку, умерили свой пыл и стали гадать, как быть. Целый день звезда алела над школой, вызывая восхищение у людей. Только к вечеру приехал из волости полицейский-минер. Он снял звезду с крыши и к великому конфузу Казакова сообщил что никакой мины нет.

— Побежим искупаемся, — предложил Петька.

— Ладно! — отозвался Витька.

Песчанка у карьера течет лениво, не спеша. Кажется, будто вода здесь совсем неподвижна. Витька на бегу снял рубашку, мигом сбросил штаны и ухнулся в воду. Брызги золотым веером рассыпались по сонной глади.

— Хорошо! — Петька вынырнул рядом, фыркая от удовольствия. — Поплыли наперегонки?

Витька плыл саженками, как заправский пловец. Над водой мелькала его рыжая голова, бронзовые от загара плечи. Петька напрягал все силы, захваченный азартом борьбы. Витька обгонял. Нет, Петька этого не допустит. Раз, раз! Еще поднажмем...» Петька схватил товарища ногу. Витька обернулся:

— Не балуй!

Вдруг он услышал свист и увидел на берегу Николая Павликова. Тот размахивал руками и что-то кричал.

— Николай зовет, — Витька поплыл к берегу. За ним повернул и Петька.

Павликов сидел на берегу и бросал камешки в воду. — Одевайтесь, дело срочное есть, — сказал Николай. Ребята начали натягивать свою одежку.

— Какое дело? — спросил Витька, с трудом просовывая мокрую руку в узкий рукав.

— Ты дорогу к Зеленой сторожке знаешь? — спросил Николай.

— Знаю, — Витька пригладил рукой мокрые волосы.

— Есть очень серьезное задание. И его надо выполнить во что бы то ни стало. Понимаете? Любой ценой.

— Мы сделаем, не сомневайся, — Витька боялся, что Николай вдруг передумает. — Правда, Петь?

Петька вскинул голову:

— Я готов хоть сейчас.

— Именно сейчас, — подтвердил Павликов. — Завтра в наше село придут каратели. Они хотят облаву на молодежь устроить, чтобы в Германию отправить. Надо] будет предупредить об этом партизан. Если они не успеют, то фашисты и полиция расправятся с нашими людьми ми. Захватите с собой веревки, топор — вроде за дровами идете. Если в сторожке никого не застанете, то подождите. ждите. Лесника зовут Тимофей Сидорович. Скажете, что пришли от Федора. И все ему сообщите. А он знает, что предпринять. Ну, счастливо, хлопцы.

Зеленая сторожка была хорошо известна окрестным жителям. Там располагалось лесничество. Понадобилось выписать дров или купить сена — дорога неизменно приводила к Зеленой сторожке.

Витька тоже бывал здесь. Первый раз он приезжал сюда с отцом года два назад. Отец выписывал лес для строительства нового зерносклада. Вместе с лесником, молчаливым и угрюмым, как бирюк, они осматривали делянку. Отец по дороге рассказывал Витьке о том, как живут деревья, почему дрожит осина где прячется барсук. Домой они приносили с собой крепкий запах хвои и лесного разнотравья.

Иногда Витька отправлялся в бор с колхозными подводами, возившими длинные бревна. Отец поручал кому-нибудь, чаще всего деду Силантию, присмотреть за «постреленком». Ездить с Силантием было одно удовольствие. От него Витька узнал, что в лесу в гражданскую войну скрывались партизаны и оттуда совершали налеты на денкинецев. А до чего замечательно было, возвращаясь домой, торжественно восседать на возу. Ребятиш-ки с завистью глядели на счастливого, бежали следом за подвоей, норовя прокатиться на бревне.

А Петька думал о другом. Он наблюдал за бежавшим рядом Пиратом и тужил, что в последнее время запустил дрессировки. «Надо всерьез им заняться, — думал Петька. — Выбить из него дурь».

Пират скрывался в густой придорожной траве, а потом неожиданно выскакивал и с веселым лаем носился вокруг ребят.

— Пират! — грозно окликал его Петька. Пес замолкал, прилежно нюхал дорогу, крутил головой, будто старался оправдаться перед ребятами.

— До сторожки уже недалеко, — сказал Витька.

— Километра три будет, — заметил отдуваясь Петька. — Жарища — все в горле пересохло. Над полем зыбилося мутное марево. Белесая пелена затянула горизонт. Неутомимые жаворонки и те, потренихав крыльями, камнем, будто от солнечного удара, падали на горячую землю. По лицу Петьки текли ручейки пота. Он вытирался рукавом, но пот выступал еще обильнее.

Они подошли к лощине. Когда-то здесь росли могучие дубы. Теперь от столетних великанов остались лишь неохватные пни. У самой дороги уцелел всего один-единственный дуб с развесистой кроной, толстый, как африканский баобаб.

Возле этого дуба обычно отдыхали все, кто шел мимо. Люди, застигнутые дождем, укрывались под его густой листвой.

Пират обежал вокруг великана и остановился, заискивающе поглядывая на своих спутников.

— Давай минутку передохнем, — предложил Витька. У него першило в горле, хотелось пить. Петька повалился на землю и блаженно вытянулся, закрыв от удовольствия глаза.

Витька сел и обхватил руками колени. Пират, высунув язык, быстро-быстро дышал, словно

ему не хватало воздуха. «Ведь нам надо спешить, — кольнуло у Витьки в груди. — А мы разлеживаемся».

— Пошли, — сказал он, вставая.

— Уже? — открыл Петька глаза. — Несознательный у нас командир, — пожаловался он Пирату. — Не дал отдохнуть.

Они пересекли лощину, поднялись на бугор и увидели в полукилометре сосновый лес. Обрадованный Пират длинными прыжками обогнал ребят. Вдруг он остановился и громко залаял. Прямо к ним скакали, поднимая облака пыли, три всадника.

«Немцы, — мелькнула у Витьки тревожная мысль. — Быстрее в лес!»

Петька тоже заметил мчавшихся во весь дух фашистов. Ребята побежали изо всех сил, а ноги, как назло, подкашивались, не хотели слушаться. Еще двадцать, пятнадцать, десять метров, и бор укроет их от преследователей. Пять метров, три, два... Немцы открыли стрельбу по беглецам. Над головами ребят запели свинцовые шмели. Вот и спасительный лес...

— Ой, — вскрикнул Петька и привалился к сосне. — Ой! — стонал он, обеими руками держась за левую ногу ниже колена. Сквозь пальцы сочилась кровь. Витька тревожно оглянулся назад.

Надо уходить, уходить дальше в лес. Эти мысли, как молния, пронеслись в мозгу. Витька одним движением сорвал с себя рубашку.

— Ногу! — скомандовал он. Петька обмяк, стона послушно вытянул ногу. — Убери руки!

Витька обмотал рубашкой рану и завязал крепким узлом. Совсем рядом слышался топот, крики фашистов. Витька опустился на корточки и подставил другу спину.

— Залезай, — прошептал он. Петька, стиснув зубы, замотал головой.

— Залезай! — гневно приказал Витька. Петька обхватил его за шею.

— Держись за плечи, а то мне дышать трудно. Витька, цепляясь за ствол сосны, тяжело оторвался

от земли. Пират трусил рядом, испуганно оглядывался.

Продираться сквозь густой молодой сосняк да еще -ношей на спине было тяжело. Витька старался идти между рядами посадок. Длинные ветви больно хлестали по лицу.

Стрельба внезапно стихла. Витька остановился. На верно, немцы побоялись сунуться в лес. «Спаслись!» — вспыхнула в мозгу слабенькая, готовая тут же погаснуть, радость.

У Витьки занемели руки. Он опустил друга на землю. Петька, бледный, как полотно, морщился от боли и приглушенно стонал. Пират печально моргал глазами. — Ты иди один, а я тут посижу, — с трудом выговорил Петька. — Глаза его болезненно блестели.

— Не выдумывай, — ответил Витька, осматривая раненую ногу товарища. Кровь густо выступила сквозь повязку.

— Беги, Витька, а то опоздаешь.

— А если тебя найдут немцы?

— Не найдут.

Оставить в лесу друга? Витька задумался. Где же выход? Нести Петьку до Зеленой сторожки он бы смог, но это займет много времени, а Николай строго наказывал, как можно быстрее передать партизанам о карательной экспедиции.

— Да не тяни ты, — глухо простонал Петька. — Я подожду здесь.

Витька решился:

— Петя, ты не обижайся...

— Иди ты скорее.

— Ладно. Я мигом.

Пират вскочил с земли, побежал вслед за Витькой, -но, увидев, что Петька лежит неподвижно, остановился.

— Оставайся с ним, Пират. Охраняй. А я мигом. Витька выбрался на дорогу. Вокруг никого не было и

он припустил что есть духу к Зеленой сторожке.

Не успел он пробежать и двухсот метров, как раздался резкий окрик:

— Стой!

Из-за высокой толстой сосны вышел человек с автоматом. Он был обут в кирзовые сапоги, выгоревшая гимнастерка перетянута широким кожаным ремнем. Темно-синие галифе щеголевато пузырились. Лишь черная гражданская кепка не гармонировала с военной одеждой этого человека.

«Неужели партизаны? — Витька разглядывал приближавшегося к нему автоматчика.

— Куда бежишь? — спросил тот, хмуря черные брови.

— Я пришел за дровами, — решил увильнуть от прямого ответа Витька.

— Гм, — усмехнулся автоматчик и подозрительно осмотрел задержанного. — А где же топор?

— Там... Нас немцы чуть не подстрелили, — вырвалось у Витьки. — Кого это нас?

— Нас с Петькой...

Из-за сосен вышли еще двое. Один — высокий, длинноногий человек с портупеей через плечо и наганом на боку. Он — ну просто Гулливер — делал такие огромные шаги, что шедший с ним парнишка, почти бежал, чтобы не отстать.

— Кто такой? — начальственным тоном спросил длинный у автоматчика.

— Говорит, что за дровами пришел.

— Витька! — закричал вдруг парнишка, бросаясь к нему. — Товарищи, да это же Витька. Он из Лопахина.

Витька узнал Мишку.

Познакомился он с ним зимой, когда по поручению Марии Степановны ходил в Красавкино за листовками. По доносу Коровина Мишкину мать фашисты расстреляли за связь с партизанами. Говорили, что после этого Мишка пропал. Оказывается, он ушел в лес.

Автоматчик медленно двинулся по дороге.

— Это кто? — спросил Витька, кивнув в сторону Гулливера.

— Это Рыбаков, старший группы.

— Мне с ним надо поговорить.

— А чего же ты? Давай!

Когда Витька закончил рассказ, Рыбаков окликнул автоматчика:

— Сироткин! Скачи в отряд. Передай, что завтра в Лопахино собираются пожаловать каратели.

— Есть! — козырнул Сироткин.

— Поезжай! Да еще по пути скажи Нефедову, чтобы подослал сюда подводу. Парнишку раненого забрать. Все!

Сироткин щелкнул каблуками, круто повернулся и избежал в сосняк, где стояли партизанские кони. Рыбаков обратился к Витьке:

— Веди к своему раненому. Дорогу-то не забыл?

— А я отметки делал, когда шел. Веточки надламывал.

— Молодец, находчивый.

— Похвалил тебя Рыбаков, — шептал Мишка, шмыгая конопатым носом. — Он зря никогда не похвалит. А сам смелый, немецкий эшелон на прошлой неделе взорвал. — Мишка! — окликнул Рыбаков. — Ты что там шепчешь?

— Да это я так.

— Смотри. Знаю я тебя, — снисходительно-добродушно предупредил Рыбаков.

Витька шел впереди, за ним следовал неотступно Мишка. Замыкал колонну высокий Рыбаков. Порою они останавливались: Витька не сразу отыскивал дорогу в сосняке.

Пахло перепревшей хвоей, старыми маслятами. Под сапогами Рыбакова потрескивали сухие ветки. Куковала кукушка, кому-то отсчитывала года...

КРАСНАЯ РАКЕТА

В центре Лопахина, на пригорке, стояла каменная церковь с полуразрушенным облупившимся куполом. Мишка с Витькой залезли на колокольню, засыпанную битым кирпичом. Отсюда, с высоты, хорошо просматривалась окрестность. Мишка огляделся вокруг и солидно заключил:

— Хороший наблюдательный пункт. Все видно, как на ладони.

Витька был у Мишки помощником. Они должны были следить, чтобы каратели не атаковали внезапно деревню. Командование отряда опасалось, что противник, натолкнувшись на засаду, попытается ударить во фланг, с западной стороны.

Солнце поднималось все выше. Кирпичи еще не нагрелись, и от них тянуло прохладой и утренней сыростью. Над Песчанкой и в низинах плавали розоватые клочья тумана. А вон и лесок, где укрылась партизанская засада. Кажется, что он совсем близко. Там сейчас и Семен Манцев. Витька видел его вчера в лесу, когда Петьку отправляли в партизанский госпиталь. Оказывается, Семен был ранен в перестрелке при попытке освободить Марию Степановну. Он скрывался у городских подпольщиков, а потом пришел в отряд. Но Витьке не удалось тогда поговорить с Семеном, тот куда-то спешил: «Мы еще с тобой потолкуем», — пообещал Семен. «Может, немцы и не придут», — подумал Витька.

А возле школы располагался партизанский резерв. Там находился и Витькин знакомый — знаменитый подрывник Рыбаков.

— Эх, мне бы сейчас, понимаешь, бинокль, — мечтательно проговорил Мишка. — Другое б дело...

— Конечно, — согласился Витька. — Попроси у командира...

— Где уж там, — выдавил Мишка. — У нас в отряде всего два бинокля — у командира да у начальника разведки...

— А почему тебе не дают автомат? — поинтересовался Витька.

Вопрос задел Мишкино самолюбие. Он уже не раз просил, чтобы ему дали какое-нибудь оружие, но с оружием в отряде было туговато.

Мишка взъерошил волосы и, не оборачиваясь, ответил:

— Скоро дадут. Вот увидишь, — и добавил: — Я без оружия задания выполняю. Недавно в разведку на станцию ходил. Там немцев видимо-невидимо. Эшелоны с танками, пушками. А потом наши, как ударили по станции...

— Тра-та-та-та! — прорезал тишину пулеметный клекот.

— Так-так-так! выстрелы.

— Трр-тр-р-трр томаты.

Над лесочком взвился султан черного дыма, и сколько секунд спустя там раздался глухой взрыв.

Мишка, до этого сидевший на корточках, вдруг лег живот и стал выглядывать из-за каменной стены. Витька растянулся рядом. Бой разгорался, стрельба теперь уже сливалась в сплошной треск, только временами прерываемый глухими разрывами. В белесой пелене тумана тускло вспыхивали огоньки. — Смотри, ракета! — закричал Мишка.

— Красная! — отозвался Витька.

Мишка смекнул, что каратели двинулись в обход. Вон и пыль клубится. Это движутся бронетранспортеры, а может, и танки. Надо действовать немедленно. Мишка вскочил.

не— Жмем к школе!

Он кубарем скатился по крутым ступеням. Витька старался не отставать.

— Быстрей, быстрей! — молоточком стучало в ушах. До школы было метров триста. Мишка делал огромные прыжки. Хорошо, что дорога шла под уклон и бежать было легко. У крыльца стояла большая группа партизан, среди них выделялась высокая фигура Рыбакова. Немцы заходят справа, — выпалил одним духом Мишка, подбежав к Рыбакову.

Ага. Все ясно, — спокойно ответил он и сдвинул черные брови. — Придется взрывать мост. — За мной, товарищи! — прозвучала команда.

Невысокий партизан с длинными усами, как у запорожца, вскинул автомат на изготовку и побежал. Бойцы, кто с автоматом, кто с винтовкой, кинулись вслед за ним.

Рыбаков подхватил мешок, набитый какими-то угловатыми предметами и, все убыстряя шаг, двинулся туда, куда побежали партизаны. Мишка бросился за ним.

— А я? Что делать мне? — крикнул вдогонку Витька. Мишка махнул рукой. Сейчас, мол, не до тебя, видишь, какие события.

Несколько секунд Витька находился в замешательстве. Потом помчался за Рыбаковым.

— Товарищ Рыбаков! — закричал он. — Обождите! Партизан чуть замедлил шаг. Витька поравнялся с

ним и торопливо заговорил:

— Я вас проведу. Тут есть короткая дорога к столбовскому мосту.

— В самом деле? — Рыбаков вскинул густые брови. — Показывай, куда идти.

— Вот, видите, пекарня. Там по огородам, а дальше — тропка, — Витька забежал вперед, показывая дорогу.

Через огороды они пробрались на зеленый пригорок. Внизу поблескивала на солнце Песчанка. Над ней повис деревянный мост. Отсюда было видно, как по проселочной дороге в клубах пыли крадутся несколько вражеских машин.

- Ох, успеть бы! — переводя дух, сказал Мишка. Он бежал рядом с Витькой, тяжело дыша.

Когда они приблизились к мосту, у Витьки уже подкашивались ноги, сердце бешено колотилось. Мишка подолом рубахи вытирал пот с покрасневшего лица. Справа к густому лозняку бежали, пригнувшись, партизаны и исчезали в зарослях.

— Сидите здесь! — строго сказал Рыбаков. — Не высовывайтесь из кювета, а то демаскируете засаду.

И с мешком на спине пополз к мосту закладывать взрывчатку.

Земля чуть-чуть вздрагивала от рокота моторов. Вот над горой взвихрилось серое облако пыли, и первая машина, урча, покатила к мосту. Витька выглядывал из-за кустиков бурьяна, рядом сопел Мишка.

— Что-то Рыбаков долго, — прошептал Мишка, словно боясь, что его услышат немцы.

Машины между тем нахально мчались к реке. Уже можно было разглядеть солдат в поблескивающих касках.

— Бронетранспортеры! — опять прошептал Мишка. Раз, два, три...

В тот же миг из-за бугорка бесшумно, словно ящерица, вынырнул Рыбаков.

— Ах, черт, побери. Они уже рядом! — выругался он, устраиваясь в кювете. Он вытащил из сумки несколько автоматных дисков, положил рядом похожие на черные яйца гранаты.

— А взрыва все нет, — сокрушался Мишка.

— В запасе еще тридцать секунд, — сказал Рыбаков и плотно упер приклад автомата в плечо. «Тридцать? Как мало! — мелькнуло в Витькином знании. — Ведь фашисты рядом». Грохот, завывание моторов.

«Раз, два, три...» — отсчитывал Витька секунды, не сводя глаз с приближающихся машин.

Бронетранспортеры несколько замедлили ход. «Десять, одиннадцать...»

Уже легко различить лица фашистов. Они держат автоматы наготове.

«Двадцать два, двадцать три...»

До моста оставалось метров пятнадцать. Взрыва не Может, его и не будет? И партизаны не стреляют. Чего они ждут? Рыбаков зло прищурился, плотно прижался земле.

Мишка беспокойно ерзал. Уже на мосту...

И тут раздался дружный залп из автоматов и винто-вок. Несколько фашистов упало, раздались крики. Немцы открыли ответный огонь, стреляли наугад, так как не видели хорошо замаскированных партизан.

«Двадцать девять, тридцать, тридцать один...»

Оглушительный взрыв сотряс воздух. Вдрогнула земля, мост окутался облаком пыли, и передний бронетранспортер вместе с фашистами ухнул в реку.

— Так вас, гадов! — крикнул Мишка. Перестрелка нарастала. Из остальных бронетранспор-

теров на землю посыпались немцы.

— Вжик, вжик! — пели пули над головой.

— Не высовывайтесь! — крикнул Рыбаков и схватился за правое плечо. Лицо его сразу посерело.

— Товарищ Рыбаков! — Витька увидел, что на груди партизана расплывается темное пятно. Рыбаков повернул голову к Мишке:

— Возьми автомат, — с трудом проговорил он.

— Надо вас перевязать, — возразил Мишка.

— Потом...

Мишка взял автомат, раздалась короткая очередь.

— А ты... — прохрипел Рыбаков, обращаясь к Витьке. — Бери гранаты...

Витька испуганно посмотрел на лежащие рядом «лимонки», потом на Рыбакова. Вспомнил, как учил недавно Павликов: взять гранату в правую руку. Продеть в кольцо указательный палец...

Витька дернул кольцо. Раздался щелчок. Витька размахнулся и что есть силы швырнул гранату под мост, откуда доносились крики фашистов.

Вот они, враги, пригнув головы к земле, ползут все ближе и ближе. Витька широко размахнулся. Граната описала большую дугу и взорвалась рядом с солдатами. Три фашиста остались на месте.

Следующая граната упала возле транспортера, из-за которого немцы вели яростную стрельбу.

Гранаты летят из зарослей тростника, где залегли партизаны.

— Бегут, бегут! — закричал Мишка. Он быстро перезарядил автомат и прицелился.

Черный столб дыма взметнулся над второй машиной. Немцы не выдержали. Они вскакивали и бежали к третьему транспортеру, который разворачивался, чтобы отойти. — Ура! — мимо ребят, стреляя на ходу, стремительно мчались партизаны.

— Ура! — крикнул Мишка.

— Ура! — во все горло заорал Витька.

— Победа! — слабым голосом прошептал Рыбаков и потерял сознание.

ЧЕСТНОЕ ПИОНЕРСКОЕ

ой с карателями закончился удачно для партизан.

Немцы потеряли два транспортера, несколько десятков солдат. У партизан было двенадцать раненых. В школе расположился походный госпиталь. У крыльца стояла обшарпанная санитарная двуколка и пара взмыленных заседанных коней.

Мишка и Витька сидели на дубовом бревне под густой ракирой и вспоминали подробности минувшего боя. У Мишки на коленях лежал автомат Рыбакова. Потрясенный всем пережитым, Витька равнодушно слушал Мишкину болтовню.

— Это пэпэша, — объяснял Мишка, сдвинув кепку н затылок. — Из него можно на двести метров стрелять

На крыльце появился Семен Манцев. Увидев ребят подошел к ним и устало опустился на бревно.

Солнце уже двинулось к закату, но жара не спадала.

— Ну как самочувствие? — спросил он, вытаскивая из кармана кисет.

— Хорошее, — ответил Мишка.

— А ты, почему молчишь? — повернулся Семен Витьке. — О чем задумался?

— Рыбакова жалко. Как он? Семен свернул папиросу.

— Еще не пришел в сознание. Бредит...

— А Петька?

— Его уже за линию фронта отправили. В госпиталь. Все будет в порядке, Витек, не волнуйся, — Семен застегнул воротник гимнастерки и встал. — Ну, орел, где ваше знамя?

Седов приказал доставить немедленно в штаб отряда.

Витька резво вскочил с бревна. — Есть доставить! Мишка заторопился:

— Идем, показывай свой тайник.

— Сейчас покажу,— голос у Витьки задрожал от волнения.— Мы пойдем в карьер...

Мишка поправил на груди автомат.

— Оно в ящике лежит,— пояснил Витька. — И горн там.

— Пошли, ребята, — сказал Манцев.

По шатким скользким бревнышкам они перебрались на противоположный берег Песчанки. Здесь пышно зеленела трава, пахло сыростью. Семен опустился на землю и лег в тени высокого лозняка.

— Ух, какая благодать! — сказал Манцев.— Вы, ребята, идите, а я здесь подожду. Да, вот что: возьмите мой фонарик. — Он подал Витьке порыжевшую полевую сумку. — Тут. Витька вытащил фонарик, похожий на маленький, синий домик с круглым окошечком на боку.

Витька давно уже не заглядывал в тайник, где было спрятано знамя. Но ориентировался в темноте он прекрасно и мог бы, зажмурив глаза, найти знамя. И все-таки с фонариком идти было интереснее. Узенький лучик света выхватывал из темноты серые пласты известняка.

— Далеко еще? — спросил Мишка.

— Тут совсем рядом. Видишь, коридор вбок сворачивает?— Витька посветил фонариком.

И вдруг там, куда пытался проникнуть бледный луч света, глухо загремел камень.

— Что это? — спросил Мишка.

— Наверно, летучая мышь, — высказал предположение Витька.

— А ну, посмотрим. Свети туда,— Мишка показал в темноту.

Витька пошел вперед. Желтое пятно света заметалось по сторонам.

— Трах! — Над головой у Витьки прозвенела пуля, ударилась в камень, осколки щебня секанули в лицо. Мишка загородил луч фонарика. В темноте послышался гулкий топот шагов.

— Стой! — Мишка сорвал с плеча автомат и дал короткую очередь. В глубине пещеры щелкнул пушечный выстрел.— Надо звать Семена, — сказал Мишка.

Прижимаясь к холодным камням, царапая о них руки и ноги, они поползли к выходу. Здесь их встретил встревоженный Семен. Приглаживая мокрые волосы, он спросил:

— Кто стрелял?

Мишка рассказал, как они шли по коридору, как из темноты раздался выстрел.

Манцев вынул из кобуры пистолет.

— Дай-ка, Витек, мне фонарь. Пойду я к этому типу на свидание. А вы быстрее идите туда, — он указал вправо,— там есть второй выход, как бы он туда не сунулся.

Семен скрылся в карьере, а ребята побежали к другому выходу, чтобы устроить здесь засаду. Узкое отверстие, ведущее в пещеру, было наполовину закрыто разросшимся кустарником. Ребята притаились за развесистой ивой. Мишка держал автомат наготове. Где-то рядом попискивала пичужка. Прошло минут десять. У Витьки от напряжения занемели колени. Он начал беспокоиться — не случилось ли чего с Манцевым? Но в это время в глубине карьера загремели выстрелы.

Ребята не сводили глаз с выхода.

Вдруг ветки кустарника зашевелились, и огромная человеческая фигура вынырнула из каменного отверстия. Это был Казаков. Староста зыркнул взглядом по сторонам и бросился к кустам.

— Стой! — крикнул Мишка и разрядил вдогонку автомат.

Казаков, как волк, прыгнул в сторону. Витька бросился наперерез и упал старосте под ноги. Казаков с маху грохнулся на землю.

— Стой, гад! — пыхтел Мишка, взобравшись на спину старосте.

Витька схватил правую руку Казакова, тянущуюся к револьверу. Все это произошло в течение считанных секунд. Казакову, может быть, удалось бы вырваться из рук ребят, но на помощь подоспел Манцев. Он скрутил старосте руки ремнем.

— А теперь идите за знаменем, — сказал Семен.— Я его тут покараулю.

Витька вытер поцарапанное в схватке лицо. Вот это номер! Кто мог бы подумать, что Казаков здесь скрывается. Ребята быстро вернулись. Витька бережно пес развернутое пионерское знамя, солнце переливалось на ярко-красном шелке. Мишка держал позеленевший медный 1 горн. Староста стоял, угрюмо нагнув голову, всклоченная его борода была облеплена паутиной. Увидев в руках Витьки знамя, Казаков нервно дернулся, в глазах сверкнул волчий огонек.

— Пошли, господин Казаков! — сказал Семен.

...Луговые цветы разрослись, укрыли Катину могилу Седов задумчиво смотрел на деревянный обелиск, сделанный Витькиными руками. Легкий ветерок прошелестел в ветвях молодых деревьев, взметнул белые пряди на голове Николая Сергеевича.

Витька стоял рядом. На груди у него гвоздикой алел бантик — маленькая частица пионерского галстука Он думал о пионерском сборе, что состоялся сегодня у Катинной могилы. Спасенное знамя полыхало огнем, словно кровь, пролитая в бою с врагом. Оно звало к борьбе, к победе над захватчиками.

Седов поднял голову. В печальных глазах его были и скорбь и твердая решимость.

— Николай Сергеевич,— встрепенулся Витька. — Возьмите меня в отряд. Я не маленький. Я вас не подведу. Честное пионерское!

Седов взглянул на мальчика. На лбу у Витьки пролегли суровые морщинки. Губы сжаты, а в глазах сухой блеск, живое свидетельство пережитого.

— Да, Витя, ты уже взрослый. Ты уже боец. Витька поднял на Седова благодарные глаза и крепко, по-мужски сжал его руку.